

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н. Н. ПОПЕ

ХАЛХА-МОНГОЛЬСКИЙ
ГЕРОИЧЕСКИЙ
ЭПОС

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

Н. Н. ПОПНЕ

**ХАЛХА-МОНГОЛЬСКИЙ
ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС**

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ · XXVI

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Декабрь 1936 г.

Непременный секретарь академик *Н. Горбунко*

Редактор издания акад. Н. И. Самойлович

Технический редактор К. А. Гранстрем. — Ученый корректор Д. С. Лихачев

Сдано в набор 9 октября 1936 г. — Подписано к печати 28 декабря 1936 г.

128 стр.

Формат бум. 72 × 110 см. — 8 печ. л. — 47905 тип. зн. в л. — 9.58 уч.-авт. л. — Тираж 3000

Ленгорлит № 27621. — АНИ № 1275. — Заказ № 1815

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Глава I. Древнемонгольская письменная эпическая литература	5
Глава II. Период феодальных войн в Монголии	23
Глава III. Генезис современного халха-монгольского героического эпоса	40
Глава IV. Отношение халха-монгольского героического эпоса к эпосу других монгольских народностей	59
Глава V. Сюжеты и структура произведений халха-монгольского героического эпоса	74
Глава VI. Персонажи халха-монгольского героического эпоса	85
Глава VII. Общие места халха-монгольского героического эпоса	96
Глава VIII. Форма произведений халха-монгольского героического эпоса	112

Глава I

ДРЕВНЕМОНГОЛЬСКАЯ ПИСЬМЕННАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Центральной фигурой древнейшего дошедшего до нас героического эпоса монголов является глава и вождь „степной аристократии“ кочевого феодализма — Чингис хан. Под его руководством монгольские феодалы сумели подняться на невиданную до того высоту: вчерашние главари мелких разбойничьих шаек, что представляли собою „степные аристократы“ и их дружинники-нукеры, оказались командирами тём громадной армии, словно снежная лавина сокрушавшей все препятствия, стоявшие на ее пути, под натиском которой в прах рассыпались самые крепкие стены, и бои с которой проигрывали увенчанные славою победы над всеми прочими врагами полководцы. Вчерашние мелкие степные хищники, обычными подвигами которых являлись нападения на проезжих в степи, набеги на соседей с целью угона скота и увода в качестве наложниц жен и дочерей побежденных, оказались теперь высшими распорядителями громадной военно-феодальной империи и обладателями таких богатств и сокровищ, о которых они прежде и не слышали. Хотя такие перемены в положении кочевых феодалов явились совершенно закономерным следствием достаточно еще не изученного исторического процесса, приведшего к образованию одной из величайших мировых империй, личность организатора этой империи — Чингис хана и в этом случае сыграла такую же роль, которую мы признаем за всеми крупными личностями. Нет ничего удивительного в том, что о Чингис хане очень скоро, быть может, даже еще при жизни его были сложены многочисленные предания и разнообразные произведения героико-эпического характера.

Такие легендарные сведения о Чингис хане настолько переплелись с подлинно историческими известиями, что монгольские летописцы скоро перестали их различать и относились и к тем и к другим одинаково. В качестве легенды о Чингис хане, выдаваемой летописцем за подлинно историческое свидетельство, можно привести предание о том, как Чингис хан, узнавший о непочтительных о нем разговорах Хасара и Бэлгэтэя, решил наказать их за строптивый и гордый нрав, для чего он принял вид старца и прибыл к ним с луком, которого те натянуть не смогли. Тогда натянул лук старец и выстрелил так, что стрела вонзилась в скалу. На заносчивых братьев это, конечно, подействовало очень сильно. Эту легенду

передает летопись „Алтан тобчи“, доведенная до года вступления на ханский престол Лигдана, т. е. до 1604 г.,¹ и повторяет ее также Саган Сэцэн.² В этих же обеих летописях мы находим еще легенду о ниспослании Чингис хану тэнгрием Хурмуста чаши с вином, которую лишь он смог осушить, из чего заключается, что единственный властитель, предуказанный небом, есть только Чингис хан.³ Наконец, укажем еще на легенду о том, как Чингис хан вступил в единоборство с тангутским Шидургу ханом и последовательно превратился сперва в птицу гаруду, потом в льва и, наконец, в старца.⁴

Более того, Чингис хан стал не только героем многочисленных преданий, но также предметом культа. В настоящее время известно большое количество рукописей, относящихся к культу Чингис хана, а также его ближайших сподвижников, и содержащих гимны и обращения к Чингис хану и к его сановникам о даровании благополучия, о продлении жизни и об удалении всех несчастий.⁵

Предания о Чингис хане занимают в письменной эпической литературе монголов первое место и в количественном отношении превосходят собой остальные виды ее. Со стороны художественной ценности они представляют собою высшие образцы монгольской художественной литературы. Необходимо указать на одну особенность художественно-литературных произведений о Чингис хане: в отличие от других видов эпической литературы они представляют собою нечто среднее между эпосом и дидактической литературой. Дело в том, что в таких произведениях Чингис хан выступает перед нами не только как герой, как повелитель могущественных богатырей, но и как мудрый учитель. В этого рода произведениях Чингис хан совершает не только ратные подвиги, но обращается к своим сподвижникам с мудрыми изречениями и поучениями. Это понятно, ибо Чингис хан оставил потомству память о себе как о великом полководце и завоевателе, с одной стороны, и как замечательном организаторе монгольской империи, как о громадном государственном уме, с другой стороны.

Естественно, что на всем протяжении своего развития эпическая литература о Чингис хане неоднородна. Первые сказания о Чингис хане возникли, быть может, еще при его жизни, а более поздние относятся ко временам значительно более новым. За столетия, истекшие со смерти

¹ Г. Гомбоев. Алтан тобчи. Монгольская летопись. Тр. Вост. отд. арх. о-ва. Ч. VI. СПб., 1858, стр. 20—21, 132; ср. *ᠠᠯᠲᠠᠨ ᠲᠣᠪᠴᠢ* Изд. Монгольск. книжной палаты в Бэйпине, 1925, стр. 25.

² I. J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. St. Petersburg, 1829, стр. 72—73.

³ Гомбоев, цит. соч., стр. 30, 139—140; Schmidt, цит. соч., стр. 82—83.

⁴ Гомбоев, цит. соч., стр. 35, 143; Schmidt, цит. соч., стр. 100—101.

⁵ Н. Н. Поппе. Описание монгольских „шаманских“ рукописей Института востоковедения. Зап. Инст. востоковед. Т. I, стр. 169 и сл.

Чингис хана, и положение и стремления монгольских феодалов сильно изменились, и понятно, что при таких условиях в более поздних сказаниях отразились более новые взгляды на Чингис хана и более новые стремления и чаяния монгольских феодалов.

Древнейшим памятником монгольского героического эпоса является „Сокровенное сказание“, записанное в 1240 г. и представляющее собою вместе с тем вообще самое древнее литературное произведение на монгольском языке из числа дошедших до нас. Относительно характера этого произведения в разное время существовали различные мнения.

Открывший и переведший этот памятник на русский язык Палладий воздержался от более точного определения его, дав соответствующему труду своему заглавие „Старинное монгольское сказание“. Во введении к нему он говорит, что сказание это представляет собою особый источник сведений о Чингис хане, основанный на ближайших к его времени устных преданиях.¹ По вопросу о том, кто автор этого сказания, Палладий приходит к выводу, что таковым является не одно лицо, но разные люди, свидетели описываемых в сказании событий, или во всяком случае жившие около времени самого Чингис хана и изложившие каждый предания, которые им были известны.² Отсюда видно, что хотя Палладий лично воздержался от более точного определения характера „Сокровенного сказания“, он сам был склонен считать его коллективным творчеством и сводкой разных сказаний, т. е. неким сводом эпических преданий.

Иного мнения насчет истинного характера „Сокровенного сказания“ был И. Н. Березин, назвавший его „монголо-китайской летописью“,³ другими словами, считавший его своего рода историческим произведением. С этим определением его совершенно основательно не согласился В. В. Бартольд, отнесший его к героическому богатырскому эпосу, в котором в фантастической окраске изложена легендарная история монголов и история образования монгольской империи. Далее, акад. Бартольд пришел к заключению, что автор сказания — был ли это единоличный или коллективный автор, он не говорит, — принадлежал, повидимому, к „степной аристократии“, т. е. к высшему феодальному классу, что он усматривает из того явного пристрастия, с которым автор относится к этой аристократии.⁴ В дальнейшем акад. Бартольд уточнил свой взгляд на „Сокровенное сказание“. Оставаясь на той же точке зрения, согласно которой это произведение представляет собою богатырский эпос, В. В. Бартольд вместе с тем замечает, что в этом эпическом произведении богатыри прославляются больше, нежели сам Чингис хан и его род. Так, напр.,

¹ Старинное монгольское сказание о Чингисхане. Тр. членов Российск. духовн. миссии в Пекине. Т. IV. СПб., 1866, стр. 14.

² Цит. соч., стр. 16.

³ Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина. История Чингиз-хана до восшествия его на престол. СПб., 1868, стр. III.

⁴ Образование империи Чингиз-хана. Зап. Вост. отд. Т. X, стр. 107.

Чингис хан вероломно убил одного из своих верных слуг. С другой стороны, сказание сочувственно относится к требованию богатырей послушания со стороны Чингис хана их советам. Чингис хану приписывается завет относиться с уважением к „военной аристократии“. В поэме, как характеризует В. В. Бартольд сказание, рельефно очерчен „идеал степного богатыря с его неукротимой храбростью, непоколебимой верностью главе народа и безграничным гостеприимством“.¹ Таким образом, героико-эпический характер „Сокровенного сказания“ был впервые установлен акад. Бартольдом.

Безусловно прав Б. Я. Владимирцов, когда он вносит в определение В. В. Бартольда поправку, говоря, что сочинение это, несмотря на его эпический характер, все же не представляет собою эпопеи, как полагал акад. Бартольд, выразившийся о нем как о поэме, и не является исключительно эпическим. Согласно акад. Владимирцову, „Сокровенное сказание“ представляет собою цепь эпических сказаний, переработанных с целью дать историю, предание о доме Чингис хана.²

Хотя акад. Владимирцов заходит слишком далеко, когда он опирается на данные „Сокровенного сказания“ как на данные исторического документа, поправка, сделанная им, безусловно совершенно необходима.

Каждый, кто занимался героическим эпосом монгольских народностей, сразу же заметит, что „Сокровенное сказание“ не представляет собою поэмы-улигера, для которой характерно не только ее эпическое содержание, но и определенная форма. Если обратиться к рассмотрению „Сокровенного сказания“, то нетрудно установить, что оно действительно представляет собою нечто сборное. Начинается оно, как известно, с легендарной родословной дома Чингисова, за которой следует рассказ о чудесном зачатии Алун Гоа и рождении трех сыновей и дальнейшее продолжение родословной вплоть до рождения Чингиса и смерти Исугэй батура. Эту часть сказания поэмой считать, конечно, нельзя. Она представляет собою очень типичный образчик родословных, которые у некоторых монгольских народностей сохранились до настоящего времени. Не является поэмой и вся остальная часть сказания, представляющая собою ряд эпизодов из жизни Чингис хана и описание некоторых походов его и, наконец, его смерти, а также очень краткое повествование о царствовании Öгэдэя. Во все эти составные части сказания вкраплены многочисленные отрывки стихотворных героико-эпических произведений, отрывки различных поэм. В этом отношении и только в этом прав акад. Бартольд, когда он видит в „Сокровенном сказании“ поэму. В действительности же это произведение состоит из родословных и отрывков героического эпоса, с одной стороны, и некоторых исторических свидетельств, с другой.

¹ Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. Исследование. СПб., 1900, стр. 43—44; ср. еще его рецензию на книгу Б. Я. Владимирцова, „Чингис-хан“ Восток. Кн. 5. М.—Л., 1925, стр. 251.

² Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 7.

В этом отношении „Сокровенное сказание“ отдаленно напоминает такие летописи, как „Алтан тобчи“ или летопись Саган Сэцэна, в которые вошло, с одной стороны, множество отрывков из „Сокровенного сказания“, а с другой стороны, из разных других произведений феодального героического эпоса.

Говоря об элементах героического эпоса, об отрывках героических поэм, вошедших в „Сокровенное сказание“, следует указать, что выделить их нетрудно, ибо такие отрывки оказываются стихотворными, с характерной для монгольского стихосложения аллитерацией. Кроме стихотворных, аллитерирующих отрывков „Сокровенное сказание“ содержит также ряд несомненно эпических отрывков в прозе, как-то речи Чингис хана, его обращения к сподвижникам и многие описания.

Для нас имеют наиболее существенное значение те отрывки героико-эпических произведений, вошедшие в „Сокровенное сказание“, которые выявляют отношение сподвижников Чингис хана к их повелителю.

Наиболее ярким в этом отношении является отрывок, в котором говорится об обстоятельствах, при которых Чингис хан был избран ханом: Алтан, Хучар и Сачабэки, посоветовавшись целым обществом, объявили Тэмуджину: „Мы хотим провозгласить тебя царем. Когда ты будешь царем, то в битвах с многочисленными врагами мы будем передовыми, и если полоним прекрасных девиц и жен да добрых коней, то будем отдавать их тебе. В облавах на зверей мы будем выступать прежде других и пойманных нами зверей будем отдавать тебе. Если мы в ратных боях преступим твои приказы или в спокойное время повредим делам твоим, то ты отними у нас жен и имущество и покинь нас в безлюдных пустынях“.¹

Основной идеей этого отрывка является идея служения вассала своему сеньеру, идея верности и преданности ему. Весьма яркую характеристику дает „Сокровенное сказание“ четырем главным верным сподвижниками Чингис хана, в которой на первый план выступают их храбрость и беззаветная преданность Чингис хану, вместе с которым они делят трудности военных походов: на вопрос Таяна — „Кто эти преследующие наших как волки, когда они гонятся за стадом овец до самой овчарни?“ Джамуха, согласно „Сокровенному сказанию“, отвечал: „Это четыре пса моего Тэмуджина, вскормленные человеческим мясом; он привязал их на железную цепь; у этих псов медные лбы, высеченные зубы, шилообразные языки, железные сердца. Вместо конской плетки у них кривые сабли. Они пьют росу, ездят по ветру; в боях пожирают человеческое мясо. Теперь они спущены с цепи; у них текут слюни; они радуются. Эти четыре пса: Джэбэ, Хубилай, Джэлмэ и Субеэтэй“. Таян сказал: „Коли так, то подальше от этих презренных людей“. Он отступил и, поднявшись по горе, остановился. Потом он опять спросил: „Кто эти следующие за тем отряды, похожие на жеребят, когда они, насосавшись молока, резвятся и бегают

¹ Палладий, цит. соч., стр. 62.

кругом своей матки?“ Джамуха отвечал: „Это два рода: Уруут и Мангут, которые убивают всех мужчин с копьем и мечом и снимают с них платье“. Таян сказал: „Так удалимся еще подалее от этих презренных людей“, и он приказал еще подняться на гору и, остановившись, опять спросил Джамуху: „Кто это позади, как голодный коршун, порывающийся вперед?“ Джамуха отвечал: „Это мой Тэмуджин анда, одетый с ног до головы в железную броню; он прилетел сюда словно голодный коршун. Видишь ли его? Вы говорили прежде, что только Дада появится, так от него, как от барашка, не останется и копыт с кожей. Посмотри же теперь!“ Таян только проговорил: „Страшно!“ и приказал еще подняться на гору. Он опять спросил: „Кто это позади, со множеством ратников?“ Джамуха отвечал: „Это сын матери Хоэлун, воспитанный человеческим мясом. Тело его в три человеческих роста; он съедает зараз трехгодовалого барана; одет в три железные брони и приехал на трех сильных быках. Он проглотит целого человека, с луком и стрелами, так что не засядет у него в горле; съест целого человека, да еще не сыт. Когда он разгневадается, то стрелой Анхуа через гору пронзит десять или двадцать человек; когда с ним станут драться, он метнет стрелу Кэйбур и хоть через широкую степь пронзит человека вместе с латами. Из большого лука он попадает за 900 шагов, из малого лука за 500 шагов. Он не похож на обыкновенных людей, словно большой удав. Называется он Джочи Хасар“. Таян сказал: „Если так, то вместе поднимемся на высокую гору“. Потом опять спросил: „Кто тот, что позади всех?“ Джамуха отвечал: „Это самый младший сын Хоэлун, по имени Отчигин. Он ленив; любит рано ложиться и поздно вставать; но в дружине ратников он никогда не опаздывал“. Тогда Таян поднялся на вершину горы.¹

Отрывок этот, принадлежащий безусловно к наиболее сильным местам „Сокровенного сказания“, представляет собою красочное описание главных сподвижников Чингис хана и вместе с тем подчеркивает его собственную мощь как повелителя столь замечательных богатырей.

Из выше цитированного мнения В. В. Бартольда, согласно которому „Сокровенное сказание“ прославлению героев Чигис хана уделяет значительно больше внимания, нежели прославлению его самого, отнюдь не вытекает следствие, будто сказание это отображает собою какие-нибудь тенденции вассалов к самостоятельности или независимости в силу их уверенности в собственном превосходстве над императором, могущество которого зиждется исключительно на их мощи. Наоборот, нам кажется, что из этого следует сделать совсем иной вывод, а именно, что в основе „Сокровенного сказания“ лежит, с одной стороны, убеждение в том, что могущество сеньера заключается в его умении повелевать выдающимися богатырями, а с другой стороны, в том, что вассалы являются тем более мощными, чем более могущественному сеньеру они служат и повинуются.

¹ Палладий, цит. соч., стр. 106—107.

Эта идея, как нам кажется, пронизывает собою все „Сокровенное сказание“ и является его лейтмотивом. Что же касается специально той особенности „Сокровенного сказания“, которая заключается в прославлении в первую очередь не Чингис хана, но его сподвижников, то мы можем указать на тот факт, что в высокоразвитом феодальном эпосе роль подвластных тому или иному герою богатырей часто вообщем заслоняет собою роль главного героя. Так обстоит дело даже с ойратской Джангариадой, представляющей собою резкий контраст по сравнению с бурятскими улигерами: в то время как герой бурятского улигера, какой-нибудь мэргэн, совершает свои подвиги лично сам, Джангар опирается на своих героев. Это понятно: настоящий хан сам не воюет, он лишь правит, повелевает, и Джангариада представляет собою образец именно более развитого феодального эпоса. Несомненно так же обстоит дело и с „Сокровенным сказанием“.

Таким образом, „Сокровенное сказание“ выражает очень ярко понятия „степной аристократии“, т. е. феодалов начала и середины XIII в. об обязанностях вассала по отношению к своему сеньеру и прекрасно отражает настроения феодальной верхушки, видевшей в Чингис хане своего организатора и вождя.

Если мы теперь перейдем к рассмотрению других письменных произведений героического эпоса, имеющих центральной фигурой Чингис хана, то мы установим, что все они отличаются той же особенностью: прославляя богатырей, они этим прославляют Чингис хана и подчеркивают его мощь.

Что заслуживает особого внимания, это то, что в основе всех этих произведений лежит идея безграничности ханской власти. Вместе с тем сквозь все такие произведения проходит красной нитью идея о том, что благополучие вассала зависит исключительно от его служения могущественному сеньеру: пока он сохраняет по отношению к нему верность, он сам могуществен и счастлив, но сколь скоро он покидает своего могущественного господина, он тотчас же лишается своего благополучия.

Несомненно, что в условиях постоянной вражды феодалов, бессильных бороться в одиночку со своими более могущественными соседями, такая идея в известных кругах феодальной аристократии должна была зародиться совершенно неизбежно, тем более, что память о славных временах, когда Монголия была объединена под властью Чингис хана, жила очень долго. Как нам известно, положение в Монголии изменилось очень сильно уже при первых преемниках Чингис хана, и идея безграничности ханской власти и верности ей со стороны вассалов уступила место противоположной, как только ханская власть утратила всякий авторитет, что окончательно определилось уже после падения Юаньской династии, и тогда же возник новый лозунг — лозунг борьбы с ханской властью, ставшей в силу своей слабости и безавторитетности препятствием для процветания вассалов. В виду того, что эта борьба шла между разными

группировками феодалов, она не могла ставить себе антифеодальных целей, и практическим результатом отдельных эпизодов ее было то, что на место свергнутого или павшего хана возвышался другой из числа его более счастливых соперников. Золотой век монгольской военно-феодальной аристократии был кратковремен и кончился вскоре после смерти Чингис хана, но память о нем продолжала жить долго. Отсюда понятно, что центральной фигурой значительного количества произведений книжного феодального эпоса является Чингис хан. И этот вид эпоса, зародившись в военно-феодальной среде, в среде сподвижников Чингис хана, продолжал и впоследствии жить и развиваться среди феодалов, и в эпоху смут и междоусобий послеюаньского периода мечтавших о возвращении старого доброго времени, о реставрации военно-феодальной империи, когда всем им жилось хорошо и привольно под властью великого Чингис хана.

Замечательные образчики феодального эпоса представляют собою отрывки героико-эпических произведений, вошедших в хронику Саган Сэцэна. Основной идеей, проводимой в них, является идея той же безграничной преданности вассалов Чингис хану. В качестве примера приведем здесь небольшой отрывок, однажды уже привлечший наше внимание, а именно тот отрывок, в котором говорится о том, как Чингис хан испытал верность своего сподвижника Бугурчи.¹ Когда Чингис хан наградил всех своих сподвижников, лишь заслуги Бугурчи остались Чингис ханом, желавшим испытать его, неотмеченными. Посланный Чингис хана услышал такие речи жены Бугурчи:

„Оказывая милость своему любимому народу, великий властитель возводил в тысячники и темники всех достойных и недостойных, и он ведь ни разу не вспомнил о тебе, о Бугурчи!
С тобою силу свою отдающие Борджигинам да будут наказаны!“

На это Бугурчи отвечал:

„Виски женщины короткие, мысль ее узкая,
если золотая тесьма моего властителя крепка,
если великая держава его, драгоценная яшма будут благополучны,
то удостоюсь я будущих их плодов, если теперь их и не удостоюсь.
Спешить и гневаться не нужно,
я буду снова и снова силы свои отдавать.
Он испытал, что и как было.
Зачем мой властитель забудет меня?“

Слова эти в точности были переданы Чингис хану, щедро наградившему своего верного сподвижника.

¹ Schmidt, цит. соч., стр. 92; ср. Н. Н. Поппе. О древнемонгольской эпической литературе. Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сборник статей. Л., 1934, стр. 433.

В другом месте Саган Сэцэн рассказывает о том, как Аргасун Хорчи взял золотой колчан Чингис хана и, унеся его с собой, где-то переночевал, что вызвало гнев Чингис хана, приказавшего своим верным Бугурчи и Мухули убить Аргасун Хорчи. Приведя его к Чингис хану рано утром, когда тот еще не успел встать с постели, Бугурчи обратился к Чингис хану со следующего рода речью:

„В ясные чертоги твои проникает свет.
Преступники и виновные твои собираются на дворе.
Соизволь ясной особой своей проснуться и подняться
и отдать свой приказ, пока рассветает!
В великие яшмовые чертоги твои проник ясный свет.
Соизволь открыть врата, дверь свою,
рассудить кающихся преступников
и отдать свой милостивый приказ!“

Когда вслед за тем со стороны Чингис хана не последовало ответа, слово взял сам Аргасун Хорчи, сказавший следующее:

„Когда напал и набросился копчик,
в то время, когда семидесятиголосая птица цацгагай
издавала свои клики „танг-танг“,
она лишилась своего клика „дзанг“.
Когда точно так же разгневался мой судьбою данный властитель,
я не смог сохранить присутствие духа.
Двадцатилетним я последовал,
зла и озорства своего я не дал заметить.
Правда, я привержен к вину.
Чрезмерно превратного я не замышлял.
Двадцати лет последовал я,
легкомыслия и зла своего я не дал заметить.
Правда, я привержен к хордзо.
С вредными мыслями я не носился“.

В ответ на эту смиренную речь Чингис хан помиловал провинившегося.¹

Саган Сэцэн заимствовал этот фрагмент из летописи „Алтан тобчи“, послужившей ему, как известно, одним из источников для составления его летописи,² и можно думать, что он представляет собой отрывок очень старого эпического произведения.

¹ Schmidt, цит. соч., стр. 78.

² См. Гомбоев, цит. соч., стр. 27 и сл., 137 и сл.; ср. вариант этого предания в Изд. Монгольского ученого комитета в Урге 13-го года „Всеми возведенного“ (т. е. 1923 г.), стр. 6 и сл.

Основной мыслью, проходящей сквозь оба приведенных отрывка, является идея покорности вассала своему императору, покорности во всем, хотя бы император был неправ. Эта идея имеет очень мало общего с теми представлениями о правах и обязанностях по отношению к хану, которые характеризуют собою монгольских феодалов послеюаньского периода, когда каждый более или менее крупный феодал стремился сам захватить ханский престол. Правда, старые традиции среди некоторой части феодалов продолжали жить, а именно среди феодалов, в интересах которых являлось сохранение ханской власти. Представителем этой части феодалов являлся и наш летописец Саган Сэцэн, выступающий как определенный сторонник хана и всюду подчеркивающий свое резко выраженное отрицательное отношение к узурпаторам ханской власти: достаточно вспомнить приводимую Саган Сэцэном легенду о том, как был небом наказан узурпатор Тогон тайши, сделавший попытку воссесть ханом вопреки тому, что он не был чингисханидом, чтобы понять, каковы были убеждения Саган Сэцэна.¹ Это и понятно, ибо Саган Сэцэн сам был чингисханид, правнук Хутуктай Сэцэн хон тайджи, потомка Чингис хана в 19 поколении.²

Ту же идею преданности соратников Чингис хана их повелителю выражает и небольшое эпическое произведение, приводимое А. Позднеевым под заглавием *Činggis boγda-yin yisün örlügüdei önüčin köbegün-ü čečelegsen šastir* — „Повесть о мудрых беседах мальчика-сироты с девятью öрлöками Чингиса богдо“. Высказывая свои точки зрения на вино, герои заканчивают свои речи словами, смысл которых в общем тот же, что заключительные слова речи басутского Джэбэ: „Оставим черное вино, будем стараться за своего хана!“³

О той же непоколебимой верности и безграничной преданности сподвижников Чингис хана их повелителю узнаем мы из другого эпического произведения, отпечатанного в качестве приложения к бэйпинскому изданию летописи „Алтан тобчи“ года „синего быка“ (г. е. 1925 г.).⁴

Когда Чингис хан увидел однажды зловещий сон, что приближается вражеское войско под черным знаменем, и обратился к своим шести приближенным с вопросом относительно того, что они будут делать, если

¹ Schmidt, цит. соч., стр. 151; ср. Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 147.

² См. A. Mostaert. *Ordosica*. Reprint from Bulletin № 9 (1934) of the Catholic University of Peking, стр. 56 и сл.

³ Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1900, стр. 42 и сл.

⁴ См. *ᠠᠯᠲᠠᠨ ᠲᠣᠪᠴᠢ* стр. 126—138. Об этом произведении см. Б. Я. Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. Северная Монголия II. Лгр., 1927, стр. 15; ср. L. Ligeti. *Rapport préliminaire d'un voyage d'exploration fait en Mongolie Chinoise 1928—1931*. Budapest, 1933, стр. 21.

сон этот сбудется, они отвечали ему, как подобает верным вассалам своего господина.

Ответ Бугурчи гласит:

*emüne-eče irekü dayisun-i uytusu
qoyina-ača irekü dayisun-i böglesü
ayuqu amin-dur činu tusa bolsu
ejen-iyen altan joluʔan-ača bü qaʔacasul*

„Я выйду навстречу врагу, который явится с юга,
я отрежу путь врагу, который явится с севера,
я окажу помощь твоей в страхе пребывающей жизни,
я не отлучусь от золотых висков своего властителя!“

Таков же был ответ Бургула:

*qarbuqu sumun-dur qalqabči bolsu
šorkiraqu sumun-dur sarabči bolsu
ejen-iyen altan beyen-dür sumun bü kürgesü!*

„Я буду заслоном против стрелы, которая будет выпущена,
я буду навесом против свистящей стрелы,
я не подпущу стрелы к золотой особе своего властителя!“¹

После этого Чингис хан вместе со своими шестью верными спутниками поехал на охоту и заметил приближение виденного во сне врага. Произошла встреча с ним, и верный Бургул действительно схватил свою серую кошму и встал с нею перед Чингис ханом, заслонив его собой. Даже тогда, когда он был ранен стрелой в голову, он не покинул своего поста. Враг не выдержал отпора, данного ему богатырями Чингис хана, и бежал. Вернувшись благополучно домой, Чингис хан вознес благодарственную молитву своему отцу-небу и после этого обратился к каждому из своих защитников с хвалебной речью.

Одним из наиболее замечательных старых эпических произведений монгольской литературы является „Повесть о двух скакунах Чингиса“,² заглавие которой упоминалось неоднократно в различных исследованиях в области письменной литературы и устного творчества монголов³, но

¹ *ᠡᠮᠦᠨᠡᠭᠡᠴᠡ ᠶᠡᠷᠡᠬᠦ ᠳᠠᠶᠢᠰᠤᠨ ᠠᠶᠤᠲᠤ* стр. 129.

² *ᠶᠡᠨᠢᠨᠠᠭᠤ ᠶᠡᠨᠢᠨᠠᠭᠤ ᠶᠡᠨᠢᠨᠠᠭᠤ* Изд. Монгольского ученого комитета в Урге 12-го года „Всеми возведенного“ (т. е. 1922 г.).

³ См. Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты, т. I. Произведения народной словесности бурят. Собрал Ц. Ж. Жамцарано. Пгр., 1918, стр. XI; ср. Б. Лауфер. Очерк монгольской литературы. Перевод В. А. Казакевича под редакцией и с предисловием Б. Я. Владимирцова. Л., 1927, стр. XX. Перевод] „Повести о двух скакунах Чингиса“, сделанный аспирантом Академии Наук СССР Содном Балданом совместно с Л. С. Пучковским, опубликован в журнале „Современная Монголия“ за 1935 г., № 4.

о содержании которой мы из них ничего не узнаем. Произведение это отличается высокохудожественным слогом и заслуживает глубокого внимания, также со стороны содержания. Главными героями его являются, как можно легко заметить по заглавию, два скакуна Чингис хана, родные братья, рожденные кобылой *Eremeg čaγaγči*. На этих двух скакунах Чингис хан ездил на облаву, но ни один из участников облавы не обращал на них внимания. Такое невнимание сильно удручало их, и меньшей скакун предложил старшему уйти, покинуть своего господина, который, может быть, после ухода их вспомнит о них. Старший вначале не соглашается и указывает своему брату, что им не найти такого господина и такой матушки, как их *Eremeg čaγaγči*. Младший ушел. Старший не сразу последовал за ним и решился на это лишь после довольно упорной борьбы с собою. Узнав об этом, Чингис хан отправился в погоню за беглецами. Прошло три года. За это время меньшей скакун разжирел, а старший исхудал и высох от тоски по своему господине и матери. Видя его страдания, младший скакун решил вернуться к Чингис хану. Произошла трогательная встреча их с Чингис ханом, и когда он теперь сел верхом на старшего скакуна и поехал на облаву, все участники ее удивились. Младший скакун был Чингис ханом посвящен божеству, каковой обычай посвящать коней пошел от малого скакуна.

По поводу того, что героями этого произведения являются кони, следует заметить, что таких былин, героями которых являются именно кони, у монголов довольно много. Конь играет большую роль даже в тех былинах, главным действующим лицом которых является человеческий герой. Так напр., мы дальше увидим, что герой постоянно советуется со своим конем и не решается на рискованные предприятия, не узнав предварительно совета коня. Конь часто выступает в роли спасителя своего господина, и сплошь да рядом все наиболее трудные подвиги совершает именно конь, а не герой. Такая роль коня в эпосе в условиях кочевого быта понятна.

Сюжет „Повести о двух скакунах Чингис хана“ на первый взгляд очень прост, но, как нам кажется, смысл его можно понимать иносказательно: в конях можно видеть императорских вассалов, обидевшихся на сеньера и возымевших стремление к независимости, к самостоятельности, к свободе. Но свобода эта оказалась для одного из них гораздо тяжелее, чем его прежнее положение. Благоразумие взяло, наконец, верх над всеми прочими соображениями, даже у того из них, кто в общем чувствовал себя в новых условиях независимости неплохо, и они вернулись к своему господину, за что оказались вознагражденными всем тем, чего им так недоставало во время их независимого существования.

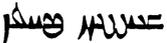
Остановимся еще на одном последнем героико-эпическом произведении из цикла сказаний о Чингис хане. Это — „Поучение Чингис хана его младшим братьям и сыновьям“, хорошо известное по

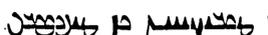
целому ряду изданий.¹ Оно заслуживает внимания в том отношении, что в приводимых в нем беседах Чингис хана с сыновьями и братьями и в поучениях, обращенных к ним, нашли яркое выражение идеалы и чаяния представителей высшего круга „степной аристократии“.

На вопрос Чингис хана, какое из всех празднеств является наивысшим, очень характерный ответ последовал от Чагадая: „По моему мнению, если подавить врага, разгромить наездника, расторгнуть сговоренных, заставить верблюдицу реветь по верблюжатам и привести с собой добычу — это будет высшее удовольствие“.

Не менее характерен и ответ Джочи: „На мой взгляд, высшее удовольствие — разводить многочисленные табуны лошадей, пускать взапуски многочисленных двухлеток, воздвигнуть себе ставку и забавляться пиршествами“.

Эти ответы не удовлетворили Чингис хана, согласившегося лишь с мнением Ёгэдэя: „Я полагаю, что лучшее из наслаждений будет в том случае, если обеспечить благоденствие великому государству, созданному трудами нашего отца-хана, положить ноги на почву и руки на землю, предоставить своему собственному народу жить в ставке, держать в порядке дела государственного управления, дать возможность наслаждений старейшинам и начальникам и обеспечить спокойствие подрастающей молодежи“.² Действительно, ответы, данные Чагадаем и Джочи, более достойны рядовых феодалов, идеалом которых являются набеги, нападения, захват добычи и беспечная привольная жизнь в степной ставке, среди тучных стад, этого мерил богатства и счастья. Идеал Чингис хана, повелителя огромной империи, являющегося примером идеального сочетания замечательного полководца и выдающегося правителя, конечно, выше каких-то набегов в тех масштабах, которые мыслит себе Чагадай, и выше жизни в ставке среди табунов. Как правитель огромной империи, Чингис хан, естественно, выше всего ставит благоденствие империи. Вот почему он одобрил ответ Ёгэдэя. В заключение беседы Чингис хан высказал свое понимание счастья в следующих выражениях: „Если дела государственного управления находятся в порядке, если владыка государства мудр и искусен, если начальствующие братья его обладают совершенствами, если давшие ему жизнь отец и мать живы и невредимы, если у него имеются чиновники, знающие дела государственного управления, если он располагает войском, способным подавить не унижающегося врага, если его жены, дети и потомство будут здрав-

¹ А. Попов. Монгольская хрестоматия. Казань, 1836, стр. 54 и сл.

 стр. 31 и сл. Довольно далекий вариант этого произведения см. стр. 153 и сл.

² В. Котвич. Из поучений Чингис-хана. Восток, кн. 3. Москва—Петербург, 1923, стр. 95.

ствовать до скончания веков, если ему будет покровительствовать могучий вечный дух вселенной — то в этом и будет заключаться его несравненное великое блаженство“.¹ Это понимание высшего счастья и выше приведенное мнение Огэдэя о том, что есть наивысшее празднество, мнение, заслужившее одобрение Чингис хана, отнюдь не делают его противником того, что считали высшей радостью Чагадай и Джочи. Наоборот, хотя Чингис хан был повелителем громадной империи, он оставался верен традициям „степной аристократии“ и ее вкусам. Только масштабы у него иные. Так, напр., Рашид-эд-дин приписывает Чингис хану следующее изречение, достаточно ясно обнаруживающее взгляды и вкусы Чингис хана: „Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его из корня, взять то, что он имеет, заставить вопить слугителей их, заставить течь слезы по лицу и носу их, сидеть на их приятно идущих жирных меринах, сделать живот и пуп жен их постелью и подстилкой, любоваться розовыми щечками их и целовать и сладкие алые губки их сосать“.²

Рассматривая произведения из цикла сказаний о Чингис хане, можно установить, что характерными для них особенностями являются следующие.

Прежде всего они проникнуты идеей беззаветной преданности вассалов Чингис хану. Наши эпические произведения совершенно не допускают мысли, что в чем-нибудь можно быть несогласным с Чингисом. Еще меньше возможны намеки на чью-либо измену ему. Для авторов этих произведений выше авторитета Чингис хана, выше императорской власти, авторитета не существует. Характерно то, что Чингис хан изображается не столько полководцем и завоевателем, сколько мудрым правителем, мыслителем. И воспетый в этих сказаниях Чингис хан долго оставался идеалом мудрого и твердого правителя, каких после него уже не было, и в эпоху самого низкого падения авторитета хана сказания о Чингис хане вспоминались феодалами как предания о золотом веке их, на возрождение которого надежд не было.

Говоря о произведениях монгольской книжной эпической литературы, следует заметить, что одними лишь сказаниями о Чингис хане они не исчерпываются, хотя Чингис хан и стоит в центре их. Сказания о Чингис хане представляют собою лишь один вид монгольской эпической литературы, лишь один цикл, хотя и наиболее крупный. Этот вид эпической литературы, созданный в среде ближайших сподвижников Чингис хана, непосредственных его вассалов, крупнейших феодалов имперского периода, был унаследован от них высшей аристократией из владетельного дома чингисханидов послеюаньского периода и продолжал жить и развиваться среди нее. Что следует особо подчеркнуть, это то, что эпические произ-

¹ Котвич, цит. соч., стр. 96.

² В. А. Рязановский. Монгольское право (преимущественно обычное). Харбин, 1931, стр. 18.

ведения о Чингис хане носят в отличие от других видов не локальный характер, но могут рассматриваться как общий для значительной части монгольских народностей вид литературы: это тоже понятно, ибо восходят эти произведения в значительной части к периоду, когда существовала единая Монголия, и имеют своим главным героем Чингис хана, который являлся императором значительной части монгольских племен. Кроме того, следует особенно отметить, что владетельные князья Монголии как Внутренней, так и Внешней, являлись чингисханидами, потомками Чингис хана, и так как сказания о Чингис хане слагались и развивались в кругу этой высшей феодальной аристократии, то понятно, что они были одинаково распространены в Ордосе, Чахаре, Халхе и т. д.

На ряду с этим видом письменной эпической литературы возник и развивался другой. Он представлен значительно меньшим количеством произведений, что, однако, нисколько не мешает определению его характера. Имеем в виду эпические произведения, изображающие феодальные войны, взаимные войны монгольских феодалов. Для нас этот вид эпической литературы имеет особенно большое значение, ибо он непосредственно примыкает к устным эпическим произведениям халха-монголов, которые составляют основную тему настоящей работы.

В 1858 г. в качестве приложения к вышецитированному изданию летописи „Алтан тобчи“ Галсан Гомбоевым было опубликовано небольшое произведение, озаглавленное им „История Убаши-хунтайджия и его войны с ойратами“.¹ Произведение это представляет собою яркий образец эпической литературы и не может рассматриваться как историческое сочинение, хотя главное действующее лицо его является вполне исторической личностью, а именно халхаским князем Шолой Убаши хон тайджи.²

Краткое содержание этого сказания сводится к следующему: отправившись в поход против ойратов, Убаши хун тайджи вместе со своим союзником, урянхайским Маджиком, не смог найти ойратских кочевьев и созвал военный совет, где предложил дальше не идти и вернуться. Маджик возражал против этого, считая, что это произведет на ойратов впечатление отступления из страха. Тогда было принято решение продолжать поиски ойратских стойбищ в течение восьми суток. Отправленные лазутчики искали ойратов долго и не могли их найти и встретили лишь какого-то семилетнего ойратского мальчика, ехавшего верхом на трехлетней гнедой лошади. Целый день преследовали его двести лазутчиков монголов и лишь к вечеру удалось им поймать его. Пытались они допросить его, но он не отвечал и сказал лишь: „Вас не посылали с тем, чтобы

¹ Гомбоев, цит. соч., стр. 198 и сл.; ср. К. Голстунский. Убаши хунтайджийн туджи, народная калмыцкая поэма Джангара и Сиддиту Кюрийн-гули, изданные на калмыцком языке. СПб., 1864 (лит.).

² А. Позднеев. Монгольская летопись „Эрдэнийн эрихэ“. СПб., 1883, стр. 104, прим. 4.

вы задавали вопросы. Ведь вас послали для того, чтобы вы кого-нибудь поймали. Ведь слово-то говорят старшему, а шубу надевают через ворот. Не правда ли? Доставьте меня живьем, и я дам показания своими устами!“ Привезли они мальчика к Убаши хун тайджи, заставили его поклониться, связали ему за спиной руки, и на правое колено его сел Сайн Маджик, а на левое Бахан Цэцэн. Убаши хун тайджи стал допрашивать мальчика. „Нойон, — отвечал мальчик, — спрашивайте меня, но не стражайте, и я доложу вам обо всем без опущений! Спрашивайте меня и не торопитесь, и я расскажу все без остатка! Дөрбөн ойраты образуют четырехугольник, они словно иглы ежа или зубья пилы. То, что я знаю, я расскажу, но чего я не знаю, рассказать невозможно!“ Хотя слова эти произвели на Убаши хун тайджи сильное впечатление, он все же продолжал свой допрос и осведомился о том, кто живет в этой стороне. Мальчик отвечал: „На этом рубеже земли живых существ живет Сайн Сэрдэнки, сын Мангада, на котором серебряный шлем, красный игольчатый панцырь, красная шелковая куртка и у которого совершенно пестрый конь. Он в сопровождении двух тысяч молодцов воткнул в землю две тысячи копий, увязал две тысячи коней и, скаля зубы и глотая слюну, спрашивает: нет ли антилоп, на которых бы поохотиться, нет ли врага, с которым бы повоевать? Как он вам нравится, нойон?“

Убаши хун тайджи продолжает свой допрос, и мальчик говорит далее: „Там живет старший брат из пяти братьев-тигров — хошутский Байбагас хан, любящий убивать и грабить, обладающий голосом десяти тигров. В сопровождении шестнадцати тысяч молодцов он обсуждает в своей пестрой пятнадцатистенной ставке мирские и церковные дела дөрбөн ойратов. Сидит он, говорят, разинув рот и расставив ладони и думает, что нет на все четыре стороны никого, кто мог бы с ним потягаться!“

Тогда Убаши хун тайджи приказал принести мальчика в жертву знамени. Несмотря на напоминание мальчика о клятве, данной монгольскими и ойратскими князьями не убивать захваченных в плен, Убаши хун тайджи настоял на своем. Тогда мальчик крикнул: „Вот что, сказывают, говорит старший из пяти тигров хошутский Байбагас хан, обладающий голосом десяти тигров и любящий убивать и грабить: «Сделав стегно Убаши хун тайджи своей подушкой, пролив его черную кровь и изломав его черное знамя на всех дорогах, я соединился с его любимой женой Дара хатун, целовал ее красные как кровь щеки, обнимал ее славное белое тело, прижимал к ее нарумяненным красным щекам свою славную бороду и обладал его счастьем». С такими словами он ударяет, как говорят, своим тяжелым булатным мечом, полученным им некогда от Бэмбада, о закаленный черный стальной треножник так, что сыплются искры. Этих слов вы не понимаете!“

Мальчика вывели и стали приносить его в жертву знамени. Так как среди монголов не нашлось никого, кто сумел бы прочесть молитву зна-

мени, ее стал читать сам мальчик: „Ешь и пей, всемилостивый тэнгри войны! Да прольется черная кровь Убаши хун тайджи! Да будет его, стегно сделано подушкой! Да останется лежать изломанным на всех до-рогах его черное знамя! Пусть возьмет его любимую жену Дара хатун властитель всех Байбагас хан! Да останется лежать изломанным под ногами ойратов его длинное черное знамя! Пусть кто-нибудь из ойратских юношей подцепит копьём красный шелковый чумбур его соловых коней и остановит их за повод! Да бьется он у Бачи до тех пор, пока не будет разбит! Да сражается он в степи, пока не будет опрокинут! Пусть у Олон Долодой у Эмэля будут вынуты его печень и почки! Пусть он бьется у начала скал с воплями, пусть он сразится у реки Булуктыйн гол в смятении и смущении! Да возьмут счастье его ойратские юноши! Да опрокинется он вверх ногами, когда достигнет гор!“ С этими словами мальчик испустил дух.

Хотя монгольским войском овладели предчувствия недоброго, было все же решено итти вперед.

Убаши хун тайджи приказал казнить Баха Балбасуна, принесшего дурные вести об ойратах и предложившего спешно отступить. Когда вслед за тем Убаши хун тайджи решил итти с передовым отрядом на ойратов, Маджик обиделся, усмотрев в этом корыстные намерения Убаши хун тайджи, стремившегося захватить стада ойратов; ушел от него, увел свое войско и дал обо всем знать ойратам, сообщив при этом, что войско Убаши хун тайджи измучено. Ойратская рать напала на Убаши хун тайджи как раз тогда, когда его передовой отряд захватил в добычу быков и овец и остановился с ними. Войско Убаши хун тайджи пришло в беспорядок, сам он был убит ойратским Сайн Сэрдэнки. Дёрбён ойраты разбили монголов и уничтожили их войско.

Сказание заканчивается словами: „Гений-хранитель ойратов принял вид семилетнего мальчика и нанес монголам поражение. Это произошло в год огненной свиньи“ (т. е. в 1587 г.).

Сказание об Убаши хун тайджи представляет собою яркий образец того вида эпической литературы, в которой изображаются феодальные войны. В основу его лег один из эпизодов непрерывных монголо-ойратских войн, которыми полон весь минский период.

Сказание об Убаши хун тайджи возникло в среде ойратской феодальной аристократии, и этим объясняется то обстоятельство, что в изложении эпизода монголо-ойратской борьбы, легшего в основу сказания, очень ярко выражено резко отрицательное и враждебное отношение к монгольскому Убаши хун тайджи. Как произведение книжное, сказание это содержит очень много подлинно исторических элементов. Тем не менее оно не является историческим сочинением.

При сравнении „Сказания об Убаши хун тайджи“ с эпическими произведениями, связанными с именем Чингис хана, нетрудно заметить огромную разницу между ними: в то время как в сказании об Убаши хун тайджи

дается довольно точное изображение одного эпизода монголо-ойратской борьбы, в сказаниях о Чингис хане описания битв представляют собою второстепенный элемент, подчиненный описаниям пиров и бесед Чингиса с его приближенными. Вместе с тем следует еще раз отметить наличие в сказаниях о Чингис хане многочисленных элементов дидактики, которых нет в „Сказании об Убаши хун тайджи“. Сказание об Убаши хун тайджи, как указывает приводимая в нем дата, относится к самому концу XVI столетия или к XVII веку. В нем говорится о событиях, относящихся к временам, значительно более новым, чем период Чингис хана. В центре его стоят монгольский Убаши хун тайджи и ряд других феодалов XVI столетия, а не полуполюгендарный Чингис хан, каким он стал довольно скоро после своей смерти, превратившись в овеванное легендами обожествленное существо.

Сложилось сказание об Убаши хун тайджи в среде ойратских феодалов, а не в кругах восточномонгольской аристократии из числа чингисханидов или наиболее близко стоявших к ним феодалов. Словом, обстановка, в которой возникло сказание об Убаши хун тайджи, существенно отличалась от той, в которой слагались сказания о Чингис хане. Этим и объясняется то обстоятельство, что сказание об Убаши хун тайджи имеет, как мы увидим дальше, ряд общих черт с устными эпическими произведениями халха-монголов, ибо в основе их и этого сказания лежат те же события послеюаньского периода и отражают они те же феодальные войны.

Глава II

ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНЫХ ВОЙН В МОНГОЛИИ

Древнейшие дошедшие до нас произведения книжного героического эпоса монголов сложились в период наивысшего расцвета политического могущества монголов. Процесс феодализации Монголии, начало которого следует искать до Чингис хана, завершился при нем и при его ближайших преемниках созданием величайшей мировой империи, в которой высшая власть принадлежала „степной аристократии“ и возглавлявшему ее императору. В условиях этой феодальной мировой империи и в среде высшего класса ее и развивался тот героический эпос, о котором шла речь в предыдущей главе.

Мировое господство монголов было, однако, непродолжительным, и организованная Чингис ханом и его сподвижниками империя пережила своих создателей всего на сто с небольшим лет.

Период, наступивший после окончательного распада империи и падения Юаньской династии (1271—1368 гг.), основанной Хубилаем, ознаменовался крутыми переменами во всей обстановке в Монголии, коренным образом повлиявшими на судьбы героического эпоса монголов, дальнейшее развитие которого в течение всего послеимперского периода может быть вскрыто только на основе изучения тех процессов, которые происходили в феодальном обществе монголов интересующего нас периода.

Период истории монголов, наступивший после падения Юаньской династии, с середины XIV и до конца XVI столетия, по причине отрывочности сведений о происходившем в течение его в Монголии, часто называют не без оснований темным периодом. То сравнительно немного, что известно об этом периоде, сводится главным образом к сведениям о почти непрерывавшихся междоусобных войнах монгольских феодалов и о длительной и упорной борьбе их с ойратами, возвысившимися вскоре после падения Юаньской династии и игравшими в течение полувека (1399—1454 гг.) руководящую роль. Войны монгольских феодалов друг с другом и борьба их с ойратами являются, однако, лишь внешними проявлениями очень глубоких процессов, происходивших в монгольском феодальном обществе того периода.

Феодализация монгольского общества в начале XIII столетия зашла уже далеко, и в процессе ее к этому времени возникла мощная коче-

вая военно-феодалная империя. Как показали исследования Б. Я. Владимирцова, в XIII столетии у монголов существовал уже многочисленный класс феодалов, к которому, с одной стороны, принадлежали великие сеньеры, т. е. царевици, вассалы монгольского хана, а с другой стороны, малые сеньеры, т. е. нойоны, ханские зятья, владельцы тём и тысяч, вассалы монгольского хана или его аррьер-вассалы, находившиеся в вассальных отношениях к царевицам. Это был один класс общества того времени. Другой класс составлял класс „простых монголов“, к которому принадлежали „простые воины“, „люди свободного состояния“ и „чернь“. Третий класс монгольского общества XIII столетия образовывали рабы, „слуги“, вполне принадлежавшие своим господам и не имевшие никакого личного имущества. Таковые являлись по происхождению своему военнопленными как из среды разных кочевников, в том числе и из монголов, так и из среды других народов. Эти рабы находились в самом угнетенном положении.¹ Как видно, монгольское общество XIII столетия было в классовом отношении уже относительно сильно дифференцированным. Если будущие исследования в этой области и внесут безусловно ряд уточнений схемы, которую дает акад. Владимирцов, то все же совершенно бесспорным является то положение, что классовое расслоение монголов в XIII столетии зашло уже далеко.

В 1206 г. Чингис ханом провозглашается империя. Первым императором молодой военно-феодалной империи был сам Чингис хан, которому подчинялись владельцы уделов — феодальные сеньеры, царевици. Наподобие того, как главою всей империи был император, царевици являлись владельцами тех уделов, которые находились в их ленном владении. Уделы были их собственностью и управлялись ими так, словно это были их имения. Естественно, что царевици в своих правах были несколько ограничены верховной властью императора. Небольшими уделами владели также некоторые дружинники-нукеры императора.

Монгольская империя с самого начала своего существования содержала в себе крупное противоречие в виде безграничной верховной власти императора, распространявшейся на всю империю, и такой же почти безграничной власти вассальных правителей в их владениях. Причину распада монгольской империи В. В. Бартольд видел в разложении императорского рода и полагал, что власть и стремление к независимости местных владельцев росли по мере распада правящего рода и ослабления связей, соединявших членов его.² С этим мнением едва ли можно согласиться, и прав, конечно, акад. Владимирцов, когда он причину распада империи ищет в самом феодальном принципе.³ В самом деле, противоречие между императорской властью и властью вассалов сказалось еще в самом начале

¹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 117—119.

² История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 87.

существования империи, при жизни самого Чингис хана. Как отмечает сам В. В. Бартольд, сепаратистские стремления обнаружил при жизни Чингис хана не кто иной, как старший сын его Джочи, и только смерть последнего помешала возникновению войны между отцом и сыном.¹

Тот же сепаратизм обнаружил глава улуса Джочиева — Бату, отказавшийся присягнуть на верность императору Гуюку. Смерть императора предотвратила войну и на этот раз.² Единство империи снова едва не было нарушено при Мёнкэ хане и было сохранено дорогой ценою полного разгрома двух улусов империи, после чего фактически установилось двоевластие — на востоке правил император, а на западе империи — Бату.³ Распри начались снова, как только умер Мёнкэ. В то время как армия присягнула Хубилаю, в Каракоруме (на р. Орхоне) ханом провозгласил себя младший брат его Арик Бökэ, и между ними началась настоящая война, длившаяся несколько лет.⁴

Причиной такого сепаратизма владельцев улусов являлся, конечно, не распад рода, ибо стремления к независимости обнаружились, как видно, еще в самом начале, и искать причины нужно в самой сущности феодализма. Монгольская империя в течение длительного срока существовала лишь номинально. В ряде областей правили царевичи, от времени до времени отказывавшиеся признавать верховную власть императора. Сам император очень скоро перестал быть тем, чем был не только Чингис хан, но и наименее выдающиеся из его ближайших потомков.

Экономическое положение монголов в течение юаньского периода сильно ухудшилось. Бесперывные войны отдельных крупных феодалов с центральной властью требовали содержания большой армии, а это вызывало громадные расходы и тяжело отражалось на экономическом положении империи. Даже самое блестящее и, так сказать, благополучное царствование основателя Юаньской династии, Хубилая было отмечено необходимостью содержать громадные гарнизоны. О таких гарнизонах сообщает интересные сведения Марко Поло: „Во всех областях Катая и Манги и в остальных его владениях есть довольно предателей и неверных, готовых возмутиться, а потому необходимо во всякой области, где есть большие города и много народа, содержать войска; их располагают вне города, в четырех или пяти милях; а городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск. И войска, и их начальников великий хан меняет через каждые два года. Так взнузданные народы остаются спокойны и не возмущаются. Войска содержатся не только на жалованье, которое великий хан определяет им из доходов обла-

¹ Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II. Исследование. СПб., 1900, стр. 425; Очерк истории Семиречья, стр. 43.

² Бартольд, Очерк истории Семиречья, стр. 49.

³ Там же, стр. 50.

⁴ С. d'Ohsson. Histoire des mongols. Т. II. La Haye et Amsterdam, 1834, стр. 344 и сл.; ср. Бартольд, Очерк истории Семиречья, стр. 52 и сл.

сти, но и живут также своими многочисленными стадами, молоком, которое продают в город и на эти средства покупают, что им нужно. Войска расположены в разных местах, в 30, 40 и 60 днях. Если бы Кублай собрал половину их, было бы их такое диковинное множество, что и не поверить“.¹ Громадных средств стоило также содержание двора и ставок феодалов.

Примитивное экстенсивное скотоводство не являлось достаточно прочной экономической основой. Китайский и туркестанский ростовщический капитал только разорял монголов. Основанные в Монголии города не обнаруживали признаков процветания. Не прививалось в Монголии и земледелие. Экономическое положение Монголии было таково, что прекращение Хубилаем подвоза хлеба во время его войны с Арик Бёкэ немедленно вызвало в Монголии голод.²

Усугублявшие тяжелое материальное положение монгольских масс стихийные бедствия нередко вынуждали их прибегать к таким крайним мерам, как продажа своих детей в рабство.³

Падение Юаньской династии имело очень большие последствия для монголов. Монголы оказались изгнанными из Китая в степи Монголии, причем изгнание это сопровождалось большим кровопролитием и уничтожением значительных материальных ценностей. Так напр., во время одного лишь сражения войск Тогон Тэмура с минской армией, отличавшегося огромным избиением монголов, последних было взято в плен около 40 тыс. Большие опустошения произвели в Монголии неоднократно предпринятые китайцами последующие походы против монголов.⁴ Постоянные вторжения китайских армий, обусловленное ими весьма неустойчивое внешнее положение и начавшиеся вскоре взаимные войны монгольских феодалов, разгоревшиеся сразу же после поражения, нанесенного китайцами, и гибели от собственного восставшего воинского отряда хана Тогус Тэмура, именуемого в летописи Саган Сэцэна Усхал ханом,⁵ войны, длившиеся в течение 12 лет (с 1388 по 1400 г.),⁶ создали для монголов такую изоляцию, в какой они не находились даже в дочи́нгисхановский период. Монголы оказались отрезанными от внешних рынков и от всех культурных стран. Торговля с оседлыми странами совершенно прекратилась, и торговые пути были заброшены. Закрытие для монголов больших рынков, упадок городской жизни в Монголии и исчезновение поселений ремесленников привели к повсеместному господству примитивного кочевое скотоводства как единственного средства к существованию. По мере падения материального уровня опускался все более и более и культурный уровень. Всеобщее обни-

¹ И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло, стр. 109, прим. 1.

² Владимирцов, цит. соч., стр. 127.

³ Там же, стр. 127.

⁴ Д. Покотилов. История восточных монголов в период династии Мин 1368—1634. (По китайским источникам). СПб., 1893, стр. 2 и сл.

⁵ Schmidt, цит. соч., стр. 139.

⁶ Покотилов, цит. соч., стр. 14, 31.

щание масс отражалось и на благосостоянии феодалов. Отсюда сильно возросли грабежи, ставшие повсеместным явлением, причём жертвами их являлись как сами монголы, так и их оседлые соседи. Такое напряжённое положение оказалось весьма затяжным, и лишь в XVI столетии появились некоторые признаки приостановки дальнейшего экономического развала.¹

Экономический упадок, новое расселение громадных масс кочевников-монголов, падение роли городов, все это, вместе взятое, не могло не повлечь за собою больших изменений в области социальной, изменения соотношения между различными группировками феодалов, с одной стороны, и перемен внутри самого аратства того времени, с другой стороны.

Высшими феодалами в минскую эпоху являлись царевици чингисова рода, из которых каждый владел улусом (тумэном) или одним или несколькими отоками одного улуса. Эти высшие феодалы именовались вначале китайским титулом тайджи (*tayji*), который могли носить только потомки Чингис хана. Потомки братьев Чингис хана носили часто титул *ong*, т. е. ван. Был распространён ещё титул хон тайджи. Во главе же всех феодалов стоял хан (*qaγan*). В послеоаньский период в Монголии существовал ещё особый институт джинонгов (*jinong*), соправителей хана. Джинонгу было подведомственно „правое крыло“ монголов, ибо древнее деление на „правое“ и „левое“ крыло в интересующий нас период ещё существовало. Хан и джинонг имели свои уделы, причём хан считался сюзереном всех феодалов-владельцев и арриер-вассалов и ведал специально левым крылом, а джинонг, имея свой удел, управлял правым „крылом“.² Ханом мог быть только потомок самого Чингис хана, и только он мог стоять во главе царевичей-тайджи из чингисова рода. Царевичам-тайджи, в свою очередь, были подчинены менее значительные феодалы, носившие китайские титулы тайши, чингсанг, дайбу, дзайсан. Названные тайши, дзайсаны и дайбу стояли во главе отока, а иногда и целого улуса, состоявшего из нескольких отоков, и владели ими в качестве наследственных правителей. Что касается отока, то таковой играет, начиная с XV столетия, роль основной экономической единицы. Оток представлял собой группу аилов, т. е. кочевых хозяйств, кочевавших в пределах определенной территории. Последняя могла быть сменена на другую, но отношения на новой территории оставались те же. В военном отношении оток представлял собою тоже особую единицу и составлял воинскую часть, называвшуюся хошуном, вследствие чего термины оток и хошун часто

¹ Владимирцов, цит. соч., стр. 127—129. Утверждать, что история Монголии в течение всего минского периода представляет собою картину сплошного упадка было бы неправильно: временами экономическое состояние страны, особенно во второй половине минского периода, являлось вполне удовлетворительным. Кроме того, как показал В. А. Казакевич в статье, предназначенной для журнала *Монгол Улсын Түүх* (выходящего в МНР), в Монголии возник в течение этого периода ряд городов и оседлых поселений.

² Владимирцов, цит. соч., стр. 138 и сл.

заменяли друг друга, и Халха делилась, напр., на семь отоков или семь хошунов. Отоки носили названия по одному из родов или других объединений, вошедших в их состав. Отоки не являлись неизменчивыми величинами: разросшиеся отоки дробились, и из них могло образоваться несколько отоков.¹ Кроме деления на отоки существовало деление на аймаки. В отличие от отоков аймаки считались группой родственной. Размеры аймаков сильно колебались: иногда несколько аймаков составляли один оток, а иногда аймак не отличался от отока. Основное отличие его от отока заключалось в том, что аймак состоял из группы людей, принадлежавших к разным родам, восходившим к единому предку.² Во главе аймака стояли более мелкие феодалы нежели те, которые принадлежали к вышеназванным категориям. Они назывались *jasay* „правитель“, *tüsimel* „чиновник“ или *aqa* „старший“. Тайши, дзайсаны, дайбу и другие феодалы происходили от тех феодалов, которые после изгнания их из Китая были вынуждены переселиться в степи Монголии.

Названные владетельные феодалы, особенно крупные, как напр., владельцы отоков, имели в своем распоряжении чиновников, которые, вероятно, тоже были наследственными. В их функции входили судебные дела, сбор податей, военное управление и т. д.

Иерархическая лестница монгольских феодалов минской эпохи рисуется в следующем виде: *qaγan* — *jinong* — *qon tayiji* или *ong* — *tayiji* — *tayishi* — *čingsang* — *dayibu* — *jayisang*.³

Монгольский феодал владел своим уделом наследственно: получая его по наследству, он завещал его сыновьям. Сыновей выделяли еще при жизни, но главная часть доставалась уже после смерти данного феодала его старшему сыну. Старший, но чаще сам отец мог лишать того или иного правителя удела. Имели место также случаи лишения феодала владений со стороны ближайших феодалов. Взамен отбираемых владений иногда предоставляли меньшие. Номинально верховным распорядителем уделов был сам хан, но в действительности таковыми распоряжались разные крупные феодалы. В период многоханства в Монголии во всех ханствах происходило в этом отношении то же самое. Раздача феодалами уделов своим сыновьям преследовала своей целью укрепление своего же положения, ибо в результате такой раздачи уделов всюду оказывались, таким образом, члены одной и той же семьи. В этой системе дробления уделов с самого начала было заложено противоречие, и если вначале распределение уделов между сыновьями, действительно, способствовало упрочению положения данного владельца, то вскоре это перешло в свою противоположность, ибо после того как был перейден некий предел, дробление уделов стало причиной ослабления сперва самого хана, а потом и всех более или менее крупных феодалов. Насколько процесс дробления

¹ Владимирцов, цит. соч., стр. 132.

² Там же, стр. 136.

³ Там же, стр. 144.

уделов был быстрым, видно хотя бы из того, что Гэрэсэндээ, более известный под именем Дзалайр хон тайджи, кочевья которого находились у Хангая, был владельцем всей Халхи, ибо ему достались от отца все 13 отоков халхаских.¹ Дзалайр хон тайджи распределил свой удел между своими семью сыновьями, а последние дробили свои уделы между своими сыновьями. В результате этого уделы все более и более мельчали. Проследивая историю одной лишь ветви Нунуху, Позднеев установил, что в третьем поколении от одного владельца имелось уже 38 потомков, из которых каждый имел свой удел.² Дело дошло вскоре до того, что фактически нечего стало давать в удел. В конце XVII столетия можно было наблюдать в разных местах мелкопоместных феодалов и, наконец, младшие члены семей феодалов уже совсем перестали получать в удел подданных и должны были довольствоваться получением некоторого количества скота и домашних слуг. Появилась новая категория „феодалов без феодалов“, т. е. просто нечто вроде беспоместного дворянства. Таких беспоместных дворян стали с конца XVII столетия именовать тайджи. Что же касается владетельных сеньеров, то таковых словом тайджи тогда перестали называть и давали им только название нойонов. Уделы последних, естественно, тоже сильно сокращались.

Каждый феодал имел известные обязанности по отношению к своему сюзерену. С одной стороны, он должен был помогать ему в совете своим участием на съездах, в суде и управлении, а с другой стороны, он исполнял военную службу, доставлял дары и всячески содействовал его начинаниям.³ Но вассал всегда имел возможность выйти из подчинения своему сюзерену и мог вступить в вассальные отношения к другому крупному феодалу, что и случалось довольно часто.

Центральная власть была чрезвычайно слаба, причем процесс роста ее слабости продолжался неуклонно и в XVI—XVII столетиях достиг своей высшей точки. Вместо одного хана появилось их, наконец, несколько. От времени до времени феодалы то признавали над собой сюзеренитет хана, то отказывались от него и вступали даже в полуассальские отношения к другим государствам. Центральная власть утратила всякий авторитет почти немедленно после изгнания монголов из Китая: об этом свидетельствует между прочим такой факт, как нападение одного из монгольских военачальников на китайские владения, предпринятое им вопреки миру, заключенному с китайцами незадолго до того Биликту ханом, имевшим резиденцию в Каракоруме. Факт этот несомненно может служить показателем начавшейся децентрализации власти.⁴

¹ Количество этих отоков разными источниками называется различное. См. Б. Я. Владимирцов. Где „пять халхаских поколений“? ДАН-В 1930, стр. 201, прим. 3.

² Позднеев, Монгольская летопись „Эрдэнийн эрихэ“, стр. 101.

³ Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 173 и сл.

⁴ Покотилов, цит. соч., стр. 8.

Переходя теперь к подданным феодалов — албату, следует указать, что отношение к ним феодалов метко характеризуется сделанным еще в XV столетии заявлением: „Как простой народ может жить без владельца?“ Вся эта „чернь“ или „простой народ“, имела, действительно, владельца, которому она принадлежала наследственно. Албату принадлежали своим феодалам точно так же, как скот или какое-нибудь другое имущество. И если мелкий феодал имел полную возможность порвать свои связи с сюзереном, более крупным феодалом, то албату этого сделать не мог, ибо он представлял собою настоящую собственность феодала. Право феодала на владение албату было не только юридическое, но имело своим основанием то, что все орудия производства фактически составляли собственность феодала. Прежде всего собственностью феодала являлась вся земля со всеми пастбищными угодьями, вследствие чего феодал мог переселять албату с одного места на другое и всячески распоряжаться его кочевками, отчуждать разные земли, делать их заповедными и т. д. Скот, составлявший личное имущество албату, фактически тоже принадлежал феодалу. Права феодала на скот и на все прочее имущество своих подданных очень ясно проявляются в обычае, согласно которому за долги феодала расплачиваются своим имуществом те же албату. Все, что бы ни предпринял албату, могло делаться лишь с ведома и разрешения феодала. Албату не имел права откочевывать от своего господина, но последний мог его передать или подарить другому феодалу. Албату нес всякие повинности: нес натуральные повинности скотом и продуктами скотоводства, исполнял работы, нес военную и караульную службы, исполнял уртонную повинность предоставлением лошадей и продовольствия проезжим гонцам.

Внутри себя албату были неоднородны. По имущественному и правовому положению они делились на *sayin kütün* „лучших людей“, более привилегированных, и на *enggün qarači* „простых людей“. Последние находились в особенно угнетенном положении.¹

Класс феодалов, как было сказано выше, не был монолитен и отсутствием противоречий внутри себя похвалиться не мог. Противоречия феодализма очень скоро породили десятилетиями не прекращавшиеся войны между отдельными феодалами и различными группировками их.

Период, наступивший непосредственно после падения Юаньской династии, характеризуется в Монголии постоянными „междоусобиями“, убийствами ханов, быстрой сменой одних крупных феодалов другими и т. д. Началась упорная и непрекращавшаяся борьба между крупными и мелкими феодалами, между феодалами из императорского дома Чингисова и более мелкими феодалами, потомками сподвижников Чингис хана, его темников и тысячников, и другими представителями старой „степной аристократии“. Эта борьба феодалов различных рангов является в конце

¹ Владимирцов, цит. соч., стр. 158 и сл.

концов движущей силой монголо-ойратских войн и распрей левого и правого крыла самих восточных монголов.

Власть хана испытала большие ограничения сразу же после изгнания хана из Китая. Лишившись гвардии, своих поместий и всех богатств, он уже не пользовался былым авторитетом. Такая же утрата авторитета постигла и царевичей. Меньшие же феодалы в своих уделах постепенно почувствовали свою силу, ибо экономически их владения были совершенно независимы, а хан никакой власти над ними фактически не имел. Менее значительные феодалы вскоре открыто перестали признавать власть хана и вступили с ним в борьбу, вылившуюся в ряд длительных и упорных войн, вконец разоривших страну. Причин для таких войн было много, но главной причиной была всегда одна — захват чужих владений и получение добычи.

Мотивы феодальных войн были, таким образом, экономические, и предпринимались эти войны с целью грабежа и аннексии владений противников. Борьба феодалов с ханом окончилась, однако, в конечном итоге все же победой хана. Б. Я. Владимирцов видит причину победы хана в отношениях хана к Китаю, ибо ханская власть могла обеспечить единое руководство всеми делами, вытекавшими из отношений к минским императорам: с одной стороны, хан мог лучше и в более крупных масштабах организовать набеги на Китай, которые приносили большие материальные выгоды, а с другой стороны, ему легче было поддерживать торговые связи с Китаем, естественно, считавшимся с ним больше, чем с второстепенными феодалами.¹ Другой причиной, несомненно, является то, что дробление феодалов настолько ослабило их владельцев, что победа над ними хана, в конце концов, явилась естественным следствием этого процесса.

Упомянутые „междоусобия“, т. е. взаимные войны феодалов, имеют для наших целей особенно большое значение, а потому остановимся на них несколько подробнее.

Первая „междоусобная“ война монгольских феодалов в интересующий нас период произошла вскоре после падения Юаньской династии. Насколько почва для открытого восстания части монгольских феодалов против верховной власти хана была подготовлена, свидетельствует между прочим тот факт, что еще во время сражений Тогон Тэмура с преследовавшими его китайскими войсками ему изменил ряд монгольских военачальников, что не могло не иметь серьезных последствий для изгнанного из Китая императора, ибо сильно способствовало победе над ним минских отрядов.² Другой характерный случай произошел в связи с поражением, нанесенным китайской армией хану Тогус Тэмуру (= Усхал хан): один из полководцев восстал против своего хана, и хан был убит повстанцами. Начи-

¹ Там же, стр. 152.

² Покотилов, цит. соч., стр. 3.

ная с этого времени, т. е. с 1388 вплоть до 1400 г., восстания и войны феодалов не прекращаются ни на один день. Все эти и последующие войны носят характер борьбы с властью хана. Согласно истории Минской династии, за это время у монголов переменилось не менее пяти ханов, которые умерли не своей смертью.¹ В самом начале „смуты“, в 1399 г., гегемония перешла в руки ойратов. Однако междоусобия продолжались и после этого. Так напр., сын убитого ойратским Угэчи Хашагою Эльбэк хана — Гун Тэмур в 1402 г. был убит неким Гуйличи.² Последний был убит в 1408 г. Алутаем (Аруктаем).³ Такое положение вещей было очень метко охарактеризовано в послании императора Юн-ло к Бэнь-я-ши-ли (= Öлджэй Тэмур?) такую фразу: „После падения могущества монголов, от потомка императора Шунь-ди, Аю-ши-ли-да-ла, до Гун Тэмура, во все шесть поколений, я не слышал, чтобы хоть один человек окончил жизнь спокойно“.⁴ Положение, однако, не изменилось к лучшему. Сам Бэнь-я-ши-ли был в 1412 г. убит ойратским Ма-ха-му (= Бахаму), провозгласившим ханом Да-ли-ба. Бэнь-я-ши-ли был ставленником Аруктая, который в ответ на такое действие Ма-ха-му вошел в переговоры с китайским двором. В 1414 г. войско императора Юн-ло нанесло Ма-ха-му решительное поражение.⁵ После этого события имя Да-ли-ба больше не упоминается, и с этого времени начинается в Монголии период двоеханства: на востоке правит Аруктай, а на западе, среди ойратов, Ма-ха-му. Аруктаю удалось укрепиться в Монголии и покорить себе урянхайцев,⁶ но вслед за этим против Аруктая предпринял войну император Юн-ло. Аруктая постигла общая для многих крупных феодалов того времени судьба: в 1434 г. он понес жестокое поражение от ойратского предводителя Тогона и был им убит.⁷ Тогон возымел намерение сам воссесть на ханский престол, но это ему не удалось, и ханский престол достался Токто Буха (Тайсуну), а Тогон стал лишь его ближайшим сановником. Победив Аруктая, он обосновался на севере, повидимому, в древней столице ханов Каракоруме. Ему было подчинено значительное количество разных монгольских племен. После его смерти в 1439 г. ему наследовал его сын Эсэн. Последнему удалось значительно расширить полученные от отца владения путем завоевания Хами и подчинения разных племен, кочевавших в северо-западной части Гань-су.⁸ Он пришел в столкновение с урянхайцами и стал готовиться к походу на Китай. Императорский двор сознавал опасность, грозившую ему со стороны Эсэна, а потому старался внести

¹ Покотилов, цит. соч., стр. 14.

² Там же, стр. 32.

³ Там же, стр. 33.

⁴ Там же, стр. 34.

⁵ В. А. Казакевич. Материалы к истории китайских военных экспедиций в Монголию. Зап. Инст. востоковед. Т. II, стр. 156.

⁶ Покотилов, цит. соч., стр. 39 и сл.

⁷ Там же, стр. 49.

⁸ Там же, стр. 52.

некоторое равновесие путем противопоставления растущей мощи Эсэна своего союза с номинальным ханом восточных монголов Токто Буха. Последнему не удалось сохранить нейтралитет в этой борьбе Эсэна с Китаем, и он тоже был вовлечен в войну. Поход Эсэна на Китай увенчался блестящим успехом: ему посчастливилось взять в плен самого минского императора. Но использовать своих успехов он не сумел.¹

После заключения Эсэном мира с Китаем вновь начались войны между ойратами и монголами. Согласно Саган Сэцэну, военные действия на этот раз были открыты не ойратами, но восточными монголами, во главе армии которых стал сам хан Тайсун, его брат Акбарджи, назначенный им джингонгом, и младший брат Мандагул. Измена в критический момент Акбарджи, передавшего со своим войском на сторону Эсэна, решила исход битвы, Тайсун был разбит на голову и должен был искать спасения в бегстве, во время которого он был убит своим тестем Цабданом. Случилось это в 1453 г.² После этого ханом провозгласил себя Акбарджи, а титул джингонга передал Эсэну. Акбарджи недолго ханствовал: вскоре он был коварным образом убит вместе со своей свитой на пиру у Эсэна. Обстоятельства этого убийства рисуются следующим образом. В большом шатре была вырыта яма, накрытая сверху кошмою. При входе хана в шатер все присутствовавшие подняли притворные крики радости, а затем хан вместе со свитой был убит и брошен в яму. Всего погибло таким образом 33 человека.³ Сыну убитого Харгуцуку удалось бежать, но во время бегства, в пути к хану токмакскому, он был убит. Между тем Эсэн объявил себя ханом. Узурпация ханского титула, на который имели право только потомки Чингис хана, восстановила против него ряд феодалов.⁴ Против него восстали его вассалы — военачальники Алак чинсанг и Тэмур чинсанг, нанесшие ему сильное поражение. Во время бегства Эсэн был убит неким Багу. После гибели Эсэна младшая жена прежде погибшего Тайсуна — Самур тайгу собрала рать и лично повела ее в бой против ойратов, которые понесли решительное поражение у Дзапхан Көнгэй, после чего она возвела на престол своего семилетнего сына, дав ему имя Укэктү хан. Последний, однако, большинством монголов не был признан и в следующем году был убит. Цабдан, убивший Тайсуна, в свою очередь был убит хурлатским Хубчиром в 1453 г., а внук Цабдана — Молон, сын убитого Тайсуна, воспитывавшийся у своего деда, был взят рабом в дом Хубчира. Против такого недопустимого по отношению к потомку Борджигинов поступка Хубчира поднялось всеобщее возмущение, вследствие чего он был вынужден отправить своего пленника к Мулихай онг'у. В 1453 г. Молон был возведен на ханский престол, но в следующем 1454 г. он был убит давшим ему убежище Мулихай онг'ом, как сообщает

¹ Покотилов, цит. соч., стр. 65 и сл.

² Schmidt, цит. соч., стр. 157—159.

³ Там же, стр. 163.

⁴ Покотилов, цит. соч., стр. 83.

Саган Сэцэн, в результате интриги Хутубага солонгосского, посеявшего между ними недоверие.¹ Молону наследовал его дядя Мандагул, так как убитый не оставил сына. Под предлогом мести за убийство Укэту хана он напал на его убийцу Доголанг тайджи, убил его и подчинил себе его народ „Семи тумэтов“. Сыну Харгуцука — Баян Мёнкэ, спасшемуся от преследований своего деда по матери Эсэна, Мандагулом был дан титул джинонга, после чего тот стал известен под именем Болхо джинонга. Мандагул вскоре предпринял поход против Мулихай онг'а, мотивируя его местью за смерть Молон хана. Мулихай потерпел поражение и был убит.² Однако, вскоре между ханом Мандагулом и Болхо джинонгом возникла вражда, посеянная между ними, по словам Саган Сэцэна, интригами Исама тайши и других лиц. Дело дошло до вооруженного столкновения, в результате которого разбитый джинонг бежал, покинув свою страну и потеряв все имущество.³ Мандагул умер в 1467 г., а Болхо джинонг был тремя годами позже убит заговорщиками из рода Юншиебу. От Болхо джинонга остался малолетний сын по имени Бату Мёнкэ, мать которого Шикэр тайгу была взята Исама тайши в жены. Когда Бату Мёнкэ было 5 лет, его женила на себе вдова Мандагул хана — Мандугай хатун и в том же 1470 г. возвела его на ханский престол, дав ему прозвище Даян хан.⁴ Даян хану удалось покончить со своим соперником Исама тайши, после чего ему покорились три „правых тумэна“, джинонгом над которыми был возведен сын Даян хана — Улус Болот. После смерти Исама тайши началось объединение Монголии под властью Даян хана.⁵

Даян хан в сравнительно короткое время объединил под своей властью всю Монголию, но перед смертью он ее разделил между своими одиннадцатью сыновьями на такое же количество уделов, после чего Монголия уже никогда более не была объединена вновь под властью одного хана.

Несмотря на то, что ханская власть восторжествовала, и Монголия оказалась объединенной под ней, годы правления Даян хана тоже не отличались спокойствием. Назначенный Даян ханом джинонг, сын его Улус Болот, был вскоре убит юншиебус'ким Ибири тайши и ордосским Мандулай Агулху. Убийство это имело своим последствием два похода Даян хана против восставших феодалов „правых тумэнов“, из которых первый окончился неудачей, а второй имел своим результатом полный разгром армии восставших феодалов, преследование остатков разбитого врага до самого Кёкэ нура (Куку нора) и окончательное покорение этих трех тумэнов.⁶

¹ Schmidt, цит. соч., стр. 171—173; ср. Покотилов, цит. соч., стр. 103 и сл.

² Schmidt, цит. соч., стр. 175.

³ Schmidt, цит. соч., стр. 177; ср. Покотилов, цит. соч., стр. 111—112.

⁴ Schmidt, цит. соч., стр. 181.

⁵ Покотилов, цит. соч., стр. 117.

⁶ Schmidt, цит. соч., стр. 185; ср. В. Успенский. Страна Кукэ-нор или Цин-хай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов. СПб., 1880, стр. 98, 101 и сл.; Покотилов, цит. соч., стр. 144, 147 и сл.

После этого над ними был назначен джинонгом другой сын Даяна — Барса Болот.

Единая Монголия снова перестала существовать после смерти Даян хана, когда произошло разделение ее на две части — на северную и южную. Северная часть Монголии, т. е. Халха, досталась младшему сыну Даян хана — Гэрэсэндзэ, а южная часть Монголии старшим сыновьям Даян хана.

Гэрэсэндзэ Дзалайр хон тайджи поделил свои владения между своими семью сыновьями. Связи между этими феодальными владениями очень скоро обнаружили свою непрочность, и вскоре после смерти Гэрэсэндзэ более или менее обрисовались контуры будущих халхаских ханств, в свою очередь распадавшихся на ряд более мелких феодальных владений. Непрочность связей, соединявших эти владения, обнаружилась, скоро: так напр., владетели хошуна Удзумчин, находившиеся в вассальной зависимости от Сэцэн хана, перешли в подданство манджуров. Впоследствии от тушету хана Гомбо отделился и ушел тоже к манджурам тайджи Бунтар. Ушли от своих халхаских сеньеров и феодалы, владевшие атаганским родом бурят.¹

Неустойчивое положение, созданное неподчинением ряда вассалов крупным халхаским феодалам, сильно осложнилось возобновившимися войнами с ойратскими феодалами. После смерти Даян хана удары ойратов были направлены в первую очередь на владения халхаских феодалов как ближайших соседей их. Особенно удачна была борьба с ойратами халхаского Абатай хана, нанесшего им поражение около 1577 г., после чего ойратские набеги приостановились до самой его смерти.² Воевали халхаские феодалы и с манджурами. Такова, напр., война, начавшаяся в результате восстания сунитских феодалов во главе с Тингисом против манджуров, в которой участвовали сэцэн хан и тушету хан халхаские. Для нас представляют собою особый интерес сведения о том, что некоторые мелкие феодалы воспользовались этой войной для своих целей: так, когда почти весь сэцэнхановский и тушетухановский аймаки целиком были подняты на борьбу против манджуров, тайджи Лабдар и его брат Эрхэ Дайчин не только не примкнули, но немедленно донесли о готовившемся выступлении манджурам. Такое же донесение было получено последними и от одного сунитского тайджи. Небезынтересно отметить также и то, что этот поход халхаских князей против манджуров в самом же начале вскрыл свои истинные цели, являвшиеся значительно более скромными, чем замыслы сэцэн хана, стремившегося вернуть своих прежних вассалов из числа южномонгольских феодалов, но зато более реальными: выйдя за пределы Халхи, войско тушету хана разграбило аймак Барин, захватило скот и взяло в плен множество баринцев. С этой богатой добычей войска вернулись в свои кочевья, оставив на время все остальные планы.³

¹ Позднеев, цит. соч., стр. 102.

² Там же, стр. 104.

³ Там же, стр. 136 и сл.

Насколько мысли о добыче заслоняли собою все остальное, видно, напр., из того, что в 1690 г., когда монголы потеснили было ойратов, они не стали их даже преследовать, но немедленно бросились на добычу, что дало возможность ойратам привести свои расстроенные отряды в порядок и тут же нанести монголам ответное жестокое поражение.¹

Приведенные факты являются блестящим доказательством того, что войны монгольских феодалов имели характер грабительских набегов и в XVII столетии. Они являются также ярким свидетельством того, что борьба мелких феодалов с крупными не прекратилась и в более новые времена. Вспыхнувшая война была частью мелких феодалов использована, ибо она могла одних возвысить, а других ниспровергнуть. Что национальные интересы отнюдь не стояли на первом плане, видно из того, что ряд монгольских феодалов сохранил свою верность манджурскому императору с самого начала: таковы хорчинские феодалы, тушету ван, уратский тусалакчи гун и др. Монголия разделилась на два враждебных лагеря, из коих один выступил за манджур, а другой против. Восставшие были разбиты, несмотря на то, что тушету хан выступил с двадцатитысячной армией, а сэцэн хан имел армию в тридцать тысяч человек.

После войны Абатай хана с ойратами нападения последних на Халху продолжались с перерывами еще долго. Своеобразный „пакт о взаимном ненападении“, заключенный в 1640 г. монгольскими и ойратскими феодалами, каковым в сущности является первая часть так называемых монголо-ойратских законов, фактически никогда никем не соблюдался и ни для кого не являлся обязательным, несмотря на то, что он содержал очень внушительные пункты, касающиеся агрессора.²

Наиболее опустошительными являлись войны, которые вел ойратский хан Галдан Бошукту. Последний из его набегов на Халху в 1688 г. кончился таким разгромом халхаских феодалов, что им не оставалось иного выхода, как искать помощи извне. В 1691 г. на сейме в Долон нуре (Долон норе) император Кан-си принял в подданство халхаских князей. Манджурам удалось, в конце концов, покончить с ойратской державой, и когда вся Монголия, включая и Халху, оказалась под верховной властью дайцинской империи, взаимные войны феодалов кончились.

В конце XVI, в начале XVII столетия в Монголии, как известно, появляются первые духовные феодалы, и в 1640 г. в Халхе возводится первый Өндүр гэгэн (Ундур гэгэн), который становится главою всех духовных феодалов и теократическим главою Монголии в зародыше. Для наших целей рассмотрение взаимоотношений духовных и светских феодалов не столь существенно. Общеизвестно, что духовный феодализм лег тяжелым бременем на аратские массы. Духовные феодалы не стояли в стороне от происходивших среди светских феодалов волнений: укажем лишь, что подавление восстания Амурсаны, грозившее одно время распространиться по

¹ Mailla. Histoire générale de la Chine. T. XI. Paris, 1780, стр. 143.

² К. Ф. Голстунский. Монголо-ойратские законы 1640 г. СПб., 1880, стр. 35.

всей Халхе, произошло при активном участии самого Өндүр гэгэна.¹ Наконец, что особенно интересно отметить, это то, что некоторые хубилганы на деле являлись самыми настоящими разбойниками: таков Ноин хутухта, организовавший со своими шабинцами разбойничьи банды и совершивший многочисленные нападения и грабежи, в результате чего был лишен китайским правительством прав на дальнейшие перерождения.²

Постоянные войны, происходившие между феодалами, тяжело отражались на их подданных, обремененных различного рода податями и повинностями и являвшихся объектом ограбления не только со стороны собственных феодалов, своих господ, но и со стороны враждебных феодалов, угонявших в качестве добычи побежденного врага не только лично принадлежавший феодалу скот, но и аратский, не говоря уж об уводе в плен людей, вследствие чего родители лишались детей, жены — мужей и т. д. Араты терпели все эти притеснения до поры до времени, и когда чаша их страданий переполнялась, они восставали. К сожалению, мы не располагаем прямыми свидетельствами именно о массовых аратских движениях в минскую эпоху, но различные косвенные указания на этот счет все же имеются.

Что касается отношения аратов к своим феодалам и их взаимным войнам, то нам известно прежде всего то, что когда аратам становилось невозможно, они покидали своих господ и укочевывали. Относительно таких перебежчиков имеются специальные статьи кодекса монголо-ойратских законов 1640 г.,³ свидетельствующие о том, что уходы подданных и перебежка их от одного феодала к другому были несомненно нередкими явлениями. Имеются сведения о том, что незаконные действия феодалов иногда вызывали открытые возмущения масс: таково, напр., свидетельство Саган Сэцэна о ропоте „малого люда“, т. е. масс (*ücüken irgen* в противоположность к „великим“ или „знатным“ *yekes*) в связи с убийством Мёнкэ Бая и Бёкэ Сурсуна, совершенного Эсэном около 1450 г.⁴

О каких-либо открытых восстаниях масс против феодалов мы очень давних известий не имеем. Первым крупным восстанием, о котором дошли более или менее точные сведения, является восстание, возглавлявшееся в 1755 г. Амурсаною. Восстание это было поднято, правда, феодалом, стремившимся к отделению Джунгарии от Китая, но, как носившее национально-освободительный характер, оно должно рассматриваться как прогрессивное явление. Восстание это было поддержано широкими аратскими массами, принявшими в нем весьма активное участие. О воодушевлении,

¹ А. Позднеев. Монголия и монголы. Т. I. СПб., 1896, стр. 521; ср. А. Позднеев. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. СПб., 1887, стр. 234.

² А. Позднеев. Образцы народной литературы монгольских племен. СПб., 1880, стр. 81.

³ Голстунский, цит. соч., стр. 3 и 35 (статья 6); стр. 17 и 53 (статья 99); ср. В. А. Рязановский. Монгольское право (преимущественно обычное). Харбин, 1931, стр. 46.

⁴ Schmidt, цит. соч., стр. 152—153.

вызванном восстанием в массах, и популярности среди них имени Амурсаны, можно судить хотя бы по многочисленным сказаниям, созданным вокруг него, в которых Амурсана изображается борцом за освобождение монголов от китайского владычества.¹ Как известно, это восстание было подавлено, причем в ликвидации его сыграли большую роль духовные феодалы. Сведения об аратских движениях, направленных против феодалов, начинают появляться значительно позже и относятся уже к середине и к концу прошлого столетия. Таковы выступления аратов, о которых сообщает А. Д. Каллиников.²

На этом мы заканчиваем наш беглый очерк „смут“ в промежутке времени от падения Юаньской династии до подчинения всей Монголии манджурам. Подводя итоги, можно заметить, что период XIV—XVII столетий характеризуется экономическим упадком Монголии в связи с изоляцией ее от рынков; сокращением богатств хана и других крупных феодалов, сильно пострадавших в результате их изгнания из Китая; непрекращавшимся дроблением уделов и отсюда сильным уменьшением влияния как хана, так и других крупных феодалов на вассалов; большей независимостью вассалов от своих сеньеров по сравнению с прошлым; слабостью центральной власти и таким положением хана, при котором он фактически являлся лишь номинальным главою; непрекращавшейся борьбой феодалов с центральной властью и непрерывными войнами их между собой, целью которых являлся захват чужих подданных и добычи в виде скота.

На фоне вышеуказанных событий следует рассматривать развитие героического эпоса монголов в течение интересующего нас периода. В кругах феодалов развивался тот вид героического эпоса, который сохранили нам письменные памятники, в центре которых стоит Чингис хан.

Об этом виде эпических произведений нам сказать больше нечего, так как о нем все наиболее существенное для нас уже было сказано выше.

Предвосхищая мысль, защищаемую нами в дальнейшем, мы здесь укажем лишь, что в течение этого периода „смут“, периода феодальных войн XIV—XVII столетий, возникает новый вид произведений героического эпоса — произведений, отражающих феодальные войны. Этот вид эпических произведений возникает не на пустом месте, но является результатом переработки более старых произведений, в соответствии с эпохой наполнившихся новым содержанием. Каким образом произошла эта перестройка соответствующего вида эпических произведений, мы здесь, в этой главе, решать не будем. Самым главным здесь для нас

¹ Б. Я. Владимирцов. Монгольские сказания об Амурсане. Восточные записки. Т. I. Л., 1927, стр. 271 и сл.

² Аратское революционное движение в доавтономной Монголии. Революционный восток, 1934, № 5, стр. 145 и сл.

является указание на то, что огромные социально-экономические сдвиги, происшедшие в Монголии в течение послеюаньского периода, который условно может быть назван удельным периодом в противоположность имперскому, отразились весьма существенно на судьбах героического эпоса, вызвав к жизни новый вид его, тот вид, к которому, в частности, принадлежит „Сказание об Убаши хун тайджи“.

Глава III

ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННОГО ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Феодалные войны, о которых речь шла в предыдущей главе, для исследователей героического эпоса халха-монголов объясняют очень многое. В период этих феодальных войн, т. е. в период XIV—XVII столетий, сложился тот тип героического эпоса, который мы наблюдаем у халха-монголов теперь. Халха-монгольский героический эпос очень ярко отражает феодальные войны, которые происходили в XIV—XVII столетиях.

Подходя к исследованию халха-монгольского героического эпоса, следует указать, что исследование его должно быть направлено в сторону выяснения двух основных вопросов: оно должно ответить нам на вопросы о том, созданием какого общественного класса является халха-монгольский эпос и в какой конкретной исторической обстановке он этим классом создавался. На второй вопрос ответ нами уже дан: тот тип героического эпоса, который мы теперь наблюдаем у халха-монголов, сложился в период феодальных войн или, иначе говоря, в удельный период. Что же касается вопроса о классовой природе его, то, как дальше будет показано, эпос этот сложился в значительной степени в аратской среде и не представляет собою творчество господствующего класса феодального общества.

Решение и того и другого вопроса нам дает анализ содержания произведений халха-монгольского героического эпоса.

Содержание халха-монгольских героических произведений составляет описание борьбы героя с противником. При этом можно установить, что героем является человек, а противником его либо тоже человек, либо мифическое многоголовое существо — мангус. Человеческий противник героя обычно хан, т. е. феодал наивысшего ранга. Сам герой представляет собою тоже либо хана, либо менее значительный персонаж.

В виду того, что нам удобнее начать с какого-нибудь определенного вида произведений, начнем с былин первого вида, т. е. с былин, в которых рисуется борьба героя с ханом.

Одним из наиболее ярких образцов этого вида героического эпоса халха-монголов является былина *Erin saia Erincea mergen* „Лучший из

мужей Эринцэн мэргэн“. Содержание этого произведения сводится вкратце к следующему.¹

В прекрасное старое время жил-был лучший из мужей Эринцэн мэргэн вместе с плохеньким стариком — старшим братом. Прекрасный дворец его стоял на западной стороне горы *Genden sagān* в кочевье *Tabaḡ хаḡgai* „Пять хангаев“. Летнее стойбище его находилось на равнинах *Wai Wančiu* и *Wui Wančiu*. Среди многочисленных коней его особенно выделялся драгоценный темнорыжий конь *Erdeniḡ cōḡ xūren zērde*, а отцом бесчисленных табунов его был жеребец *Sandasān xula*.

С другой стороны, жил-был великий хан *Хаš Хара*. Однажды он спросил своих сановников, нет ли где-нибудь прекрасных кочевий, которые можно было бы забрать, и прекрасных мужей, которых можно было бы убить. Тогда малый белый сановник его указал ему на Эринцэн мэргэна и на его владения. Хан отправил с целью получения всех необходимых сведений согбенного желтого кудесника. Кудесник ознакомился с кочевьем и всеми богатствами Эринцэн мэргэна, исследовал его коня и подъехал к его дворцу. Три месяца искал он дверь и, наконец, нашел ее. Он никак не мог открыть ее и стал рассматривать Эринцэн мэргэна в щель. Тот спал в это время и спал уже три года, закинув назад черную косу в двадцать одну сажень, вытянутый как ремень и раскрасневшийся как тамариск. Кудесник решил спешно вернуться и сказать, чтобы убили Эринцэн мэргэна, пока тот спит. Вернувшись к хану, он сообщил, что Эринцэн мэргэна не убить даже всем народом и всем войском, насчитывающим многие сотни тысяч человек, и предупредил, что он непобедим. Хан разгневался на него и сказал ему, что советов у него никто не спрашивает. Хан отправил к Эринцэн мэргэну богатырей во главе с тайджи Хара Бэтэгэн. Богатыри увидели коней Эринцэн мэргэна и решили скорее убить его и вернуться. Когда они вошли во дворец, Эринцэн мэргэн все еще спал. Подсев к нему, они крикнули во все горло, чтобы он встал. Эринцэн мэргэн вскочил, и все шестьдесят богатырей повалились в страхе на самый край очага, где остались лежать в золе. „Куда вы направились, живые существа, что хуже человека и мельче хорька? Чьи вы подданные и по какому делу едете вы?“ — спросил он их. Они отвечали, что приехали к нему с предложением руки царевны-хубилганки двадцати одной *Darixi* и спросили его, когда он думает пожаловать к ним. Эринцэн мэргэн ответил, что приедет тогда, когда у него будет время и когда настанет для этого хороший день. Он устроил угощение и подал богатырям чашу с вином, которую принесли 70 человек. Богатыри не смогли выпить эту чашу.

Старик Аксагалдай, брат Эринцэн мэргэна, увидав тем временем следы приехавших гостей, заметил, что обратных следов нет, и заподозрил недоброе. Между тем Эринцэн мэргэн поймал своего коня,

¹ Пересказ дается по изданной нами записи. См. Произведения народной словесности халха-монголов. Собрал Н. Н. Поппе. Северо-халхаское наречие. Л., 1932, стр. 58 и сл. Перевода нет.

Привязал своих многочисленных как рыбки жеребят, налил в чашу десять бурдюков *arxi* и двадцать бурдюков *xorzo* и подал богатырям, которые не могут осушить ее. По прошествии трех дней богатыри поехали назад и перед отъездом повторили свое приглашение. Прибыв к Хаш Хара хану, богатыри сообщили ему, что им не только не удалось убить Эринцэн мэргэна, но что пришлось даже обещать ему в жены царевну. По совету того же малого белого сановника хан велел построить три ряда железных стен, поставил вокруг несметные полчища войска, а сам заперся вместе с царевной в самой середине заграждения.

Эринцэн мэргэн оседлал своего коня, снарядился в путь-дорогу и поехал. При выезде из своих владений он обернулся назад, помолился бурхану и въехал в чужие владения. Конь спросил его, знает ли он, отчего вся даль подернута туманом, но он не смог на это ответить. Тогда конь сказал ему, что это стоит войско Хаш Хара хана, окружающее три ряда железных стен, за которыми укрывается с царевной хан. Эринцэн мэргэн спросил коня, как проникнуть туда. Конь отвечал ему, чтобы он вырвал из спины его ремень в три пальца толщиной и укрепил подпруги. Тот так и сделал. Спину коня он залечил белым овечьим лекарством, действие которого сказывается еще до истечения суток, и таким же белым лисьим лекарством. Конь проскакал сквозь войско и вдребезги разбил стены. Эринцэн мэргэн въехал к хану. Конь предупредил своего хозяина, чтобы он не вешал своих доспехов на вешалку, но повесил их на луку седла. Себя конь велел привязать лишь слегка и просил не входить во дворец к хану. Эринцэн мэргэн повесил все же доспехи на вешалку, но она не выдержала их. Коновязь не выдержала поводьев коня. Тогда он стреножил коня и вошел к хану. Когда он вошел и сел, вся ставка затрепала. Подали угощение. Эринцэн мэргэн сидел, возвышаясь словно гора, и пил молочную водку. Сделал он семьдесят два, семьдесят три глотка и все же не охмелел. Тогда он спросил, зачем его пригласили, раз не нашлось даже вдоволь водки. Хан послал в десять хошунов десять послов собирать водку и кумыс. В двадцать хошунов послали двадцать послов. Наконец, привезли из десяти хошунов десять бурдюков *arza*, из двадцати хошунов привезли двадцать бурдюков *xorzo*. Накурили из *arza* вино *arxi*, из *arxi* нагнали *xorzo*, из *xorzo* приготовили две бутылки яду и подали их Эринцэн мэргэну. Нечего делать — пришлось выпить. „Если герой отступит от своего намерения, он приобретет признаки женщины“, — сказал Эринцэн мэргэн и выпил. Тотчас же он потерял сознание, вытянулся как ремень, покраснел как тамариск и свалился. Хан был несказанно рад этому и хотел поскорее спрятать доспехи Эринцэн мэргэна, но верный конь ворвался во дворец, разломав крепостные стены и перетоптав войско хана. Под ногами его погибли две тьмы войска. Эринцэн мэргэна положили на шестьдесят телег, отвезли на горку *Bolžötin boro tologoi*. Верный конь тем временем поскакал домой и стал плакать по хозяину. Ржание его донеслось до *Šandasan xula*. Оставив напутствие своим товарищам, ста-

рик-конь *Šandasan xula* поскакал к брату Эринцэн мэргэна — Аксагалдаю. Разбудив его, он сообщил ему обо всем случившемся. Старый конь как вихрь понес Аксагалдая к Хаш Хара хану. На рубеже владений хана он увидел плачущего коня Эринцэн мэргэна. Старик Аксагалдай пересел на него и поскакал дальше. Протоптав себе путь сквозь бесчисленное войско хана и разломав железные стены, они проникли внутрь. Аксагалдай зацепил пальцем останки Эринцэн мэргэна и привез домой. Набрали двадцать бурдюков кобыльего молока и влили его в рот Эринцэн мэргэну. Тогда он поднялся и выблевал целое море красного яду, которым в дальнейшем отравились овцы и ягнята. Эринцэн мэргэн немедленно поехал к Хаш Хара хану, который стал просить у него пощады и отдал за него царевну. Эринцэн мэргэн взял царевну и приехал с ней домо .

По прошествии некоторого времени Хаш Хара хан отправил к Эринцэн мэргэну гонца с известием, что он болен и что он может выздороветь, если ему будет доставлен скакун с черной плешинной и маржановыми рогами. Царевна не советует Эринцэн мэргэну ехать, считая это известие ложным, и полагает, что в этой просьбе кроется какое-нибудь новое коварство со стороны хана. Эринцэн мэргэн все же не послушался и поехал в страну хана *Xara Xula*, чтобы взять оттуда скакуна с маржановыми рогами.

Въехав в кочевья Хара Хула хана, он подъехал к его ставке и вошел в нее. Он сообщил жене Хара Хула хана цель своего приезда и узнал у нее, куда пошел ее муж. Она сообщила ему, что муж возвращается всегда с противоположной стороны той, куда он выезжает. Далее, Эринцэн мэргэн узнал, что у Хара Хула хана имеется черный беркут и собаки Хасар и Басар, разрывающие на части врагов. Эринцэн мэргэн поехал дальше. Конь обратил его внимание на приближение черного беркута. Тогда он застрелил его и убил также собак.

Хара Хула хан сидел в степи, возвышаясь словно гора. Увидев у Эринцэн мэргэна перья своего беркута, он пришел в ярость. Встретившись с подъехавшим Эринцэн мэргэном, он спросил его, кто он и куда едет. Эринцэн мэргэн ответил ему, что он подданный без хана, не имеет ни имени, ни родины и прибавил, что едет он с целью убить Хара Хула хана и забрать скакуна с маржановыми рогами. После этого они условились насчет поединка, который был назначен ими на завтра. Эринцэн мэргэн заночевал на горе малых ханских охот, а хан на горе больших охот. На следующий день они сразились. Эринцэн мэргэн выставил свою грудь, и Хара Хула хан выстрелил в него. Стрелы пронзили грудь Эринцэн мэргэна, но он положил в рану мази и выздоровел. После этого они стали бороться, и Эринцэн мэргэну удалось победить его. Посмотрел он в гадание и увидел, что его непременно нужно убить. Тогда Хара Хула хан дал ему свой нож, нож своей жизненной силы, и Эринцэн мэргэн зарезал его. Забрав его жену и скот, он поехал назад и привез Хаш Хара

хану скакуна с маржановыми рогами. Хаш Хара хан стал молить его о пощаде. Эринцэн мэргэн сделал его рабом своих рабов. Подданных он разделил на сто сорок хошунов и зажил с обеими женами хорошо и благополучно.

Как видно, основной сюжет этой былины составляет борьба двух противников — Хаш Хара хана и Эринцэн мэргэна. Хаш Хара хан хочет забрать кочевье своего соперника и посылает на разведку шестьдесят богатырей. Характерны слова Хаш Хара хана, с которыми он обращается к созванному им собранию сановников: „Есть ли кочевья, которые можно было бы взять? Есть ли добрый молодец, которого можно было бы убить?“ Как видно, цель, которую себе ставил Хаш Хара хан, когда он предпринял борьбу с Эринцэн мэргэном, полностью совпадает с целями, которые преследовали феодальные войны XIV—XVII столетий. И любопытно, что слова Хаш Хара хана почти полностью совпадают с речами ойратского Сайн Сэрдэнки, о котором пленный мальчик-ойрат говорил монгольскому Убаши хун тайджи: „Нет ли антилоп, на которых поохотиться, нет ли врага, с которым повоевать?“¹ Борьба эта оказалась для Хаш Хара хана безуспешной, и он в конце концов был вынужден отдать за Эринцэн мэргэна свою дочь. Вслед за тем он попытался было снова уничтожить своего соперника, с каковой целью поручил ему опасное дело. Эринцэн мэргэн вступил в борьбу с Хара Хула ханом, убил его, завладел всем его имуществом и доставил Хаш Хара хану требуемое, после чего Хаш Хара хан стал рабом его рабов, а он — правителем ста сорока хошунов. Мы видим здесь ряд эпизодов, напоминающих некоторые моменты войн монгольских феодалов. Борьба, как видно, шла из-за кочевий. В процессе борьбы с Хаш Хара ханом Эринцэн мэргэн был втянут в борьбу с Хара Хула ханом и, разделившись с последним, он покончил и со своим главным соперником, после чего все кочевья и подданные уничтоженных противников достались ему. Если вначале пострадавшей стороной был Эринцэн мэргэн, то впоследствии он оказался победителем, и участь, которую ему готовил Хаш Хара хан, постигла последнего.

Все эти моменты совпадают с тем, что нам известно из истории монгольских феодальных войн. Не рисуя, конечно, какой-нибудь определенной войны, борьбы каких-нибудь определенных исторических личностей, наша былина в общем, несмотря на ряд фантастических сказочных элементов, содержащихся в ней, все же воспроизводит довольно точно основные характерные моменты такой войны.

Как видно, главным противником Эринцэн мэргэна является хан, т. е. феодал высшего ранга, верховный глава всех феодалов, хан Хаш Хара, высылающий против героя богатырей под начальством тайджи Хара Бэтэгэн. Другой противник Эринцэн мэргэна, с которым он столкнулся в процессе развертывания его борьбы с Хаш Хара ханом, является тоже ханом, а именно Хара Хула.

¹ Гомбоев, цит. соч., стр. 203.

Чем вызвано столкновение Эринцэн мэргэна с Хара Хула ханом? Оно вызвано тем, что Хаш Хара хан приказал ему доставить от него волшебного скакуна, т. е., иначе говоря, борьба эта возникла в результате стремления Хаш Хара хана получить от своего соперника Хара Хула хана какие-то ценности (в данном случае это скакун), которые он мог добыть лишь при помощи вооруженной силы. Хаш Хара хан совершает этот поход не сам, но поручает это дело Эринцэн мэргэну, который, как мы увидим ниже, является его подчиненным. Будучи связан с Хаш Хара ханом узами вассалитета и свойством, Эринцэн мэргэн выполняет этот приказ. В результате победы над Хара Хула ханом Эринцэн мэргэн становится настолько сильным, что ему нетрудно низложить Хаш Хара хана и самому завладеть его кочевьями.

Основное значение титула „мэргэн“ (*mergen*) — „меткий стрелок“. Титул этот носили, как нам известно из труда Б. Я. Владимирцова, предводители кланов, родовые вожди XI—XII ст.¹ Впоследствии стали так называться уже владельцы отоков, а иногда — улусов.² Образ мэргэна унаследован феодальным эпосом от эпоса родового общества. В виду того, однако, что халха-монгольский героический эпос в течение многих столетий развивался в условиях феодализма, образ героя былины, нашего мэргэна, подвергся известному переосмыслению, и герой приобрел некоторые внешние черты феодала, а именно вассала враждебного ему хана. Народный, демократический, если так можно выразиться, характер нашей былины и других, аналогичных ей, обнаруживается в том, что мэргэн, играющий роль положительного персонажа былины, разделяется со своим противником, со стоящим над ним феодалом высшего ранга — ханом. Отрицать наличие некоторого внешнего сходства мэргэна с ханом мы не можем, но все же должны указать, что внутреннее различие мэргэна и его противника значительно больше, чем их внешнее сходство. Образ мэргэна нам представляется демократическим. Вместе с тем мэргэн является носителем национальных героических черт монголов.

Кроме былины об Эринцэн мэргэне мы располагаем в своем собрании эпических произведений халха-монголов еще одной былинной, рисующей борьбу хана с подданным, а именно былинной „Мани Бадар дзанги нашего хошуна“.³ На этот раз борьба происходит между ханом Хара Бэтэгэн и подчиненным значительно более мелким, чем Эринцэн мэргэн, а именно с Мани Бадар, который был всего лишь дзанги, что является очень невысоким феодальным чином, ибо чин этот носил управитель сомона, начальник уртона, а также начальник караула. Как военный чин, дзанги соответствует, примерно, командиру эскадрона. Чин этот был введен уже в эпоху манжурского владычества. Таким образом, если основной сюжет былины

¹ Общественный строй монголов, стр. 74, 92.

² Там же, стр. 138.

³ Поппе, цит. соч., стр. 126 и сл.

об Эринцэн мэргэне образует борьба хана с вассалом, с менее крупным, но все же социально высоко стоящим противником, то в этой былине действующими лицами являются уже хан и управитель сомона.

Былина „Мани Бадар дзанги“ интересна не только своей отличной от предыдущей былины фабулой, но тем, что она представляет собою произведение, еще более демократическое, нежели предыдущее: если в первой былине речь идет все же о борьбе двух крупных противников, то здесь говорится о борьбе с ханом совсем маленького человека.

По поводу этого позволим себе заметить, что такой более демократический характер былины „Мани Бадар дзанги“ является результатом довольно длительного развития: по мере того как сопротивление аратских масс феодальной эксплуатации росло и расширялось, оно неизбежно должно было вызывать соответствующие отклики и в идеологической области. Наподобие того, как протест масс против своих эксплуататоров в области фольклора приводит к возникновению у разных народов сказок о глупых царях и умных бедняках, о хитрых мужичках и обманутых ими господах и т. п., точно так же и здесь мы имеем былину о незначительном феодальном персонаже — дзанги, который в конце концов восторжествовал над притеснявшим его ханом. Такое торжество маленького человека над могущественным ханом должно было доставить аратам, слушающим эту былину, известное удовлетворение по поводу того, что всемогущий хан, борьба с которым в действительной жизни в подавляющем количестве случаев оканчивалась не в пользу аратов, оказался побежденным хотя бы в былине.

Выше было указано на то, что феодальный гнет вызвал протест масс. Он не сразу принял активную форму и первоначально носил характер пассивного сопротивления: араты убегали от своих феодалов, откочевывали от них, перебежали к другим и т. д. В идеологической области это привело к созданию демократических жанров фольклора.

Как показывает новый, сравнительно, манджурский титул дзанги, появляющийся у монголов лишь после XVII столетия, былина о Мани Бадар дзанги представляет собою либо одну из наиболее новых, составленную, однако, строго по образцу старых былин, либо старую былину, герой которой проделал известную эволюцию, превратившись из более древнего мэргэна в более нового дзанги, в персонаж значительно более современный, конкретный, близкий и понятный массам XVIII—XIX столетий, нежели мэргэн, уже исчезнувший в действительной жизни и представляющийся поэтому скорее какой-то легендарной, мифической личностью, нежели живым человеком.

Таким образом, можно говорить об эволюции одного из персонажей былины, а именно того, на стороне которого находятся симпатии рапсода и слушателей-аратов и который мы, условно, можем назвать „добрым“ персонажем: из героя-мэргэна, носящего некоторые черты феодального правителя, несколько ниже стоящего, чем хан, он превращается в совсем

незначительного человека. По мере того как растет самосознание аратской массы и по мере того как зарождается протест ее против феодальной эксплуатации, былина принимает все более демократический характер, демократизируется, что выражается в своеобразной эволюции „добрého“ персонажа. Фактически эта демократизация выражается лишь в замене персонажа другим, так как в остальном борьба „добрého“ персонажа со „злым“ ханом сохраняет все признаки, присущие борьбе противников, описываемой в других былинах, не проделавших столь сильной эволюции в сторону демократизации.

Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что халха-монгольская былина вовсе не представляет собою чего-нибудь неподвижного, застывшего и окаменевшего. Наоборот, мы видим, что она развивалась и двигалась вперед, и это движение можно наблюдать.

Переходим теперь к рассмотрению содержания былины „Мани Бадар дзанги“.

Жил-был Мани Бадар дзанги нашего хошуна. Однажды он увидел, что конь его Сандзай Шарга исхудал и, узнав от коня, что он поправится и станет лучше прежнего, если будет пить воду из источника ламы *Ašīn sagān*, он пустил его в табун ламы. Через два месяца конь стал краше прежнего. Поехав верхом на коне, Мани Бадар дзанги увидел у золотого источника белую лебедицу, которую поймали нищие при помощи похищенного ими аркана. Нищие собирались съесть лебедицу. Тогда Мани Бадар дзанги выменял ее, отвез ее на желтую Тамчинскую равнину и отпустил, после чего она превратилась в прекрасную девушку. Она оказалась младшей дочерью небесного хана Джагармиджида.¹ Девушка заявила ему, что хочет стать его женой, но он долго отказывался, говоря, что у него нет даже чистого помещения для нее. Тогда девушка выхватила платок, махнула им, и появились три прекрасных золотых дворца. В одном из этих дворцов они и зажили счастливо и радостно.

Жил-был хан Хара Бэтэгэн. Однажды он увидел в подзорную трубу, что в пустынной местности появился дворец. Послав туда своих пажей (*x'ā*), он узнал от них, что живет там Мани Бадар дзанги. Отправившись к старику *Ulālzai*, он велел ему погадать и узнал, что нет на земле мужа лучше Мани Бадар дзанги. После этого хан велел погадать о том, возможно ли ему отнять у Мани Бадар дзанги жену, и узнал, что предприятие это очень опасно. После этого хан послал за Мани Бадар дзанги и отправил его за сбором падатей, а сам послал его жене приглашение на пир. Когда хан хотел схватить ее, она превратилась в птицу. Дворец, в котором она оказалась заперта, был обложен со всех сторон топливом и подожжен. Тогда она вылетела из дворца и решила ждать своего мужа три года.

¹ Джагармиджид — халха-монгольская народная форма индийского имени *Vikramāditya*.

Мани Бадар дзанги тем временем вернулся и узнал обо всем случившемся. Отправившись искать жену, он увидел ее платок, на котором кровью было написано, что он подъедет к трем морям и что он должен из одного моря напоить коня, водой второго обмыть свой лук и сайдак, а из третьего утолить жажду, после чего появится однорогий сивый бык, верхом на котором ему нужно продолжать свои поиски. Мани Бадар дзанги так и сделал. Он подъехал на быке к золотому колодцу, куда пришли две девушки, ставшие брать воду. Узнав от них, что они носят воду самой младшей из семи дочерей небесного хана Джагармиджида, он опустил в ведро колечко, полученное им от жены. Когда они пришли домой и стали поливать руки красавицы водой, ей на руку упало колечко. Узнав от девушек, что у колодца стоит прекрасный витязь, она попросила у отца разрешение спуститься к нему. Спустившись к Мани Бадар дзанги, она узнала его, и они зажили счастливо и благополучно.

Затем они отправились домой, взяв в приданое детей и молодой скот, за которыми потянулись и их родители. Прибыв к хану Хара Бэтэгэн, они выстроили недалеко от него шалаш. Мани Бадар дзанги пошел к хану и в ответ на его вопрос, чего он хочет, он сказал, что заберет все его имущество и ханский престол. Тогда стали его гнать. Узнав, что это Мани Бадар дзанги, хан предложил ему золото, серебро и даже свой престол, но Мани Бадар дзанги сказал, что приедет за всем этим послезавтра, и пригласил хана к себе. Хан приехал и, выпив у него вина, собрался уезжать. Тогда жена Мани Бадар дзанги спустила на него собак, которые его растерзали. Мани Бадар дзанги стал ханом и устроил большой пир.

В этой былине героический элемент отсутствует. Былина эта представляет собою нечто переходное от сказки к былине. Все же мы видим, что она обладает многими характерными для былин чертами и особенно характерно окончание ее: уничтожив хана, Мани Бадар дзанги сам становится ханом.

Обе рассмотренные былины рисуют нам борьбу хана со своим подчиненным. Но этот вид былин про хана и соперника, по рангу стоящего ниже его, не является единственным видом, и существуют также былины, в которых изображается борьба двух равных соперников. Характерным образчиком такого рода былин является былина *Bogdo nojon Žanrai хан* „Богдо нойон Жанграй хан“.¹

Богдо нойон Жанграй хан поехал однажды на охоту на гору *Arcatai ūla*. Там он увидел плохенького мальчишку *Borolzoi хй*, который только что убил зайца и теперь обдирал его. Хан разгневался на него за охоту на его горе без разрешения. Мальчишка стал оправдываться тем, что он одинок, не помнит родителей и что ему нечего было есть. Хан привез мальчика домой, лег спать и позабыл о нем. Однажды он услышал, как

¹ Записана Ц. Ж. Жамцарано. См. Образцы монгольской народной литературы. Вып. I. Халхаское наречие. Редактировали Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Руднев. СПб., 1908, стр. СХХIII и сл.

мальчик сказал ханше *Zula Zandan*, что он уже семьдесят семь лет ходит за ханскими табунами и что каждый, кто имеет родню, естественно, вспоминает о ней. Далее мальчик рассказал о предстоящем разрушении дворца и о битве с четырьмя героями. Ханша передала эти слова своему мужу. Когда мальчика призвали к хану, он повторил свою речь. Тогда хан предложил ему трижды проявить богатырские качества.

Мальчик отправился в путь. Как оказывается, он был не простым ребенком, но сыном младшей из трех небесных дагини, и спустился на землю для того, чтобы раздавать неимущим милостыню. Прошло семь дней с тех пор, как мальчик уехал и поднялся на небо. Однажды с северо-востока поднялся большой столб пыли. Посланный богатырь увидел, что с северо-востока идет десятитысячная рать *Xabxaiᠢᠨ хᠡ Хара Сојо*, возглавляемая сыном последнего *Xelmerči*, с целью отомстить за своих отцов. Богатырь спешно сообщил об этом хану. Богатыри хана выехали навстреч к врагу и схватили сына *Xabxaiᠢᠨ хᠡ Хара Сојо* и пленного врага предали казни: разрубили его на части, навьючили куски на коня и пустили их домой. Отец убитого воспылал жадной мести. Когда к *Xabxaiᠢᠨ хᠡ Хара Сојо* вышли без оружия три богатыря Богдо нойон Джанграй хана, тот велел схватить их и предать пытке каленым железом. Джанграй хан забеспокоился долгим отсутствием своих богатырей и выехал на гору, откуда увидел все, что происходило. Он выхватил копье и бросился на Хапхайн ху Хара Сојо, но рукоятка осталась у него в руке, а копье выхватил Хара Сојо. Джанграй хан спасся бегством. Хара Сојо поехал к нему в ставку, чтобы захватить жену его, но она улетела на небо. Точно также не удалось ему завладеть дворцом, так как он не смог приблизиться к нему. Не мог он также обратить течение четырех морей в сторону своей ставки. Тем временем Джанграй хан поймал жаворонка и послал с ним письмо к Боролдзой ху. Тот приехал. Когда они разговаривали, они увидели поднимающийся из-под земли дым и услышали какой-то голос — „Старуха!“ кричал кто-то, „суждено ли теперь дать ему меч?“ Тогда они спустились под землю, встретились с кричавшими и заказали им меч, который вымачивали десять дней в крови живых людей и двадцать дней в крови ядовитого змея. Конь не смог везти этот меч, и пришлось навьючить его на тигрят, которые привезли его на горку *Bolžōtin boro tologoi*. Бросившись в погоню за Хапхайн ху Хара Сојо, они пригнали его к этой горке, убили его самого и уничтожили все его войско. Забрав его имущество, они приехали домой. Ханша вернулась с неба, и они устроили пир и веселье.

Былина о Джанграй хане отличается от предыдущих прежде всего тем, что главные действующие персонажи по своему общественному положению равны друг другу: и тот и другой — хан. Интересно, что противник героя начинает войну, движимый чувством мести за отцов. Этот родовой пережиток, институт родовой мести, существовал у монголов и продержался довольно долго: из истории монголов известны многочисленные случаи.

мщения, причем не только мщения за себя, но и за предков потомкам тех, кто совершил преступление, требующее кровавой мести.¹ В качестве примера одной из феодальных войн, имевших своим формальным поводом месть, можно привести поход Мандагул хана против Доголонг тайджи, мотивированный местью за убитого последним Укэкту хана.² Доголонг тайджи был разбит и погиб в сражении, а его народ „Семи тумэтов“ был покорен Мандагул ханом.

Таковы, следовательно, характерные былины, относящиеся к первой категории, т. е. былины, рисующие нам борьбу противников, из которых и тот и другой являются человеческими существами, борьбу, в которой соперничающими сторонами являются либо два хана, либо хан и его подчиненный, его вассал. Выше мы констатировали существование даже более демократических былин, рисующих нам борьбу с ханом совсем небольшого человека.

Теперь мы переходим ко второму виду былин, в наших собраниях более обильно представленному. Имеем в виду былины, рисующие борьбу героя с мифическим существом — с многоголовым чудовищем мангусом.

Относящиеся к этой категории былины значительно более многочисленны. По содержанию они не отличаются от рассмотренных выше: в основе всех их лежит сюжет борьбы, и разница заключается, в сущности, лишь в том, что противником героя здесь является не хан и не какой-нибудь другой представитель высшего феодального класса, но мифическое существо мангус. Заменой одного отрицательного персонажа (хана) другим (мангусом) исчерпывается разница между этими двумя видами. Таким образом, если брать эти два вида былин в том виде, в каком они дошли до нас, принципиальной разницы, разницы по содержанию между ними не окажется. Деление былин халха-монголов на две основные категории следует с этой точки зрения рассматривать как деление по одному единственному формальному признаку. Но это так, если брать эти былины в том виде, в каком они дошли до нас, а они имеют за собой долгий пройденный путь развития.

Мангус является, как сказано, многоголовым человекообразным существом, а герой, которому приходится выдержать борьбу с ним, — несмотря на ряд присущих ему сверхчеловеческих черт и способностей, — все же человек. Таким образом, в былинах этого вида речь идет о борьбе человека с каким-то мифическим существом, с какой-то таинственной и страшной силой, несущей этому герою и людям вообще горе и гибель. В конечном итоге герой побеждает и уничтожает мангуса и, таким образом, доброе начало торжествует. Сюжет этот несомненно очень древнего происхождения и возник безусловно еще до образования классового общества, отражая борьбу человека с природой, а также борьбу враждовавших между собою родов и племен. В условиях феодального общества

¹ Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 53—54.

² Schmidt., цит. соч., стр. 175; ср. Покотилов, цит. соч., стр. 109.

этот сюжет сильно изменился и оброс многочисленными более поздними придатками. Изменились и действующие лица. Герой и мангус — злой дух или персонифицированная враждебная человеку сила, приняли оба некоторые черты феодальных правителей: мы видим у них подданных, кочевья, дворцы, стада и т. д. Мотивы нападения мангуса на героя чисто феодальные — захват его имущества, угон скота и увод подданных, а также похищение жены героя. Мангус, несмотря на всю свою многоголовость — мангус обычно имеет пятнадцать, двадцать пять, даже девяносто пять голов — и несмотря на ряд сверхчеловеческих качеств, оказывается, наконец, таким же человеком, как и герой, и в конце концов оказывается побежденным и убитым. Таким образом, от первоначального сюжета остается немного, а именно борьба героя с противником, но характер борьбы и сами борющиеся стороны представляют собою нечто совсем иное, чем в тех первоначальных древнейших мифах, от которых унаследована фигура мангуса. Что же касается былин, в которых в роли противника героя выступает хан или другой феодал, то их сюжет по понятным причинам является значительно более поздним, чем мифы, от которых в наследство достался нам мангус, ибо возникновение их относится к феодальному периоду, точнее, даже к периоду падения ханской власти и к периоду феодальных войн, т. е. к эпохе XIV—XVII столетий.

Но хотя этот вид былин возник значительно позднее, никакой принципиальной разницы между ними и героическими сказаниями о борьбе героя с мангусом в конечном счете не оказалось, ибо последние ко времени возникновения первых успели коренным образом измениться и пересмыслиться.

Наше мнение таково, что былины о героях и мангусах, что бы они ни представляли собою первоначально, приобрели свои нынешние черты в период тех же феодальных „смут“. Другими словами, в качестве того, что они представляют собою теперь, былины, рисующие борьбу героя с мангусом, сложились тогда же, когда сложились и выше разобранные былины, рисующие нам борьбу хана с его вассалом. Разница заключается лишь в том, что при составлении первых, т. е. былин о мангусах, были использованы более древние сказания о героях и мифических чудовищах, а вторые оказались как бы заново сложенными. Если первые явились переработкой, в соответствии с новой обстановкой, старых мифов, то сюжеты вторых черпались непосредственно из действительности той эпохи. „Переработка“ первых оказалась очень основательной. С другой стороны, былины о борьбе героя с ханом слагались, конечно, не в отрыве от прежних видов устного эпического творчества. И результатом этого явилось, что иной разницы между былинами обоих видов, как разницы в одном персонаже, не оказалось. Дополнительно к сказанному относительно того, что мангус представляет собою персонаж, унаследованный от мифов доклассового общества, можно привести еще тот интересный факт, что в бурятских былинах в роли противника героя выступает почти исключи-

тельно демоническое существо, носящее там название мангатхай. О бурятских же былинах известно, что они содержат довольно много элементов более древних, унаследованных еще от эпохи родового строя, вообще оставившего после себя у бурят довольно многочисленные пережитки. Интересно отметить, что в былинах обоих типов в роли нападающей стороны никогда не выступает герой, а всегда его противник — хан или мангус. Не менее интересной подробностью является то, что герой, напр., Эринцэн мэргэн, выступает против врага без войска и что об его войске в былине вообще нет речи. Отсутствие у героя войска очень характерная черта, повидимому унаследованная нашими улигерами от мифов доклассового общества. Так напр., даже Богдо нойон Джанграй хан высылает против Хара Сойо своих четырех батаров, а не войско. Отсутствие у героя войска и выполнение всех подвигов единолично является характерным моментом для тех же бурятских былин. Далее, можно заметить, что если враждебный герою хан всегда нападает на него во главе большого войска, то, наоборот, относительно войска мангуса в былинах никогда не говорится, борьба героя с мангусом носит характер исключительно поединка, в котором герою иногда помогают его единичные союзники — небесный мальчик, собственный сын и т. п., но не войско, и борьба героя с противником всегда носит характер выступления его либо один на один против мангуса, или выступления его одного без войска, но иногда с помощником или несколькими богатырями против войска врага.

Феодалный характер былин халха-монголов в их нынешней редакции, и тех в которых речь идет о борьбе героя с ханом, и тех, в которых рассказывается о борьбе героя с многоголовым мангусом, для нас не подлежит сомнению. Далее, можно установить, что былины отражают в значительной степени феодалные войны послеюаньского периода. Это относится в одинаковой мере и к тем былинам, сюжет которых был взят из живой действительности XIV—XVII столетий, и к тем былинам, которые оказались переработкой более старых эпических произведений. Брать на себя совершенно непосильную задачу — решать вопрос о времени зарождения у монголов самых древних видов эпического творчества — мы не собираемся и можем решать этот вопрос лишь в отношении того типа эпических произведений, который существует и бытует в настоящее время. Этот вопрос мы и решаем в том смысле, что халха-монгольский героический эпос в том виде, в каком он дошел до нас, сложился и оформился в основном в период XIV—XVII столетий.

Теперь мы подходим к вопросу о том, идеологию какого класса феодалного общества XIV—XVII столетий отражают наши былины, к вопросу о том, какой общественный класс явился творцом дошедшего до нас героического эпоса халха-монголов.

Выше нами уже было указано на то, что героем обычно является мэргэн, а в роли его противника выступает либо хан, т. е. феодал наивыс-

шего ранга, либо мангус, которого мы после сказанного выше тоже можем рассматривать как феодального правителя, причем за мангусом скрывается как феодал, более крупный, чем наиболее феодализованный мэр-гэн, так и равный ему по положению. В виду того, что симпатии анонимных авторов былины всегда на стороне героя, изображаемого во многих былинах подчиненным хана, всегда оказывающимся, в конце концов, победителем, наделяемым авторами былины рядом положительных качеств, в то время как противник рисуется обычно в очень непривлекательном виде, нужно полагать, что сложились наши былины не в среде высшего правящего класса, но представляют собою народное творчество. Так как эта эпоха характеризуется разложением ханской власти и постоянными войнами, из которых многие предпринимались против хана вассалами, не признававшими его власти и стремившимися к самостоятельности, былины отражают эту сторону, вводя в качестве противника героя именно хана, который в конце концов терпит поражение и погибает. Хан выставляется в весьма непривлекательном виде, он несправедлив и жесток, и, что особенно важно отметить, инициатива нападения всегда приписывается ему. Это очень важно отметить, ибо к достоинствам героя — к его честности, справедливости и неустрашимости, таким образом, прибавляется еще его неповинность в опустошительной войне, инициатива которой принадлежит его противнику. Таким образом, с героя снимается упрек в том, что он является причиной гибели живых существ, что с точки зрения буддизма, распространившегося в XVII столетии в Монголии уже повсеместно, тоже является немалой доблестью. Хотя герой имеет некоторое внешнее сходство с феодалом, он представляет собою, как сказано выше, демократический персонаж, вследствие чего основной фонд произведений героического эпоса халха-монголов мы можем рассматривать как народное творчество. В отличие от тех произведений книжного эпоса, в центре которых стоит Чингис хан и которые мы в первой главе определили как творчество самой верхушки феодального общества — феодалов из дома Чингис хана и потомков его ближайших сподвижников, наши былины представляют собою народное творчество, воспринятое в обработке специалистов-рапсодов господствующим классом феодального общества XIV—XVII ст., когда значительная часть местных феодалов находилась в оппозиции к ханской власти.

Каково же отношение анонимных авторов к народным массам, к „простолюдинам“? О них в былинах не говорится почти ничего, но отношение к ним представителей высшего феодального класса в былинах рисуется в довольно характерных тонах. Так напр., когда принявший вид скверненького мальчика-простолюдина герой былины Богдо нойон Джагар хан¹ выражает свое желание принять участие в трех богатырских состязаниях, в которых победителю достанется царица, хан сердится и бранит

¹ Поппе, цит. соч., стр. 94 и сл.

его, указывая, что нечего ему участвовать в играх, устраиваемых знатыми и богатырями.¹

Любопытно отметить то обстоятельство, что в чрезвычайно отрицательной роли выступает в некоторых былинах старик-табунщик, который портит все доспехи своего господина, в результате чего тот оказывается побежденным своим противником и впоследствии, разделавшись с ним, жестоко наказывает изменника: такова, напр., былина *Erin sain Zalū dai mergen*, где роль такого изменника играет старик-табунщик Асагалдай.²

В этом мы можем вместе с Г. Д. Санжеевым усмотреть отражение института родового рабства, борьбы рабов с представителями поработившего их рода. О существовании рабства у монголов в период XI—XII ст. нам известно. И если высказанная здесь относительно Асагалдая точка зрения правильна, этот эпизод может служить лишним указанием на то, что феодальный улигер во многих случаях явился лишь переосмыслением и переработкой старого доклассового героического эпоса.

Теперь возникает вопрос о том, кто является непосредственным творцом халха-монгольских былин — единоличный автор или коллектив. Вопрос этот принадлежит к наиболее трудным, но все же не неразрешимым. Как нам известно из исследований Б. Я. Владимирцова, былины ойратов северо-западной Монголии имеют своих единоличных творцов в лице рапсодов-тульчи. Биографию одного из таких тульчи акад. Владимирцов сообщает в своей работе и приводит интересный факт сложения им в 1913 г. былины на взятие Кобдо.³

Что касается халха-монгольских рапсодов и исполнителей былин-улигеров, то о них нам, к сожалению, известно очень немного. Известно, что и у халха-монголов имеются выдающиеся певцы и исполнители былин. Одним из наиболее замечательных певцов и музыкантов является *Ölžoi*, более известный под прозвищем *Lubsan xūrči*, исполнитель не только песен и музыкальных произведений, но и улигеров.

В то время как об его музыкально-вокальном творчестве известно довольно много, мы, к сожалению, не располагаем данными о том, приходилось ли ему сочинять улигеры.⁴ Судя, однако, по тому, как обстоит дело у других народов, нужно полагать, что улигеры имеют своих единоличных авторов и во всяком случае единоличных обработчиков. Подобно тому, как русские былины представляют собою творчество древнерусских единоличных народных сказителей, передававших их из поколения в поколение, видоизменяя их, каждый в соответствии со своими дарованиями, подобно тому, как Нибелунги являются в древнейшей части

¹ Поппе, цит. соч., стр. 100.

² Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. CLXXXVI и сл.

³ Монголо-ойратский героический эпос, стр. 29 и сл.

⁴ П. Берлинский. Монгольский певец и музыкант Ульдзуй-Лубсан-Хурчи. М., 1933 стр. 13 и сл.

созданием дружинных певцов эпохи разложения древнегерманского родового общества и впоследствии стали передаваться бродячими певцами феодального периода, так называемыми шпильманами, которые видоизменяли древнейший сюжет и превратили героическую песню в феодальную эпическую поэму, точно так же и наши былины были сложены улигерчинами-рапсодами, которые либо сочиняли их заново, либо использовали для них более древние сюжеты. Такая точка зрения кажется нам убедительной не только по той причине, что так обстоит дело у разных других народов, но особенно потому, что у ойратов непосредственными творцами былинь являются их профессиональные исполнители — тульчи.

Но кто же по своему социальному происхождению профессионалы-рапсоды, исполнители улигеров или ойратских тульчи?

Б. Я. Владимирцовым ответ на этот вопрос в отношении ойратских тульчи дан: профессиональные певцы, исполнители былинь являются у ойратов представителями разных общественных классов — они выходцы из простого народа, т. е. из аратов, из среды буддийского духовенства и даже из тайджи, т. е. из феодалов. Сам знаменитый Парчен, лучший ойратский рапсод, который нам вообще известен и у которого акад. Владимирцов сделал свои лучшие записи ойратских былинь, был тайджи и приходился дядей владельческому князю Тумэн Баиру.¹

Что касается упомянутого выше халха-монгольского певца Лубсан хурчи, то он был сыном бедняцкой семьи, работавшей по найму. После смерти отца он, брошенный мачехой, поступил в пастухи к богачам, а в семнадцатилетнем возрасте поступил в караульные при верблюдах. Его музыкальные способности составили ему столь громкую известность, что он был даже приглашен ко двору Богдо гэгэна.² Таким образом, социальный состав певцов вообще и исполнителей улигеров в частности довольно пестрый. Все же среди них преобладают выходцы из беднейших слоев населения, из бедняцкого аратства. Среди халха-монголов нам совсем не приходилось встречаться с исполнителями улигеров аристократического происхождения и можно полагать, что халха-монгольские улигерчины были — если не все, то во всяком случае в подавляющей массе своей — выходцами из беднейшего аратства. На это указывает и приводимая П. М. Берлинским пословица, одинаково распространенная как у бурят, так и у халха-монголов *оноѳин хун улигерчи, угеитеи хун дүци* „Сироты бывают сказителями, бедняки — певцами“.³

Наконец, нужно отметить еще одну весьма существенную особенность, характерную для исполнителей эпических произведений именно халха-монголов. У ойратов северо-западной Монголии в роли исполнителей былинь-тульчи выступают как профессионалы, так и простые любители из народа, даже женщины. Такое же положение наблюдается

¹ Монголо-ойратский героический эпос, стр. 24, 32.

² Берлинский, цит. соч., стр. 13—14.

³ Там же, стр. 11.

у бурят-монголов, среди которых, на ряду со знаменитыми рапсодами вроде Иолбона Шалбагаева, Маншут Имэгэева и др., о которых сообщает Ц. Ж. Жамцарано,¹ или ныне еще живущего слепого народного сказителя Аполлона Тороева, улигеры исполняют обыкновенные крестьяне, как напр., Бадмажап Цэрэнов,² даже женщины, как напр., Намжил Ринчеева, сообщившая нам былинку Еремей Богдо хан и другие записанные нами аларские былины.³ Что же касается халха-монгольских былин, то записанных у профессионалов-рапсодов совсем нет, и все известные нам былины были записаны сплошь у непрофессионалов. Так напр., нами лично были записаны былины у следующих лиц: у бывшего ламы Бандзаракчи, у престарелой женщины-беднячки Дулмаджап, отец которой был известным рассказчиком, у бывшего писаря канцелярии ургинского Шандзодбы — Намджила, у старика подводчика Дагва и у его сына, наконец, у студента Намнандорджи, приезжавшего учиться в Ленинград. Таковы же сказители, сообщившие опубликованные Ц. Ж. Жамцарано материалы: некий Гомбоджап Балдандорджиев и Магнай, из которых второй был, повидимому, не халхасцем, но монголом из хошуна *Мавнаи ölöd*.⁴

Единственный халха-монгольский профессионал, о котором нам известно, это упомянутый Лубсан хурчи, который является, однако, музыкантом и певцом и лишь между прочим исполняет улигеры.⁵ Таким образом, оказывается, что в подавляющем количестве случаев улигеры исполняются у халха-монголов не профессионалами-рапсодами, но преимущественно аратами, неспециалистами. Отсюда понятно, почему халха-монгольский улигер обнаруживает по сравнению его с ойратскими былинами в исполнении известных рапсодов иногда очень невысокие художественные качества. Халха-монгольский эпос уже в стадии разложения, что видно из того, что улигеры в исполнении их нынешних носителей представляют собою не сплошь стихотворные произведения, но отличаются тем, что включают значительные пассажи в прозе. Такое разложение эпоса, конкретно Джангариады, констатировал у калмыков Б. Я. Владимирцов, поставивший его в связь с измельчением калмыцкого дворянства и быстрыми переменами всех условий жизни калмыков, вследствие чего эпос перестал культивироваться и, когда вымерли старые рапсоды, новые перестали появляться. Одиночные любители, не встречая поддержки, не находя соответствующей среды, не могли совершенствоваться, и качество испол-

¹ Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Т. I. Пгр., 1918, стр. XXXIII.

² Записанные нами у него былины изданы в сборнике „Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака“ (Л., 1934, см. стр. 7).

³ У нее была нами записана кроме названной былины еще былина „Хан Сэксэй мэргэн“ и ряд сказок. См. Н. Н. Поппе. Аларский говор. Ч. II. Л., 1931.

⁴ См. Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. 9 и сл.; А. Д. Руднев. Материалы по говорам восточной Монголии. СПб., 1911, стр. 179.

⁵ Отрывки двух исполненных им улигеров опубликованы в цитированной книге Берлинского, стр. 20.

нения Джангариады стало падать.¹ Нечто похожее произошло и в Халхе. Глубокие перемены, которые произошли в Халхе после покорения ее дайцинскими императорами, с одной стороны, а также воспитание в духе буддизма ханов, ванов, тайджи и нойонов и распространение книжной литературы — переводных китайских романов и индийских повестей — убили интерес к улигеру. И если при ставках халхаских светских и духовных феодалов продолжали содержать певцов и музыкантов, то рапсодов, сказителей былины стали приглашать все реже и реже. Не в ставках феодалов бытовал и развивался халха-монгольский героический эпос, но в аратских юртах, и хранился он не в памяти искусных профессионалов-рапсодов, но в памяти необучавшихся искусству сказительства аратов. Это не могло не влиять на форму улигера. Не могло это не отражаться и на содержании его. Это отражение идеологии аратской среды в улигере выразилось прежде всего в создании демократического образа героя былины, окруженного ореолом народного героя, наиболее ярким примером которого является Мани Бадар дзанги. С другой стороны, личность противника героя — крупного феодала, хана, носителя всех отрицательных черт, рисуется в улигере в непривлекательных тонах. Кроме того, как нам кажется, аратская среда, в которой создавался и развивался героический эпос, шла по линии значительного развития улигеров о мангусах, которые книжному эпосу совершенно чужды.

Заканчивая эту главу, попытаемся в общих чертах наметить путь развития халха-монгольского героического эпоса.

Древнейший вид дошедшего до нас героического эпоса монголов XIII столетия восходит к дружинному эпосу, сложившемуся и развивавшемуся в среде дружинников-нукеров и предводителей древнемонгольских кланов, впоследствии феодальных владетелей. Этот первоначально дружинный эпос, ставший достоянием высшего класса феодальной Монголии, в среде которого он развивался и при Чингис хане и после него, продолжал и в период XIV—XVII столетий, в минскую эпоху, развиваться в среде высших феодалов, верхушки высшего класса того времени. Это — тот вид героического эпоса, в центре которого стоит Чингис хан. В основе этого вида героического эпоса лежала идея неограниченности ханской власти, носителями которой были крупнейшие феодалы чингисханиды. Параллельно этому виду героического эпоса, дошедшему до нас в письменной передаче, эпические произведения слагались в народной, аратской среде, унаследовавшей часть героико-эпических произведений от родового общества и воспринявшей кое что также из аристократического эпоса. В минскую эпоху значительная часть феодалов находилась в оппозиции ханской власти, и это сильнейшим образом отразилось на характере эпических произведений, рисующих нам борьбу феодалов, из которых один является часто ханом, а другой — его вассалом, борьбу, напоминающую

¹ Владимирцов, цит. соч., стр. 17.

феодалы войны XIV—XVII столетий. Эти эпические произведения были частично сложены целиком в интересующий нас период, частично же они явились лишь переработкою более древних произведений, восходящих еще к периоду родового общества, произведений рисующих нам борьбу героя с мифическим существом мангусом, борьбу за обладание женой противника, т. е. носящую примитивный характер межродовых столкновений в родовом обществе. Переработка эта выразилась в придании черт феодального правителя как самому герою, так и его противнику-мангусу, а также черт феодальной войны самой борьбе, целью которой стало не только обладание женой противника, но и его имуществом и подданными. Современный халхаский героический эпос целиком восходит к таким произведениям как впервые возникшим в XIV—XVII столетиях, так и являющимся переработкой более древних произведений, типа былин о борьбе с мангусом.

Из сокровищницы этого народного героического эпоса черпали свои сюжеты великие мастера сказительства, как напр., баитский Парчен и многие другие профессионалы-рапсоды, которых раньше приглашали в ставки феодалов и которые являются истинными творцами того эпоса, создание которого неосновательно приписывалось исключительно господствующему классу. Подавляющее большинство этих в полном смысле слова мастеров своего дела принадлежало как раз к сирым и неимущим, что дало повод для возникновения вышеприведенной пословицы.

В связи со сказанным в этой главе приобретает исключительное значение возбуждаемый нами в следующей вопрос о том, к какому периоду относится образование халхаской народности.

Глава IV

ОТНОШЕНИЕ ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА К ЭПОСУ ДРУГИХ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДНОСТЕЙ

Общие черты героического эпоса халха-монголов и других монгольских народностей нами объясняются как следствие того, что исследуемый нами тип халха-монгольского героического эпоса приобрел свои характерные особенности и сложился именно как этот тип в период, предшествующий образованию халха-монгольской, бурят-монгольской и других народностей. Процесс образования ряда монгольских народностей не завершился еще и в настоящее время, а в период XIV—XVII столетий он находился еще в своей первоначальной фазе.

В период XIV—XVII столетий на территории Халхи, Внутренней Монголии и Бурятии кочевали различные монгольские племена, слабо связанные между собою. Владения монгольских феодалов того времени соединяли сравнительно слабые узы, а границы этих владений были довольно неопределенными. Разные мелкие феодалы со своими подданными подчинялись то одному, то другому более крупному феодалу. Состав вассалов крупных феодалов был довольно текучим: вассалы с их подданными нередко меняли своих сюзеренов. Следствием этого являлась большая текучесть общего состава подданных каждого данного крупного феодала, в число которых входили то одни, то другие племена или подразделения племен, возглавлявшиеся феодалами второго ранга. При таких условиях говорить о какой-нибудь стабилизации населения и консолидации отдельных этнических групп, конечно, не приходится. В период XIV—XVII столетий из отдельных племен, кочевавших в разное время на разных территориях, более или менее единые народности складываться не могли.

XVII век ознаменовался очень крупными событиями, изменившими облик тогдашней этнографической Монголии.

После смерти Даян хана (1544 г.) Халха была унаследована его сыном Гэрэсэндзэ, и приблизительно с этого момента она представляет собою особую территорию, политически мало связанную с Внутренней Монголией. К началу XV столетия относится и обособление ойратов, впоследствии образовавших мощное кочевое феодальное государство.

Часть ойратов, возглавлявшаяся торгутским князем Хо Өрлөком, предприняла в начале XVII столетия перекочевку на запад и в 1632 г. достигла Волги, где эти ойраты впоследствии образовали калмыцкий народ. Войны, происшедшие во второй половине XVII столетия между ойратскими феодалами во главе с ханом Галданом Бошокту и халхаскими феодалами, заставили последних искать помощи у манжуров, в подданство которых они вошли в 1691 г.

Тогда же, в XVII столетии, калмыки вошли в российское подданство. В середине этого же столетия стали платить ясак русским бурят-монголы, сперва в Прибайкалье, потом и в Забайкалье. Окончательное утверждение российского господства в Бурятии произошло тогда, когда в 1688 г. в Бурятию прибыло посольство Головина, имевшее своей целью урегулирование разных пограничных инцидентов. Как известно, российско-китайская граница была окончательно установлена в 1727 г. графом Саввой Рагузинским.

Эти факты имеют громадное историческое значение. То обстоятельство, что халха-монголы, монголы Внутренней Монголии, калмыки и бурят-монголы в конце XVII столетия стали одни подданными Китая, а другие — России, не могло не оказать сильного влияния на весь ход дальнейшего развития этих народностей, оказавшихся прикрепленными к определенным территориям и поставленными в новые социально-экономические условия, ибо известно, что большинство феодальных институтов дореволюционной Халхи ведет свое начало от манжур, совершенно так же, как калмыцкий нойонат и феодальные институты бурят-монголов испытали сильнейшее влияние со стороны русского государственного аппарата.

Начало процесса образования халха-монгольской, бурят-монгольской и калмыцкой народностей должно быть отнесено, таким образом, не раньше чем к концу XVII столетия. Племена, населявшие данные территории, начали медленно сливаться лишь с конца XVII столетия, и процесс этот до конца не завершился до настоящего времени. Между тем, эти племена, оказавшиеся на соответствующих территориях, создали героический эпос еще до того, а именно, когда они кочевали на других территориях и находились в связи с совсем другими племенами, чем их окружение в конце XVII столетия.

Племена, из которых образовались нынешние халха-монголы, бурят-монголы и калмыки, создали свой героический эпос в основном в период XIV—XVII столетий, когда их объединяли иные связи. И когда в конце XVII столетия они оказались в новых условиях, в которых постоянные перемещения племен стали невозможны и когда наметилось самое первоначальное слияние племен, в результате которого сложились три народности, они уже обладали развитым героическим эпосом, сложившимся в предшествующий период истории.

Мы считаем, таким образом, эти общие черты следствием того, что халха-монгольский, бурят-монгольский и ойратский героический эпос

являются унаследованными от того периода, когда соответствующие народности еще не сложились как народности.

Халха-монгольский героический эпос имеет чрезвычайно много общего как с героическим эпосом ойратов, так и с героическим эпосом бурят-монголов и монголов Внутренней Монголии. Показать это не трудно.

Обратимся сперва к ойратскому героическому эпосу. В качестве примера возьмем былинку „Бум Эрдэни“.¹ Содержание ее вкратце сводится к следующему.

Бум Эрдэни собирается в путь-дорогу „поискать, нет ли где славного витязя, что с криком наскакивает; оружия-вооружения, что звенит, приближаясь; ездового коня, что с грохотом скачет. Теперь скорее соберите и пожалуйте мне вершнего коня, узду, седло — оседлать, полное вооружение — вооружиться! Если я окажусь могучим, славным витязем, то вернусь я с добычей, стадами скот пригоню, областями народ приведу; вернусь я, завладев многими подданными, юрта за юртой народ будет кочевать ко мне! А коль еще мне говорить, так вот что: укажите-ка мне, где красавица моя суженая, где красавица предопределенная?“ Так говорит он, а дядя его Ак Сахал удерживает его от этого опасного предприятия.

Бум Эрдэни его не слушает и снаряжается в дорогу. Он едет сватать дочь царя Төб Джиргал хана. Хан ставит условием, чтобы он убил сперва пятерых равнинных мангусов и их мать-шаманку.

Бум Эрдэни поехал в страну мангусов и убил их всех кроме одного двадцатипятиголового горбатого черного мангуса. Конь указал своему господину местонахождение души этого мангуса: душа мангуса находилась в головах двух змей, высывавшихся из ноздрей коня мангуса. Бум Эрдэни убил змей и уничтожил мангуса. После этого Бум Эрдэни сразился с шаманкой. Из груди шаманки вылетел ворон с медным клювом и железными крыльями. Герой погнался за ним, превратившись в беркута. Когда ворон превратился в рыбу, герой стал большой черной рыбой. Наконец, ворон стал сурком, а герой хорьком. Хорек загрыз сурка. Шаманка была уничтожена, но герою предстояло еще сражение с Хаджир Хара, который тоже имел виды на дочь хана.

Герою удается свалить Хаджир Хара, но конь не позволяет ему убить поверженного врага. Тогда они братаются. Затем они возвращаются к хану, который требует добычи. Хаджир Хара едет в страну мангусов и пригоняет оттуда скот, после чего он сватает за своего друга дочь хана. Хан согласен и устраивает свадебный пир.

Начинается второй тур былинки. Хаджир Хара объезжает свои кочевья и убеждается в том, что его подданный народ откочевал. Хаджир Хара находит письмо своей жены и узнает, что народ увели братья-силачи Хада и Харгай. Конь Хаджир Хара извещает коня Бум Эрдэни о случив-

¹ Владимирцов, Монголо-ойратский героический эпос, стр. 55 и сл.

шемся. Бум Эрдэни едет на помощь Хаджир Хара. Они вдвоем побеждают братьев-силачей. Устраивают пир. Подданных врага гонят в свою страну собака и беркут Хаджир Хара, а сами герои едут на войну с внезапно появившимися врагами — Кэнзэ и Кэлэ, имеющими намерение отбить у них добычу. Этот эпизод войны с Кэнзэ и Кэлэ образует третий тур былины. Оба мальчика, братья Кэнзэ и Кэлэ выступают во главе огромного бухарского и тохарского войска. Вражеское войско непобедимо. Наконец, Бум Эрдэни удалось убить беркута, летавшего над врагами, от перьев которого поднимались воины. Беркута и войско убили и сожгли. Этим кончается борьба с Кэнзэ и Кэлэ, третий тур нашей былины.

В четвертом туре речь идет о том, как беркут и собака пригнали добычу в кочевье Бум Эрдэни и Хаджир Хара. Жену Хаджир Хара — Кё Зандан Го отдали в жены Ак Сахалу. Бум Эрдэни стал их сыном, так как его родители уже давно умерли. Наши герои собираются пировать, но Ак Сахал говорит, что пировать рано и что сперва нужно убить десять пустынных мангусов. Они уничтожают и этих мангусов, и скот их и подданных опять пригоняют собака и беркут. Наконец, в пятом туре сообщается о предстоящей борьбе с Кийгин Кийтн Тöмр Зэвэ. На войну идет Бум Эрдэни один. Он встречается с врагом и вступает в сражение, но одолеть друг друга им не удастся. Тогда они братаются и едут домой к Бум Эрдэни, где устраивают большой пир. На этом былина кончается.

О герое Кигийн Кийтн Кёк Тöмр Зэвэ, сыне Дайчи Бурл хана, мы узнаем из былины, примыкающей к предыдущей.¹ Содержание этой второй былины вкратце следующее: однажды на пиру Кигийн Кийтн Кёк Зэвэ налил себе подряд семьдесят восемь раз арзы в чашу и, слегка охмелев, сказал: „Коль я славный витязь, рожденный могучим, то вернусь я с караванами навьюченных верблюдов, забрав народ аулами, пригнав скот стойбищами, пригнав народ поколениями. Будет потеха батюшке, воздам я матушке за ее серо-желтое молозиво!“ Как и в предыдущей былине его отговаривает от задуманного дядюшка Ак Сахал, лучший из табунщиков, трехсотсемидесятилетний старец. Герой его, однако, не слушает, и узнав от него, что суженая его — Эркэ Хара Нүдн, дочь Мингмийе хана, он снаряжается в путь и едет. Герой подъезжает к ставке Мингмийе хана. Ханша предлагает хану отравить героя, но хан с негодованием отвергает ее совет и велит ей подоить в чашу молока из своих груди. Хан принимает героя, спрашивает об его намерениях и узнает, что тот хочет убить его сыновей и забрать его дочь. Тогда хан подает ему чашу с молоком. Выпив молока ханши, герой отказывается от своих намерений и теряет свою воинственность. Хан объясняет ему, что его сыновья уже семь лет сражаются с семьюдесятью пятью черными мангусами, что он уже долго не имеет от них вестей и не знает даже, живы ли они. Тогда герой восклицает: „Нельзя убивать того, с кем вместе пил желтое молоко матушки!“

¹ Владимирцов, цит. соч., стр. 191 и сл.

и идет на помощь сыновьям хана. Герой убивает всех мангусов. Сыновья хана изумляются его храбрости и, решив, что покидать поле битвы для них позорно, вступают в бой с ним, предпочитая бесславию гибель в бою. Когда они набрасываются на героя, он выходит им навстречу и приветствует их. Из завязавшегося разговора они узнают обо всех подробностях и братаются с ним. После этого герой велит братьям забрать добычу, а сам едет, чтобы убить мать мангусов, чудовищную черную бабу. Герой с одним из братьев, с Докшин Чинглем, едет искать бабу, и находят они в одном гроте ламу-созерцателя. Они догадываются, что это и есть разыскиваемое чудовище. Герой зарубил ламу, и из живота его вышел пятнадцатиголовый мангусенок. Мангусенка сожгли. Конь сообщает герою, что имеется трехлетняя корова, а в чреве ее имеется золотой ящик, в котором сидят три золотых птенца. „Если птенцов не убить, — говорит конь, — мангусы воскреснут“. Герой стал при утреннем желтом солнце натягивать свой лук, а спустил его с полуденным желтым солнцем. Корову он застрелил, но птенцы вылетели. Тогда он убрал с неба солнце, а на седле устроил солнце, и когда птенцы прилетели греться, он их передал. Конь указал, далее, местонахождение восьми небесных красавиц, которых привели в качестве добычи мангусы. Красавиц они нашли, но они имели вид пауков. Очистив их курениями, они привели их в настоящий вид. Затем они все вернулись и устроили свадебный пир. Сыновья хана взяли в жены небесных красавиц, а герой — дочь хана.

Чтобы покончить с произведениями ойратского героического эпоса, приведем еще содержание былинны Эргль Түргль.¹

Эргль Түргль — сын синего вечного Неба и матушки користой золотой великой Земли. Однажды герой обращается к своему сановнику Барс Хара с приказом дать коня и доспехи. Сановник уговаривает его не ехать в опасный путь, но он не слушается и отправляется. Не встретив в пути врагов, он занимается охотой. Кончив охоту, он ложится спать и видит сон, будто бьется он с великим витязем. Вернувшись домой, он узнает, что всех его подданных и весь скот угнал кто-то на север. На ветвях сандального дерева он находит письмо, оставленное ему сановником Барс Хара, в котором тот сообщает, что в его отсутствие явился Хадайн Хара Күрмү и завладел его стадом и людьми. Эргль Түргль немедленно отправляется в путь, чтобы вернуть свое имущество и отомстить врагу. В пути он встречает седого старика, оказывающегося гением-хранителем его матери. Старик дарит ему синие железные шаровары величиной со степь. Далее старик предупреждает его, чтобы он не смел спускаться на белоснежную аргали и ее золоторогого ягненка свою собаку и беркута. Герой едет дальше и встречает аргали с ягненком. Не послушавшись совета старика, он спускает свою собаку, но собака немедленно проваливается в адскую яму. Герой едет дальше и снова

¹ Владимирцов, цит. соч., стр. 217 и сл.

встречает старика, который журит его за непослушание и дарит ему синий железный гашник, так как его собственный может разорваться во время схватки с Хара Күрмү. Старец предупреждает его, чтобы он не смел спускать своего беркута на пятисаженную сивую волчицу. Герой и на этот раз не слушается совета старца и спускает своего беркута на волчицу. Волчица раздирает беркута. Снова встречается он старца, советующего ему не гнаться за желто-красным оленем с двадцатичетырехконечными рогами. Герой не слушается и теряет своего коня, сломавшего себе бедро. Оставив коня поправляться, он идет дальше пешком. Попадается ему в пути монастырь — три белых юрты-ставки. В одной из них сидит красавица, расчесывающая волосы. Красавица обходится с ним немилостиво и, сообщив ему, что хозяин ее Шаралда мэргэн сегодня должен вернуться с охоты, выгоняет его из юрты ударами кочерги по голове. Эргль Түргль входит в среднюю ставку, где сидит красавица жена Боролдо мэргэна, которая точно также выгоняет его. Входит он в третью юрту, где сидит красавица, хозяйка Харалда мэргэна. Красавица его тоже выгоняет.

Эргль Түргль превращается в комок конского навоза и лежит на дороге. Когда мимо проезжает Шаралда мэргэн, он нападает на него, но узнав, что не он увел его подданных, связывает его и бежит дальше. Превратившись в воробья, он поджидает Боролдо мэргэна. Связав Боролдо мэргэна, он бежит дальше. Превратившись в ласточку, он поджидает Харалда мэргэна. Связав его, он его привозит к Боролдо мэргэну и, забрав последнего, едет к Шаралда мэргэну. Герои говорят ему, что подданных его увел Хара Күрмү и что они — ни в чем неповинные охотники. Побравшись с витязями, он уезжает верхом на коне Шаралда мэргэна, предложенном его владельцем, который отправляется вслед за ним пешком.

Когда конь в изнеможении останавливается, ему дает Боролдо мэргэн своего коня, с которого он затем пересаживается на коня Харалда мэргэна. Конец пути он совершает пешком, а его три спутника верхом на своих конях. Тем не менее он пешком достигает их жилищ первым. Устраивают пир, во время которого приходит табунщик Харалда мэргэна — Аля Шара и сообщает, что в его табун с неба спустился конь величиною с гору. Конь этот, как оказывается, послан герою его отцом вечным Небом. Эргль Түргль едет со своими нареченными братьями искать Хара Күрмү и вступает с ним в бой. Сперва они рубятся, потом колят друг друга копьями и стреляются из луков. Наконец, они борются. Эргль Түргль побеждает и приносит голову врага в жертву высшим 99 небожителям, а сердце низшим 70 царям драконов. Забрав доспехи врага, своих прежних подданных с сановником Барс Хара и скот, он женится на похищенной Хара Күрмү красавице Набчи Го. Дома героя ждет радость — его конь поправился и встречает своего господина. Герой устраивает пир и предается радости.

Совершенно такую же картину представляют собою многие произведения бурят-монгольского героического эпоса. В качестве первого примера

былины, по содержанию близкой к халха-монгольским и рассмотренным ойратским былинам, возьмем былинку агинских бурят — „Мэньелтэ мэргэн“.¹

Харалга хан и его брат Зутан Хара воюют с властителями земли, с семерыми Санхадаями. Харалга хан погибает, а Зутан остается жить, но нижняя часть его тела отмирает. Нижней части его тела покровительствуют злые духи, а верхней — добрые. Отсюда происходят противоречивые черты его характера: в ясные дни берет верх доброе начало, в темные — злое.

От Харалга хана остался сын Мэньелтэ мэргэн, женатый на Мэньелэн луга. Однажды Зутан возвращается из очередной поездки и сообщает, что у Наран хана, старинного друга героя, устраивают облаву, что там собрались разные иностранные ханы и герои и что приглашен также Мэньелтэ мэргэн. Мэньелтэ мэргэн с радостью принимает приглашение, но жена его Мэньелэн луга опасается предательства Зутана.

Мэньелтэ мэргэн прибывает к Наран хану, где его встречают с великим почетом. Наран хан просит защитить его от давнишнего врага, от хубилгана-кабана Ширелтэ хана. Герой уезжает и убивает кабана, но на обратном пути его предательски отравляет его дядя Зутан. Наран хан и Зутан торжествуют победу над доверчивым Мэньелтэ. Зутан едет домой и хочет жениться на Мэньелэн, но она убегает от него и узнает от воронов, где находится труп ее мужа. Она находит труп, режет его на две части и бросает куски на родину, произнося заклинания. Одна часть тела превратилась в гору, поросшую лекарственными растениями, а другая — в гору, поросшую плодовыми деревьями. Мэньелэн луга поселяется в лесу, где скрывается от преследований Зутана и Наран хана. Небожители дают ей двух сыновей-близнецов. Мэньелэн отдает их на воспитание тем двум горам, в которые превратился труп Мэньелтэ мэргэна. Сыновья растут на тех двух горах, вместе с ними растут и судьбою данные им кони. Детей находит один из засулов Наран хана — Шаргай нойон засул, который их усыновляет и воспитывает вместе со своим сыном.

Однажды скрипка напевает мальчикам их имена — одного она называет Мер мэргэном, другого Алтанай и указывает им, где находится их родовое оружие и конская сбруя.

У Шаргай нойон засула устраивают пир, на котором Зутан говорит, что он побратался в годы своей юности с могущественным Шингэлтэ ханом и заключил с ним условие, согласно которому их дети должны пожениться. Вспомнив об этом, он предлагает Мер мэргэну жениться на красавице дочери царя Шингэлтэ хана — Шингэлэн луга, воскрешающей мертвецов, возвращающей зрение слепым и обогащающей бедняков.

¹ Былина эта неиздана. Запись ее была произведена в 1908 г. в Хара Шибири нынешнего Агинского аймака Ц. Ж. Жамцарано у Базара Балданова. Рукопись хранится в Институте востоковедения Академии Наук СССР, но в ближайшее время должна быть опубликована.

Мер мэргэн вместе со своим братом Алтанай, сыном Наран хана — Турганай и дядей Зутаном отправляются в путь.

Зутан в пути исчезает, едет к Шингэлтэ-хану и привозит его сына Болдор мэргэна. Происходит длительный поединок Мер мэргэна с Болдором. Брат Мер мэргэна — Алтанай и сын Наран хана — Турганай бросаются на предателя Зутана и преследуют его.

Мер мэргэну удается убить Болдора. После этого он едет к Шингэлтэ-хану, получает дочь его Шингэлэн луга в жены и возвращается к Наран хану. Устраивают свадебный пир, во время которого прибывают Зутан и преследующие его Алтанай и Турганай. Зутан избегает наказания умелыми отговорками.

Герой едет домой, оставив Наран хана вместе с его сыном охранять восточные окраины своего царства. Прибыв на родину, Мер мэргэн при помощи своей чудесной жены восстанавливает дворец, отыскивает мать и воскрешает отца. Мэньелэн требует казни Зутана, но он произносит речь, в которой объясняет причины своих противоречивых черт характера и показывает присутствующим живую и мертвую половину тела.

Переходим к следующему улигеру агинских бурят — „Хан Хашикта мэргэн“.¹

Хан Хашикта мэргэн женится на царевне Харалан луга. Затем он воюет с могущественным Алтанай ханом, завладевает его царством и берет его дочь Мунгун Зуга. Тем временем на царство Хашикта мэргэна нападает Тэмэн Улан хан, который уводит всех его подданных. Сын Хашикта мэргэна от первой его жены — Сандахан мэргэн воюет с Тэмэн Улан ханом, завоевывает его царство, возвращает из плена свою мать и подданных отца и женится на царевне Сэнхэрлэн луга.

Очень характерным улигером является былина „Намунай хан“,² чрезвычайно сильно напоминающая нам некоторые халха-монгольские улигеры.

На владения Намунай хана нападает Забхалта мэргэн хан, который завладевает его подданными, скотом и уводит его жену. Жена Намунай хана успевает спрятать своего новорожденного сына. Мальчик вырастает богатырем и получает имя „Лучший из мужей Алтанай“. Он мстит врагу, добывает себе жену и женит своего брата. Герою помогает во всех его подвигах родовое священное дерево, дающее ему мудрые советы.

Приведенные улигеры записаны у восточных бурят. Что касается западных бурят, то многие произведения их героического эпоса носят тот же характер. Такова, напр., былина „Еремей Богдо хан“, записанная нами у аларских бурят,³ содержание которой сводится к описанию рождения

¹ Записан тоже Ц. Ж. Жамцарано. Улигер этот должен в ближайшее время выйти в свет в сборнике произведений героического эпоса хори-бурят.

² Записал Ц. Ж. Жамцарано у агинских бурят. Рукопись принадлежит Институту востоковедения Академии Наук СССР и выйдет в свет в скором времени.

³ Н. Н. Поппе. Аларский говор. Ч. II. Л., 1931. Текст — стр. 1—60, перевод — стр. 111—158.

у престарелого Еремея Богдо хана и его жены сына, которого назвали Галта Могой мэргэном. Старший сын хана — Идер Шулун мэргэн тем временем находится на охоте. Еремея Богдо хана и его жену вместе с подданными и скотом увел мангатхай Лубсагалдай. Новорожденного сына спрятали в яму и оставили письмо. Идер Шулун вернулся после успешной охоты, во время которой он убил своего врага, и застал дома полный разгром. Прочитав письмо, он нашел своего брата. Брат его становится героем, убивает мангатхая, возвращает из плена родителей, приводит назад подданных и скот. Во втором туре рассказывается о женитьбе Галта Могой мэргэна. В третьем говорится о женитьбе брата его Идер Шулун мэргэна.

Чтобы закончить с бурят-монгольскими эпическими произведениями, приведем еще содержание булгатской былины „Девяностолетний великий старец Иренсэй и старуха Унтан Дурай“.¹

В давнее время жил старик Иренсэй со старухой Унтан Дурай. Детей они не имели, и это их очень печалило.

Однажды старик поехал проверять свои стада и увидел, что соловый жеребец пропал и решает, что его похитил желтый мангатхай Данбил или сын последнего. Иренсэй едет искать коня верхом на красном быке. Коня с табуном искалеченных лошадей он находит в дальней холодной стране. Иренсэй исцеляет всех лошадей и отправляет к себе на родину, а сам едет сражаться с мангатхаем, которого он побеждает. Приехав домой, Иренсэй узнает, что у его жены родились мальчик и девочка. Детей назвали Ханхан Сокто и Агу Ногон и устроили большой пир.

Однажды Иренсэй по просьбе жены уезжает на охоту. В отсутствие мужа Унтан Дурай становится любовницей побежденного мангатхая. Конь предупреждает об этом Иренсэя, но тот не верит.

Приехав домой, Иренсэй выпивает поданное женой вино и пьянеет. Жена вызывает мангатхая. Охмелевший Иренсэй вступает в бой с врагом, но жена сыплет ему под ноги красное просо, и он спотыкается. Мангатхай со своей любовницей убивает старика, а детей спасает верный конь, уносящий их на себе. Конь воспитывает детей и по прошествии трех лет удаляется.

Ханхан Сокто увидел однажды большой дворец, где жил желтый восьмиголовый мангатхай Зудак. Зудак побил его и запер в амбар. Вскоре к Зудаку приехал в гости лесной хозяин, который взял мальчика к себе. Затем он поехал за сестрой его и взял ее тоже.

Возмужав, Ханхан Сокто обратился с молитвой к божеству Хухудэй мэргэну и просил его даровать ему богатырского коня. Хухудэй мэргэн спустил ему с неба коня Хуйлун Хуху. Ханхан Сокто едет к Зудаку

¹ Произведения народной словесности бурят. Собрал Ц. Ж. Жамцарано. Эпические произведения эхрит-булгатов. Пгр., 1918, стр. 215—502. Перевода нет. Пересказ дан у М. Н. Забанова: Бытовые черты в эпических произведениях эхрит-булагатов. Верхнеудинск, 1929. Приложение, стр. 14—19.

и предаёт его лютой казни. Вслед за тем он убивает Даныла и свою мать. Найдя верхового быка отца, Ханхан Сокто предпринимает поиски останков своего отца, для чего превращается в рыбу. Встретив в море другую рыбу такую же, как он сам, он заручается её обещанием помочь ему. Вскоре волнами была выброшена из моря бочка, в которой оказался труп Иренсэя.

Перевезя труп отца домой, Ханхан Сокто едет за живой водой, которой поливает труп отца, прикладывая к нему осиновыя листья. Отец оживает. Конь осыпает его упреками за неосторожность. Вслед за этим они едут к хозяину леса. Пока Ханхан Сокто спал, под дворец его приемного отца подвел подкоп тридцатиголовый мангатхай. Будучи разбужен сестрой, Ханхан Сокто бросается в бой и убивает мангатхая.

После этого идет эпизод женитьбы Ханхан Сокто. Узнав о существовании в дальней стране у Газар Баян хана прекрасной дочери, он едет туда свататься к ней. По пути он встречает сына Зудака, которого убивает. Далее он подъезжает ко дворцу стоголавого мангатхая. Превратившись в хорька, он проникает к спящему мангатхаю и перегрызает ему горло. После этого ему приходится выдержать борьбу с пятисотголовым мангатхаем. Узнав, что душа его находится в гнезде громадной птицы, он заговоренной стрелой добывает из гнезда камешек, в котором заключена душа. Разбив камешек, он уничтожает душу мангатхая. Далее ему предстоит бой с тысячевосьмиголовым мангатхаем. Битва с ним оказалась вничью, и тогда враждующие решили в течение двух суток ловить души друг друга. Узнав, что душа мангатхая находится в тринадцати серых птицах, заключенных в ящике, находящемся у тещи мангатхая, он отправляется к ней. Приняв вид мангатхая, он разбил ящик и поймал десять птиц, а три улетели. Он превратился в коршуна и, погнавшись за ними, поймал еще двух, а последняя превратилась в просо и рассеялась по полю. Превратившись в кур, он склевал его. Когда кончилось просо, остатки души мангатхая превратились в трех оленей. Ханхан Сокто обернулся в трех волков. После этого душа превратилась в рыбок, а он в щук и уничтожил душу. Своей стрелой он уничтожил вторую душу мангатхая.

Тем временем мангатхай принял вид своего противника и пошел за его душой к Хухудэй мэргэну. Жена последнего узнала его и велела небесным мужам прогнать его. Ханхан Сокто вскоре приехал и оторвал голову у птицы, отчего мангатхай погиб.

Продолжая путь, он избавляется от козней одной старухи и спасает сына царя муравьев. Прибыв к Газар Баян хану, он идет свататься. Но до него приехало уже семь претендентов на руку царевны. Царь предлагает ему победить одного силача, что ему и удается. За этим испытанием следует другое: нужно достать желтого щенка, находящегося на берегу молочного моря. Это опасное поручение он тоже выполняет с успехом. Затем царь велит ему достать перо из крыла птицы Хан

Гарди. Так как Ханхан Сокто спасает детей этой птицы, птица добровольно отдает ему перо. По окончании этих испытаний играют свадьбу.

Прибыв домой, Ханхан Сокто узнает о прибытии жениха Агу Ногон. Так как она соглашается выйти за него замуж, жениху отвечают согласием, назначив и ему испытание. Когда он его выдержал, сыграли вторую свадьбу. После этого все зажили счастливо и благополучно.

Выбор произведений эпоса монгольских народностей Внутренней Монголии невелик, так как собирание образцов устного творчества там до сих пор велось в значительно более скромных масштабах, чем среди халха-монголов, бурят и ойратов. Тем не менее и немногих доступных нам эпических произведений, записанных во Внутренней Монголии, достаточно для того, чтобы составить себе довольно ясное представление о них.¹

Начнем с небольшой чахарской былины *ḡūn tūbig eḡilegči dōrbōn nasatai Arejātu Nomūn хāḡ* „Четырехлетний Ареяту Номун хан, владеющий восточным материком“.

После обычного вступления (*nabčī saji delgerči baixada, sara saji mandaḡi baixada* „когда только что распускались листья, когда только что распространялась религия...“) говорится о том, что был Ареяту Номун хан, имевший шестилетнюю сестру. Был также другой хан — властитель западного материка — шестилетний Бар Арслан хан. Однажды сестра героя видит какую-то пыль, поднимающуюся к небу, и сообщает об этом брату, но он не обращает на ее слова должного внимания. Это же повторяется и на следующий день. Наконец, прибегает гнедая лошадь героя и сообщает ему о приближении противника. Герой седлает коня, который скачет и мчится совсем как кони в халха-монгольских улигерах:

*sūlērē nādaḡi
sūdernēsē ūrgeḡi
tologoigōrō nādaḡi
tōsonōsō ūrgeḡi*

„играя хвостом, пугаясь своей тени, играя головой, пугаясь своей пыли“. Сцена седлания коня тоже полностью совпадает с описанием ее в халха-монгольских былинах. Герой отправляется в путь и встречается с врагом. Начинаются расспросы, кто он и с какими намерениями едет. Герой вступает в бой с противником. Меч врага не берет его. После этого они борются, и герой побеждает своего противника. Забрав его войско, он возвращается домой. На этом былина кончается.

¹ Нижеследующие произведения героического эпоса народностей Внутренней Монголии записаны Ц. Ж. Жамцарано. Рукописи его хранятся в Институте востоковедения Академии Наук СССР. Пользуясь случаем с благодарностью отметить, что мое внимание на эти былины обратил собиратель их.

Следующая былина, на которой мы ненадолго остановим свое внимание, это „Шилэн Галдзу батар“, записанная у абага. Эта былина тоже имеет типичное начало („в начале нашей калпы, в предназначении калпы Майдари...“) и представляет собою не что иное, как вариант халха-монгольской былины „Энхэ Болот хан“. Так как конспект последней нами приводится дальше, мы, опуская подробности, ограничимся лишь указанием на то, что основное содержание былины „Шилэн Галдзу батар“ образует рассказ о похищении мангусом младших братьев героя.

Приведенные ойратские, бурят-монгольские и внутренне-монгольские былины по содержанию своему довольно близки к исследуемым нами халха-монгольским и обнаруживают очень большую близость со стороны своей структуры. Примерами по содержанию близких друг к другу былин являются ойратская былина „Эргль Тўргль“, бурят-монгольские былины „Хан Хашикта“ и „Намунай“, чахарская былина „Ареяту Номун хан“ и халха-монгольская былина „Лучший из мужей Ягандар“. Общие моменты их содержания следующие:

1) На страну героя нападает враг.

- а) Во время охоты Эргль Тўргля нападает Хара Кўрмў и уводит его подданных и скот.
- б) Во время войны хана Хашикта с Алтанай нападает Тэмэн Улан хан и уводит подданных и скот.
- в) На владения Намунай хана нападает Забхалта мэргэн хан и уводит его подданных и скот.
- г) На Ягандар хана нападает мангус Индэр мэрэн. Ягандар погибает.
- д) Бар Арслан хан нападает на Ареяту Номун хана.

2) Победа над врагом.

А. Герой сам справляется с врагом:

- а) Эргль Тўргль побеждает витязей Шаралда, Боролдо и Харалда и при их помощи одолевает Хара Кўрмў.
- б) Ареяту Номун хан побеждает Бар Арслан хана.

Б. Сын героя мстит за отца:

- а) Сын хана Хашикта воюет с Тэмэн Улан ханом, побеждает его и возвращает всех подданных и имущество.
- б) Жена Намунай хана прячет новорожденного сына, который вырастает и мстит врагу.
- в) Ягандар на охоте встречает своего сына, родившегося в его отсутствие, и при его помощи побеждает своего врага-мангуса.

3) Свадьба героя.

- а) Эргль Тўргль женится на красавице Набчи Го, похищенной в свое время Хара Кўрмў.
- б) Сын хана Хашикта женится на царевне Сэнхэрлэн луга.
- в) Сын Ягандара женится на дочери царя синих драконов, которая спасла его отца.

Этой, в самых общих чертах набросанной, схемы самой по себе еще недостаточно для доказательства единства происхождения соответствующих халха-монгольских, бурят-монгольских, ойратских и внутренне-монгольских былин. Гораздо больше внимания заслуживают подробности отдельных эпизодов.

Так напр., очень характерной является роль чудесной красавицы, спасающей героя, представляющей собою персонаж, очень часто встречающийся в эпических произведениях как халха-монгольских, так и ойратских и бурят-монгольских. Таковы, напр., в халха-монгольской былине „Ягандар хан“ дочь царя синих драконов, спасающая Ягандар хана, и различные небесные феи, дочери Эсэгэ Малана в бурятских былинах и красавицы-царевны в ойратских эпопеях. Характерно также, что герою, просящему руки царевны, и в халхаских, и в бурятских, и в ойратских былинах полагается сперва либо выиграть все состязания в стрельбе, в скачках и борьбе, либо выполнить ряд опасных поручений, напр., победить врагов отца суженой.

Важно отметить также и то, что в былинах халха-монголов, бурят-монголов и ойратов герой, отправляясь свататься, превращается сам в скверненького мальчика, а коня своего превращает в паршивого жеребенка. Сходство обнаруживают не только основные герои, но также некоторые другие персонажи халха-монгольских, бурят-монгольских и ойратских произведений. Таков, напр., двойственный персонаж бурят-монгольской былины „Мэньелтэ мэргэн“ дядя героя Зутан, играющий в этой самой былине двойственную роль — отрицательную и положительную. Таков табунщик Аксагалдай халха-монгольских былин, который в одних былинах выступает как положительный, а в других как отрицательный, враждебный герою персонаж.

Наконец, интересно также и то, что даже разговоры былинных персонажей и обращения их друг к другу носят всюду тот же трафаретный характер. Так, напр., встретившись с Хадайн Хара Күрмү, герою ойратской былины Эргль Түргль кричит ему: „Пожравший своего отца Хадайн Хара Күрмү! Чужие уделы захватывать в добычу отец тебя научил твой? Мать обучила? Глупый черный дурачина! Скорее сюда выходи!..“¹ А герой аларско-бурятской былины „Еремей Богдо хан“ — Галта Могой мэргэн при встрече с мангатхаем обращается к нему с такой бранью: „Ты принес, думая о долге и пени моего отца? Ты думал, что приданое моей матери — пыль? Вы, оказывается, высохшая комолая скотина, завидовавшая имуществу других и сосавшая шейные позвонки!“² В ойратской эпопее „Шара Бодон“ хан Наран Сундул дархан спрашивает героя: „Ну, молодец, чей ты сын, как прозываешься? Где кочевья твои великие? Как величают отца да матушку, как самого тебя прозывают? Расскажи,

¹ Владимирцов, цит. соч., стр. 229.

² Поппе, Аларский говор, ч. II, стр. 128.

зачем приехал, с какими намерениями?“¹ Слова эти почти дословно совпадают с аналогичными речами персонажей халха-монгольских былин.

Более того, многие выражения в халха-монгольских, ойратских и бурят-монгольских былинах совпадают дословно. Так напр., берем наугад несколько стихов из былины Эргль Түргль, где мы находим такие выражения:

xaŋγān činēn bijtā
xaŋ tašā xaŋγl xaŋ kēr mor'n
xada metū xantrāt
xaircak metū soiži ujži orkāt
öwrān emēl toxomān awāt
dundu zahān gonko bāšinda orži²

„Затянул он удила темногнедого коня Хара Таша, величиною с Хангай, крепко, как скала, увязал для выстойки точно ящик; забрал он затем свое седло да потник, вошел в средние палаты...“³

Выражение „как скала затянул удила и увязал для выстойки словно ящик“ дословно совпадает с соответствующим местом халха-монгольских былин. Напр., в былине „Амар Джаргал хан“ оно передается словами:

xana mete xantairād
xaircag mete tušād⁴
 „Словно стену увязавши удила,
 Спутав ноги словно ящик“.

В той же былине „Эргль Түргль“ говорится про героя, легшего спать, следующее:

toxomān debsāt emēlān derlāt
surum metū sunāt
suxā metū untwō gilā ui.⁵

„Разостлал потник, подложил под голову седло и улегся спать, заснул, растянувшись как ремень, покраснев как таволжник.“⁶

¹ Владимирцов, цит. соч., стр. 243.

² Б. Я. Владимирцов. Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Л., 1926, стр. 117, строки 727—732.

³ Перевод Б. Я. Владимирцова: Монголо-ойратский героический эпос, стр. 221.

⁴ Поппе, Образцы народной словесности халха-монголов, стр. 34.

⁵ Владимирцов, Образцы монгольской народной словесности, стр. 117, строки 733—735.

⁶ Владимирцов, Монголо-ойратский героический эпос, стр. 221.

В халха-монгольской былине „Лучший из мужей Эринцэн мэргэн“ этому соответствует следующее:

sur mete sunaži
*suxai mete ulān untaṅ žargaži baiži*¹

„Как ремень он растянулся,
Спал как таволжник он красный“.

Такие совпадения в структуре былин, в описании героев, их дворцов, коней, оружия, совпадения иногда мельчайших деталей, дословное совпадение многих выражений делают халха-монгольские, бурят-монгольские и ойратские былины очень близкими друг другу. Эти совпадения целых отрывков былин создают впечатление будто перед нами одна и та же былина, передаваемая лишь на разных языках или говорах, ибо различия между такими совпадающими в деталях отрывками почти исключительно фонетического и грамматического порядка.

Мы заканчиваем настоящую главу. Для сравнения с халха-монгольскими былинами можно было бы привлечь еще гораздо больше материала, но мы ограничиваемся приведенным, ибо в наши цели не входит сравнительное изучение произведений героического эпоса монгольских народностей. Тема эта слишком широка и поднять ее при нынешних условиях, когда только меньшая часть эпических произведений монголов опубликована и почти отсутствуют переводы их, мы не можем. Кроме того, сырой материал, которым мы располагаем, представляет собою преимущественно записи халха-монгольских, бурят-монгольских и ойратских былин, ибо во Внутренней Монголии собирание образцов героического эпоса, как сказано выше, велось лишь в небольших масштабах. В настоящей главе мы поставили своей целью показать большую близость халха-монгольского героического эпоса к героическому эпосу ойратов, бурят-монголов, а также внутренних монголов, представляющую собою доказательство нашего положения относительно формирования этого типа героических эпосов в период XIV—XVII столетий, когда ни халха-монгольская, ни ойратская, ни бурят-монгольская народность еще не сложились.

¹ Поппе, цит. соч., стр. 61.

Глава V

СЮЖЕТЫ И СТРУКТУРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

При рассмотрении халха-монгольских былин можно установить, что по структуре своей они далеко не однородны. В то время, как содержание одной былины образует один законченный эпизод, другие былины представляют собою цепь из нескольких связанных между собою эпизодов. Одни былины состоят, если можно так выразиться, из одного тура, а другие распадаются на несколько туров. В зависимости от этого можно говорить о былинах однотурных и многотурных. Однотурные былины по своим размерам, естественно, самые краткие. Примером такой однотурной былины может служить записанная Г. И. Рамstedтом былина „Агула хан“.¹ Содержание этой былины очень несложно.

В прежнее прекрасное время жил-был властитель северо-восточного материка Агула хан. Жена его видела однажды зловещий сон и разбудила мужа, но он не обратил внимания на ее тревогу. Улегшись снова спать, жена увидала во сне, будто надвигается войной пятнадцатиголовый желтый мангус Ан Дулай. Жена снова разбудила хана и, погадав, тот убедился в истинности ее сна. Хан стал снаряжаться в путь и поехал навстречу к мангусу. Встретившись с ним и обменявшись с ним вопросами, кто он и куда едет, он вступил с ним в поединок и убил его, после чего он растоптал жену мангуса величиной с паука, забрал его имущество и вернулся домой, а после этого он зажил спокойно и счастливо.

Такое же однотурное произведение представляет собою записанная нами былина „Богдо нойон Джагар хан“, содержание которой образует рассказ о сватовстве героя.²

Жил-был Богдо нойон Джагар хан, сын Умун Далай хана. Лучшим из его коней был соловый конь величиною с гору, который однажды навел его на мысль добыть себе в состязаниях с добрыми молодцами

¹ Образцы монгольской народной литературы. Вып. I. Халхаское наречие. Редактировали Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Руднев. СПб., 1908, стр. LXXXIV и сл.

² Н. Н. Поппе. Образцы народной словесности халха-монголов. Северо-халхаское наречие. Л., 1932, стр. 94 и сл.

жену и посоветовал ему ехать свататься прямо к дочери Ирбистэ хана, к красавице Оюн дагини. Хан отправился в путь. В пути он увидел высокую гору. Взобравшись на нее, он увидел высокую ставку. Превратившись в жаворонка, он полетел к ставке и сел на ее дымовое отверстие и стал слушать. Он увидел, что внутри в юрте сидят три добрых молодца, которые делали луки и стрелы, и три девушки, шившие панцыри. Девушки спросили, есть ли кто-нибудь краше их на свете, и молодцы отвечали, что дочь Ирбистэ хана краше их. После этого молодцы спросили, есть ли кто-нибудь прекраснее их и услышали в ответ, что Богдо нойон Джагар хан прекраснее их. Тогда они решили отправиться в путь и попытать свое счастье в состязаниях.

Джагар хан принял вид скверненького парнишки, а коня превратил в чесоточного жеребенка и поехал дальше. Встретил он табунщика Ирбистэ хана и на вопрос его, куда он едет, он отвечал, что ищет белую верблюдицу, белого верблюжонка и черного верблюда. Табунщик прогнал его. Так же поступил с ним пастух быков. Пастух овец обошелся с ним ласково и угостил его. Он догадался, что речь идет о царевне, ханше и хане. Перед уходом парнишки пастух дал ему разные советы и предупредил его, чтобы он входил лишь в левую юрту, где живут хан и ханша, и чтобы он не останавливался у золотой коновязи. Джагар хан поехал дальше и поступил во всем как раз наоборот. Коновязь, на которую он хотел повесить доспехи, не выдержала их и покосилась. Вошел он в юрту с правой стороны. Находившиеся в дверях богатыри стали рубить его своими мечами, но мечи сломались. Вошел он в левую юрту. Хан спросил его о цели путешествия, и он повторил свои слова относительно поисков верблюдов, о смысле которых догадалась лишь царевна. Парнишка изъявил свое желание участвовать в назначенных на следующий день состязаниях, но его не хотели допустить к участию в них. Наконец, царевне все же удалось настоять на том, чтобы и ему разрешили принять участие в играх. Первым состязанием были назначены скачки. На жеребенке парнишки поскакал пастух овец. Это состязание, равно как следующие два — стрельбу в цель и борьбу — выиграл парнишка. Тем не менее царевны хан ему не дал и приказал привести в калым трех соловых небесных коней. Несмотря на уговоры царевны не ехать, он все же отправился в путь. В пути он оживил лежавшие скелеты коней и витязей, которые погибли в поисках небесных коней. Далее он подъехал к безбрежному кипящему красному морю, через которое конь его все же сумел перескочить. Достиг он какого-то колодца. Превратившись в жаворонка, он притаился там, держа наготове треноги. Кони прибежали, чтобы напиться. Схватив их, он их стреножил. Севши караулить коней, Джагар хан уснул, а кони убежали. Верный конь героя побежал за ними вдогонку, поймал их и привел обратно. Джагар хан доставил хану коней, получил царевну, после чего он вернулся с богатым приданым домой и устроил пир.

Наконец, в качестве последнего примера однотурной былины, приведем конспект записанной нами былины „Энхэ Болот хан“,¹ вариантом которой является опубликованная Ц. Ж. Жамцарано былина „Абай Хэлэн Галдзу батар“.²

У Энхэ Болот хана был семилетний сын Бодил Галу и трехлетняя дочь Борной Джанцан. Старшего сына хана звали Шилэн Галдзу батар. Жил-был также черный мангус по имени Сальхини Эле хара мангус, которому однажды приснилось, будто он ест сына хана и будто дочь хана пасет у него верблюжат. Проснувшись, он послал свою жену, шолмо (чертовку) Сэнсэн Дугур за детьми хана. Шилэн Галдзу, который в это время был на охоте, увидел над своим домом какой-то зловещий столб пыли. Когда он прибыл домой, его маленькие брат и сестра подали ему чай. Лишь только они вышли, как в окно просунулось длинное желтое письмо, в котором было сказано, что детей похитила шолмо. Герой бросается вдогонку за шолмо. В пути ему встретился какой-то вороной конь, державший во рту маленького ребенка, которого он просил усыновить, но Шилэн Галдзу не обратил на него внимания. Он догнал шолмо, убил ее и въехал в страну мангуса. Едучи дальше, он встретил свою небесную жену Наран Гуа Уха, от которой узнал, что конь его уже нашел детей и оберегает их. Шилэн Галдзу нашел детей, взял их, а также свою жену и того маленького мальчика, которого держал во рту конь, и усыновил его. Затем он отправился преследовать мангуса, убил его и по возвращении домой устроил пир.

Былина „Абай Хэлэн Галдзу батар“ отличается лишь рядом деталей. Абай Хэлэн Галдзу увидал сон, будто с северо-востока приближается враг. Он вооружился и поехал навстречу врагу. На высокой горе он сразился с шомносом, но не совсем удачно. Взбешенный неудачей, он вернулся домой и стал осыпать бранью своего бурхана. (Интересно, что в былинке „Энхэ Болот хан“ бранью осыпает бурхана Шилэн Галдзу, когда узнает, что детей похитила шолмо.) Бурхан сообщает, что его младших братьев похитил шомнос. Отправившись искать их, он встретился с ехавшим на вороном коне тринадцатилетним Алтай Сама ху, который попросил его взять с собой. Взяв его и поехав дальше, он встретился с младшей царевной небожителя, сообщившей ему, что потеряла Алтай Сама ху и коня. Она позволила ему ехать дальше на этом коне. Приехав к женщине-шомносу, он убил ее, узнав предварительно, что шомнос Хунгэн Дэгур приходится ей сыном. Затем он сразился с шомносом, причем в битве ему помог Алтай Сама ху. Убив шомноса и его ламу, он вернулся с детьми домой. Царевна же с Алтай Сама улетели на небо.

Вариант этот интересен тем, что Алтай Сама здесь является помощником героя в битве, каковая роль оправдывает введение этого персонажа

¹ N. Poppe. Zum khalkhamongolischen Heldenepos. Asia Major. Vol. V. Leipzig, 1928, стр. 186 и сл.

² Образцы монгольской народной литературы. Вып. I, стр. LXVII и сл.

в улигер, в то время как в былине „Энхэ Болот хан“ этот персонаж является совсем лишним.

Сюжеты приведенных былин, таким образом, составляют:

А. Сражение с мангусом, явившимся с целью забрать скот и детей (Агула хан); сражение с шолмо, похитившей детей (Энхэ Болот хан, Абай Хэлэн Галдзу батар). В обоих случаях победа героя.

В. Сватовство героя, который выигрывает три состязания и доставляет тестю трех небесных коней (Богдо нойон Джагар хан).

Приведенные былины представляют собою наипростейший тип. Существует, однако, еще другой тип былин, содержание которых распадается на несколько эпизодов, туров или звеньев. При этом можно установить, что взятое в отдельности звено или тур представляет собою былину того наипростейшего типа, примеры которого были приведены выше. Другими словами, однотурная былина, сочетаясь с другими такими же, часто образует одну многотурную былину. Не следует, однако, полагать, что каждое выхваченное из многотурной былины звено может стать отдельной законченной былиной. Так, напр., самостоятельной былиной никогда не может стать тур, в котором говорится о гибели героя в битве с мангусом или другим врагом, ибо характерным для всех улигеров хадха-монголов и других монгольских народностей является всегда конечное торжество героя над врагом. Поэтому за таким туром всегда должен следовать другой: оживление героя, продолжение борьбы и победа его над врагом. Как мы увидим дальше, фабула былин, первое звено которых описывает гибель героя в борьбе с противником, всегда развивается именно в таком направлении.

Перейдем теперь к рассмотрению двух- и многотурных былин.

Характерный пример двухтурной былины представляет собою „Баян Боролдзой хан“.¹

В первом туре говорится о том, как конь Баян Боролдзой хана в предчувствии приближения двадцатипятиголового мангуса заржал. Герой снаряжился в путь и встретился на холме *Bolzōtin boro tologoi* с мангусом. Назначили поединок. Первым выстрелил мангус и прострелил герою грудь, но тот заткнул рану. После этого хан прострелил грудь мангусу. Оружием они друг друга одолеть не могли и стали бороться. Герою удалось подмять под себя мангуса и зарезать его, после чего герой поехал за женами мангуса. В пути он встретил старика Будза Бурал, ехавшего на верблюде. Старик угостил его, и он поехал дальше. Далее произошла встреча с табунщиком Адза Бурал, который тоже угостил его. Наконец, он встретился с пастухом овец, который угостил его, указал дорогу и дал ряд советов. Наконец, он прибыл к женам мангуса и зашел к ним. Они его угостили. Затем он забрал их, а также имущество и всех подданных мангуса и отправил их к себе домой, а сам поехал к тэнгрию Хурмуста сватать его дочь.

¹ Поппе, цит. соч., стр. 134 и сл.

Второй тур образует эпизод сватовства героя. Хурмуста требует от него уплаты калыма львом, медведем, волком и птицей гарудой. Отправившись за требуемыми зверями, он встретил лису, которую он покормил. Лиса обещала ему помочь и побежала к льву, которого напугала сообщением о том, что Хурмуста собирается поразить его громом. Лев попросил ее помочь. Лиса велела ему сидеть смиренно с закрытыми глазами. После этого лиса побежала к медведю и к остальным зверям, и со всеми повторилось то же самое. Затем лиса собрала всех зверей, велела им следовать за собой с закрытыми глазами и привела их к Хурмусте, который их запер в железное здание. Боролдзой приехал к Хурмусте, где сыграли свадьбу. После этого Хурмуста узнал от прежних жен мангуса, где находится душа мангуса и, поразив ее громом, окончательно убил мангуса. Боролдзой устроил пир и зажил счастливо.

Как видно, эта былина состоит из двух частей — первую образует эпизод битвы с мангусом, вторую — эпизод сватовства. Нетрудно установить, что былина эта состоит из двух однотурных былин А + В (сражение с мангусом, победа над ним + сватовство).

Многотурной является былина „Лучший из мужей Ягандар“.¹

Первый тур образует эпизод боя с мангусом и гибели Ягандара. Жена Ягандара — Саран Гуа увидела однажды высокую белую пыль, поднимавшуюся до самого неба. Конь героя и его ловчие птицы забеспокоились, а собаки Хасар и Басар залаяли. На следующий день ловчие птицы не вылетели за добычей, а собаки продолжали лаять. Тогда она разбудила Ягандара. Ягандар оседлал коня и поехал. Встретился он с девяностопятиголовым мангусом Индэр мэрэном, который приехал, чтобы забрать его жену и детей. Они вступили в бой. Оружием они друг друга не могли одолеть и стали бороться. Мангус вышел победителем, закопал героя в землю, заткнул отверстие круглым камнем, а сверху придавил каменной плитой. После этого мангус забрал жену и все имущество Ягандара и вернулся домой.

В следующем туре рассказывается о том, как конь привез дочь царя синих драконов, которая воскресила Ягандара. Конь побежал к табунам царя синих драконов. Табунщик Адза Бурал сразу же заметил нового коня. Дочери царя драконов стали кататься на нем. Когда поехала верхом самая младшая, конь понес ее к тому месту, где лежал убитый Ягандар. Царевна оживила его. Ягандар хотел ехать к ней, но она не позволила, говоря, что время для этого еще не настало, и скрылась. Ягандар поехал к себе на родину, попил там воды из своих источников и стал еще лучше, чем был раньше. Он нашел у себя в кочевье баранью лопатку, на которой, как оказалось, было написано его женой письмо: она просит его не ехать за ней, сообщает, что под одной из ножек очага спрятано мясо, под другой его оружие, а под третьей еще одно письмо. Он прочел это второе письмо:

¹ Поппе, цит. соч., стр. 144 и сл.

жена просит его взять в жены дочь царя синих драконов и сообщает, что у нее самой скоро родится сын, которого будут звать *Xutagin ir Suman Mogoi Damdin Šoьxor*. Тогда Ягандар принял вид скверненького парнишки и поехал к царю синих драконов.

Дальше начинается третий тур — сватовство Ягандара, выигрывающего все состязания. Этот эпизод полностью повторяет содержание былины „Богдо нойон Джагар хан“ с той лишь разницей, что, выиграв последнее состязание, Ягандар сразу же едет с дочерью царя синих драконов домой, в то время как Джагар хан должен еще добыть небесных коней.

После этого идет четвертый тур. Рассказывается о том, как Ягандар пошел на охоту и застрелил лисицу, которую схватил и унес какой-то маленький мальчик. На следующий день этот случай повторился снова. Спросив мальчика, кто он такой, он узнает в нем своего сына, о предстоящем рождении которого ему писала жена. Отец поехал вдвоем с сыном к мангусу, чтобы убить его. Встретившись со своей женой, Ягандар узнал от нее, что в одном из девяти пяти желудков мангуса находится мальчик с железным луком и стрелами, враг еще более опасный, нежели сам мангус. Когда приехал мангус, они его убили. Из живота мангуса вышел мальчик, и они ударили его, но он вырос величиной с гору. Ударили они его два раза, и он стал величиной с две горы. Тогда по указанию своего сына Ягандар хватил его о красную, как печень, скалу и убил его. После этого они вернулись домой, забрав весь скот и народ свой. Ягандар стал жить со своей женой, а царевну, дочь царя синих драконов, выдал замуж за своего сына.

Наконец, чтобы покончить и с многотурными былинами, приведем еще конспект былины „Лучший из мужей Дзалудай мэргэн“.¹

Лучший из мужей Дзалудай мэргэн жил в местности Ара Хоргольджи. Однажды старик табунщик Асагалдай погнал коней на водопой. Белоротая кобыла, шедшая впереди табуна, шарахнулась от воды и не стала пить, так как в воде плыли легкие и сердце. Старик схватил их, но они превратились в серого зайца и беляка и побежали. Старик убил их. Тогда появился пятнадцатиголовый мангус. Старик, оказываясь, убил его детей, принявших вид зайцев. Мангус потребовал от старика, чтобы он за это убил Дзалудай мэргэна, пригрозив в противном случае убить его самого. Старик обещал мангусу не говорить Дзалудай мэргэну о своей встрече с ним и испортить все доспехи своего господина. Жена Дзалудай мэргэна увидела тем временем зловещий сон и сообщила мужу о своих подозрениях насчет Асагалдая, который, повидимому, в стачке с мангусом, но Дзалудай не обратил внимания на ее слова. Через семь дней с неба спустились кони Дзалудая, которые предупредили его о грозящей ему опасности. Дзалудай мэргэн хотел их оседлать и вооружиться, но сбруя

¹ Запись Ц. Ж. Жамцарано. См. Образцы монгольской народной литературы. Вып. I, стр. CLXXXVI и сл.

и доспехи его оказались испорченными. Пришлось ему спастись бегством. Пришел мангус и забрал жену и все его имущество.

Следующий эпизод — сватовство Дзалудай мэргэна, берущего в жены царевну Наран Гуа. Дзалудай мэргэн сделал себе из тростника лук и стал жить охотой. Через три года он вернулся к себе на родину. В очаге его еще теплился огонь. Это вселило в него некоторую надежду на успех его дальнейшей борьбы с мангусом. Под очагом он заметил письмо своей жены, которая сообщала ему, что под очагом ею спрятаны новые доспехи и съестные припасы. Далее, она писала, чтобы он женился на царевне Наран Гуа, которая должна пришить последнюю пуговицу к его шелковой рубахе, которую она сама перед отъездом не успела пришить.

Дзалудай мэргэн решил ехать за своей женой, но в пути встретилось ему ядовитое море, которого он не смог объехать, и он решил поэтому сперва поехать за царевной Наран Гуа.

Он увидел золотой и серебряный колодец. Приняв вид скверного мальчишки, он стал там ждать. Вскоре пришла прислужница Наран Гуа поить телят, но увидав его, ушла. Тогда пришла сама царевна, которая стала играть с ним в шахматы и провела с ним три ночи. Узнав об этом, хан сильно разгневался и хотел их обоих казнить, но ханша упростила его простить их. Хан разрешил им жить в шалаше за конским стойбищем. После этого шестеро старших зятьев хана отправились на охоту. Дзалудай мэргэн тоже захотел ехать и ему дали необъезженного дикого коня. Когда он поехал, все удивились его отваге. Его свояки ничего не убили на охоте, а он вернулся с очень богатой добычей. Отдав им все туши, он оставил себе ноги убитых зверей и произнес пожелание, чтобы свояки его отравились мясом туш. Когда они действительно заболели, он вылечил их, дав им кусочек мяса, величиною с вошь, оставшийся у него. Когда они все вернулись домой, хан очень похвалил своих зятьев за их доблесть.

Хан послал после этого зятьев искать сотню золотистых коней, похищенных птицей гарудой. Зятья легли спать, а Дзалудай превратился в комок конского навоза и притаился. На заре кобыла хана ожеребилась. Тотчас же появилась гаруда, которая унесла жеребенка. Дзалудай успел отстрелить у жеребенка хвост и одно перо птицы гаруды. Хвост и перо он отдал своей жене. Утром его свояки проснулись и стали ссориться из-за оставшихся на месте обломков перьев птицы гаруды. Дзалудай успокоил их, говоря, что в темноте они все стреляли одинаково хорошо. Свояки так и сказали хану. Хан послал их после этого в страну гаруды за похищенными конями. Дзалудай тоже хотел последовать за ними и ему предложили раздобыть себе для путешествия рыжего коня, находившегося на рубеже земли и неба. Раздобыв этого коня, он его укротил и поехал на нем. Когда он лег спать, конь его ушел и прибежал домой. Тогда все решили, что он свалился с коня и убили. Дзалудай принял между тем свой подлинный вид и поехал дальше на своем собственном коне Эдзэн Шарга, ведя второго на поводу. Посреди одной равнины он увидел юрту величи-

ной с чашку и старушку-цабаганцу величиной с палец. Старушка угостила его и объяснила, где живет гаруда, указав ему также наиболее уязвимое место гаруды. Дзалудай поехал дальше и увидел табун коней, среди которых находился и тот жеребенок, у которого он отстрелил хвост. Застрелив гаруду, он отрезал ее крылья и погнал табун домой. На обратном пути он снова заехал к шабаганце, которая сделала ему предостережение насчет его свояков, замышляющих недоброе. Дзалудай поехал дальше. Свойки встретили его с почетом и уважением. Он сообщил им, что пригнал табун, а гаруды убить не смог и объявил ее крылья, которые он вез, крыльями жаворонка. Свойки хотели привязать его коня, но он сказал, что это слишком большая честь для него и привязал его сам. Хотел он также отказаться от предложения сесть в почетный угол, но нельзя было. Он сел и провалился в заранее заготовленную для него яму. Кони его Эдзэн Шарга и Эрхэ Шарга угнали табун коней, который не достался зятьям хана. Эдзэн Шарга и Эрхэ Шарга отправились за золотой дагини с девяностодевятисаженной косой. Дагини решила прокатиться на бегавшем перед ней Эдзэн Шарга, но он подхватил ее и понес к тому месту, где лежал Дзалудай мэргэн. Она опустила свою косу в яму, но коса не достигла ее дна. Чтобы удлинить волосы, она стала расчесывать их, для чего понадобилось озеро, которого там не было. Тогда кони стали мочиться и образовали два озера. Опустив косу на дно ямы, она достала Дзалудай мэргэна и оживила его вечной водой, за которой был послан жаворонок. После этого Дзалудай поехал дальше и пригнал домой табун златогрудых коней, половину которого он подарил своей спасительнице. Хан встретил его, с большими почестями и устроил ему пир. Затем он поехал домой. Перед отъездом он наказал свояков, которых хан считал достойными казни. Он побил их так, что перерубил на части. Наран Гуа, видя горе своих сестер, упросила его воскресить их, что он и сделал. Он отказался от подарков и взял лишь Наран Гуа и коня Урен Дзэрдэ. Перед самым отъездом Наран Гуа в одно мгновение зашила ему ворот шелковой рубахи. В ответ на это он должен был в один миг расстрелять восемьдесят телег дров, черный валун, прострелить ушко серебряной иглы и т. д., что он и сделал. Затем они приехали домой, где от прежнего жилья уже ничего не осталось.

Третий тур посвящен продолжению борьбы с мангусом. Однажды Дзалудай мэргэн поехал на охоту и застрелил маралуху, которую унес появившийся откуда-то совершенно внезапно мальчик. На следующий день повторилось то же самое. На третий раз он догнал мальчика и спросил его, кто он такой, но тот ничего не знал. Он взял мальчика к себе и привез домой. Конь Эдзэн Шарга высказал мнение, что это его собственный сын. Чтобы испытать его, он попросил мальчика почесать ему спину. Когда мальчик увидел знакомое родимое пятно, он лишился чувств. Когда он пришел в себя, он сказал, что родился уже после увода его матери в плен мангусом и что мать много рассказывала

об отце. Тогда оставив Наран Гуа на попечение своих коней, он поехал с сыном на коне Урен Дээрдэ к мангусу. Происходят встречи с табунщиком, пастухом верблюдов и пастухом овец. Подъехав к дому мангуса, он оставил сына, дав ему указания насчет того, что ему делать, а сам пошел к мангусу. Мангус с перепуга забрался под сундуки. На следующий день они вступили в бой. Ослабевший мангус попросил жену посыпать под ноги тому, кого она милует, белой муки, а тому, кому желает зла, черных камней. Жена Дзалудая посыпала под ноги мангусу камней, а своему мужу муки. Мангус споткнулся и упал. Тогда он убил мангуса и отрубил ему большие пальцы. Появившегося из пальца железного мальчика на железном коне они тоже убили, что стоило им больших трудов.

Вернувшись домой, он предал изменника старика Асагалдая казни, женил своего сына на Наран Гуа, а сам зажил со своей женой.

Как видно, былина эта имеет много общего с былиной „Ягандар“. По существу новым эпизодом является здесь вся история Дзалудай мэрэгэна с его женитьбой, со свояками и златогрудыми конями, чего нет в былине „Ягандар“. Интересно зато отметить, что былина „Лучший из мужей Дзалудай мэрэгэн“ почти буквально совпадает с записанной нами цонгольско-бурятской былиной *Bajan Doržin xübün batar Čono Galdan* „Богатырь Чоно Галдан, сын Баян Дорджи“, которая отличается лишь тем, что там в стачке с мангусом оказывается сама жена героя. Кроме того, последняя былина несколько короче и кончается на том месте, где говорится о наказании свояков.¹ Что касается чрезвычайной близости этих былин, то объясняется она тем, что цонголы являются выходцами из Халхи 1694 г. и могли поэтому отсюда принести эту былинку. Возможно также, что попала она к цонголам и после XVII столетия, так как связи между селенгинскими бурятами и Халхой не прекращались и после того времени.

Как видно, разные многотурные былины часто имеют очень много общего между собою. Иногда отдельные туры, отдельные звенья совпадают полностью, почти до мельчайших подробностей, и в общем совершенно разные былины могут иметь одно, а то и два звена, совершенно одинаковых, как напр., былины „Дзалудай мэрэгэн“ и „Ягандар“, общим для которых является то звено, в котором речь идет об охоте, встрече с сыном, совместной их борьбе с мангусом и выдаче замуж царевны-спасительницы героя за сына.

После сказанного относительно многотурных былин, содержание которых составляется из нескольких эпизодов, мы можем установить ряд формул, по которым отдельные былины оказываются построенными. Для этого условимся каждый эпизод обозначать каким-нибудь знаком: А, В, С и т. д.

¹ Поппе, Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака, стр. 119 и сл.

- А — Сражение с мангусом (или другим противником) и победа над ним.
 А¹ — Сражение с мангусом и гибель героя.
 А² — Сражение с мангусом, победа последнего в результате измены табунщика или другого персонажа, бегство героя.
 В — Сватовство героя, выигравшего три состязания.
 В¹ — Сватовство героя, выигравшего три состязания, после чего он должен уплатить калым хищными зверями и т. п. (Состязания могут и отсутствовать).
 В² — Сватовство героя, который после женитьбы едет за небесными конями, похищенными гарудой, и которого завистливые свояки хотят погубить.
 С — Оживление павшего героя небесной красавицей.
 D — Встреча героя со своим сыном, родившимся от взятой в плен мангусом жены героя; победа при его помощи над врагом.

Переходя теперь к выше пересказанным былинам, можно для них дать следующего рода формулы:

Баян Боролдзой хан — $A + B^1$.

Лучший из мужей Ягандар — $A^1 + C + B + D$.

Лучший из мужей Дзалудай мэргэн — $A^2 + B^2 + D$.

Введя дополнительные обозначения, мы можем такие же формулы дать и для былин „Лучший из мужей Эринцэн мэргэн“, „Мани Бадар дзанги нашего хошуна“ и „Богдо нойон Джанграй хан“.

Что касается быliny „Эринцэн мэргэн“, то основным содержанием ее является следующее: первый тур — отправление Хаш Хара ханом витязей, которые должны убить героя, что им не удастся, после чего героя приглашают к хану, где его напаивают ядом и умерщвляют (вариант А, условное обозначение А³); второй тур — оживление Эринцэн мэргэна. В этой быline дело обходится без небесной красавицы, и в роли воскресителя героя выступает старик Аксагалдай, после чего следует женитьба Эринцэн мэргэна на дочери Хаш Хара хана (вариант С — С¹). Состязания отсутствуют, но после свадьбы Эринцэн мэргэн должен доставить небесного скакуна, что он и делает. Хан ему покоряется (вариант, близкий к В¹). Таким образом былина наша оказывается построенной по формуле $A^3 + C^1 + B^1$.

Переходим к быline „Богдо нойон Джанграй хан“. Первый тур — встреча с мальчиком, который обдирал зайца в охотничьем заповеднике героя. Герой берет мальчика к себе. Мальчик оказался сыном младшей из трех небесных дагини. Этот тур представляет собой вариант D — скажем D¹. Второй тур — неудачная война героя с Хара Сойо (вариант А — скажем А⁴). Далее идет эпизод с получением меча, которого в предыдущих былинах мы не встречаем, и победа при помощи того мальчика над Хара Сойо, эпизод представляющий собою продолжение первого тура — D¹. Второй тур — А⁴ оказывается как бы зажатым между первой и второй половиной тура D¹. Получается — D¹ (первая часть) + А⁴ + D¹ (вторая часть).

Наибольшее количество эпизодов, не повторяющихся в других эпических произведениях, входит в состав былины „Мани Бадар дзанги нашего хошуна“, вследствие чего для них не подходят условные обозначения, данные выше.

Мы видим, что разные былины в большинстве отличаются друг от друга лишь тем, что представляют собой различные комбинации, в конце концов, довольно ограниченного количества сюжетов, образующих отдельные туры этих былин, причем сюжеты туров представляют собою варианты еще меньшего количества основных сюжетов, которых мы для отдельных звеньев большинства былин установим четыре — А, В, С, D с вариантами А¹, А², А³ и т. д., В¹, В² и т. д.

Выше нами был установлен феодальный характер произведений героического эпоса халха-монголов и было установлено, что в том виде, в каком они дошли до нас, они сложились и оформились в период феодальных войн XIV—XVII столетий. Теперь мы можем прибавить к этому еще замечание, что халха-монгольский эпос является однородным не только по своему идеологическому содержанию и что произведения его имеют чрезвычайно много общего также в деталях.

Как мы увидим дальше, относительным однообразием отличается и внешняя сторона былин, в которых используются все одни и те же средства. По этому поводу уместно еще раз напомнить сказанное выше о том, что среди халха-монголов героический эпос бытовал не в нойонских ставках, но в аратских юртах и перестал развиваться профессионалами-сказителями, каковые еще недавно существовали, напр., у ойратов. Это обстоятельство не могло не отразиться на сюжетах былин: разнообразию их неоткуда было взяться, если носителями былин были не профессионалы.

Глава VI

ПЕРСОНАЖИ ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

В главе о персонажах халха-монгольского героического эпоса нам менее всего придется говорить о самых главных персонажах — о герое и его противнике, ибо о них речь шла уже выше, где было установлено, что им присущи некоторые признаки феодальных владетелей.

Героями эпических произведений являются: Амар Джаргал хан, Богдо нойон Джагар хан, Баян Боролдой хан, Богдо нойон Жанграй хан, Энхэ Болот хан, Агула хан, Лучший из мужей Ягандар, Лучший из мужей Дзан Дзалудай, Лучший из мужей Дзалудай мэргэн, Лучший из мужей Эринцэн мэргэн, Абай Хэлэн Галдзу батар, Мани Бадар дзанги.

Несмотря на различие имен и титулов — хан, батар, мэргэн, даже дзанги, герои эти рисуются весьма похожими друг на друга. Так мы узнаем, что Амар Джаргал хан является обладателем довольно подробно описываемого дворца, множества подданных и скота. Жена его — красавица Урал Уга хатан.¹ То же самое говорится и о Богдо нойон Джагар хане, который в отличие от первого жены не имел.²

Лишь незначительные варианты представляет собою то, что мы узнаем об остальных героях былин. Исключения собой не представляет даже Мани Бадар дзанги, герой самой демократической былины, изображаемый владельцем десятков тысяч коней, заполнивших северный склон, множества тысяч коней, заполнивших южный склон, ходивший в желтой шелковой шубе и ездивший верхом на соловом коне Сандзай.³

Жена героя, если таковая у него имеется в самом начале повествования, большой роли не играет. Ее роль — пассивная и сводится обычно лишь к тому, что она видит вещий сон. Такова, напр., жена Амар Джаргал хана — Урал Уга, видящая зловещий сон.⁴ Жена другого героя — Лучшего из мужей Ягандара — Саран Гуа, видит какой-то зловещий столб пыли и другие знамения.⁵ Наконец, жена Лучшего из мужей Дзалудай мэргэна,

¹ Поппе, Произведения народной словесности халха-монголов, стр. 32.

² Там же, стр. 94—95.

³ Там же, стр. 126.

⁴ Там же, стр. 32—33.

⁵ Там же, стр. 145.

увидев сон, предостерегает мужа и сообщает ему свои подозрения насчет табунщика Асагалдая.¹

Второе, что мы узнаем о жене героя, это то, что перед тем, как покинуть свои родные кочевья, она, взятая в плен мангусом, прячет оружие своего мужа и оставляет ему письмо, в котором указывает ему невесту — дочь хана драконов или другого небожителя (напр., жена Ягандара).² Изредка жена героя выступает в роли его активной помощницы в борьбе с мангусом: когда герой отправляется в страну мангуса, чтобы спасти свою жену, и вступает в бой с мангусом, пленная жена героя бросает под ноги мангусу камни, отчего он спотыкается и падает, что облегчает победу героя над ним.³

Иногда эта помощь выражается в совете насчет того, каким образом можно убить мангуса.⁴

О таких случаях, в которых жена героя оказалась бы в стачке с мангусом, в халха-монгольских былинах мы ничего не узнаем. Вышеприведенный эпизод измены жены с мангусом, ломающей и портящей доспехи батара Чоно Галдана, героя цонгольско-бурятской былины,⁵ известным нам халха-монгольским былинам чужд, но зато является характерным для хори-бурятских былин, как напр., для былины „Лодой мэргэн“⁶ и ряда др. Можно предполагать, что цонгольско-бурятская былина „Батар Чоно Галдан“, в общем очень близкая к халха-монгольской былине „Лучший из мужей Дзалудай мэргэн“, в данном случае обнаруживает влияние со стороны хори-бурятского героического эпоса.

Герой может и не иметь жены с самого начала, как напр., лучший из мужей Эринцэн мэргэн, берущий в жены красавицу, перерожденца двадцати одной Дарихи, дочь Хаш Хара хана, играющую очень небольшую, но положительную для героя роль, которому она советует не отправляться в опасный путь к Хара Хула хану за скакуном, куда его посылает теть.⁷

Значительно большую роль в былине играет небесная красавица, спасительница и воскресительница героя. В былине „Ягандар“ в роли таковой выступает младшая из трех дочерей царя синих драконов, которая воскрешает героя. Впоследствии Ягандар едет искать ее руки и, выиграв три состязания, он получает ее, а затем отдает ее своему сыну, рожденному в плену у мангуса.

¹ Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. СХС.

² Поппе, цит. соч., стр. 151.

³ Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. ССLXII.

⁴ Поппе, цит. соч., стр. 155; ср. Б. Б. Бамбаев. Отчет о командировке в Монголию летом 1926 г. Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Нар. Респ. и БМАССР. Вып. 4. Л., 1929, стр. 68.

⁵ Поппе, Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака, стр. 123.

⁶ А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. Вып. 3. СПб., 1913—1914, стр. 03. Ср. там же стр. 025.

⁷ Поппе, Произведения народной словесности халха-монголов, стр. 82.

В былине „Лучший из мужей Дзалудай мэргэн“ героя спасает длинноволосая золотая желтая дагини. Интересно, что в этой былине появляется еще один женский персонаж, а именно младшая дочь Баджин Дава цэцэн хана — Наран Гуа, которая дошивает рубашку бежавшему от мангуса герою. Впоследствии Дзалудай выдает ее замуж за своего сына, родившегося в плену у мангуса. Что же касается длинноволосой дагини, то ей герой отдает в виде благодарности златогрудых коней, после чего о ней речи уже больше нет. Следует отметить, что в обоих случаях герой сам не женится на своей спасительнице и отдает ее своему сыну.

Если жена героя, являющаяся таковой с самого начала, никаких необычайных сверхчеловеческих качеств не обнаруживает, то, наоборот, жена, которую герой приобретает по ходу действия, рисуется иначе. Так напр., жена Мани Бадар дзанги — дочь царя Джагармиджида (контаминация из Бигармиджид = *Vikramāditya* и *ḡagar* „Индия“), белая лебедица, обладает нечеловеческими качествами. Точно так же Баян Боролдзой хан берет в жены дочь тэнгрия Хурмушта.

В своей борьбе с мангусом герой приобретает помощника и союзника в лице своего сына, роль которого очень значительна. Такой сын-помощник появляется в былинах „Ягандар“, „Лучший из мужей Дзан Дзалудай“ и „Лучший из мужей Дзалудай мэргэн“. Во всех случаях сын рождается в плену у мангуса, и отец его, герой былины, сперва не узнает его. Встреча отца и сына происходит на охоте, где герой замечает, что какой-то мальчик похищает его добычу. В дальнейшем отец вместе с сыном уничтожает мангуса, освобождает свою жену, мать этого сына, и выдает за сына замуж свою спасительницу, а сам поселяется вместе со своей прежней женой.

В роли помощника и союзника выступает иногда сын небесной дагини, явившийся на землю раздавать милостыню неимущим, как напр., в былине „Богдо нойон Жанграй хан“.¹

В былине „Абай Хэлэн Галдзу батар“ таким помощником героя является сын небесной дагини тринадцатилетний Алтай Сама ху на вороном коне, который участвует в сражении с шолмосом и помогает герою убить противника.²

В былине „Энхэ Болот хан“, представляющей собою очень близкий вариант былины „Абай Хэлэн Галдзу батар“, вместо Алтай Сама ху появляется маленький мальчик, которого принес герою вороной конь, державший этого ребенка во рту. Герой усыновляет этого мальчика и дает ему имя Шиль Дзурук Дамба ху. Мальчик этот никакого участия в преследовании мангуса и уничтожении его героем былины Шилэн Галдзу батаром, старшим сыном Энхэ Болот хана, не принимает, но для нас этот персонаж представляется очень интересным и важным. Дело в том, что в этой

¹ Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. СХХХV.

² Там же, стр. LXXXII.

былине появляется небесная жена Шилэн Галдзу батара— Наран Гуа Уха.¹ Как нам известно из былины „Абай Хэлэн Галдзу батар“, матерью Алтай Сама ху является небесная дагини. Таким образом, можно установить следующие связи между этими персонажами: небесная дагини— мать Алтай Сама ху или Шиль Дзурук Дамба ху и небесная жена героя. Отсюда вытекает, что и этот помощник героя фактически является его сыном.

В передаче разными лицами одной и той же былины из поколения в поколение былина неизбежно несколько изменяется: кое-что забывается, на месте забытого и опущенного появляется новое. Утрачиваются также первоначальные функции ряда персонажей. С другой стороны, в разных былинах появляются вдруг совершенно лишние персонажи.

Так напр., в былине „Амар Джаргал хан“ герой встречается с одним маленьким пятилетним мальчиком в шапке с отличительным знаком гуна. Он узнает от него, что его мать и отца увел мангус. Герой усыновляет этого мальчика. Впоследствии герой убивает мангуса и возвращается домой вместе с этим мальчиком.² Мальчик этот никакой заметной роли в былине не играет и является совершенно лишним персонажем, внесенным сюда из былин, в которых играет роль сын героя, родившийся в плену у мангуса. Так как в былине „Амар Джаргал хан“ нет речи о том, чтобы герой первоначально был побежден мангусом и чтобы мангус увел его жену в плен, можно лишь предположить, что этот персонаж был внесен в эту однотурную былинку из какой-нибудь многотурной типа „Ягандар“, где этот мальчик являлся сыном героя и его помощником.

Чрезвычайно большую роль играет конь, верный товарищ и советник героя. Очень ярким примером богатырского коня, сочетающего в себе все положительные качества верного боевого спутника героя, является конь лучшего из мужей Эринцэн мэргэна. Прежде всего мы узнаем, что подъезжая издали к войску Хаш Хара хана, герой еще не знает, что его уже поджидают заранее выставленные полки противника. Верный конь спрашивает его: „Что ты думаешь? Что это такое?“ И когда герой отвечает незнанием, он объясняет ему, что это идущие рати и дает ему совет вырвать из спины его полосу в три пальца и этим ремнем укрепить подпруги. Залечив спину коня, из которой был вырезан ремень, особым чудодейственным лекарством, Эринцэн мэргэн поехал дальше. Конь перетоптал вражеское войско. Когда герой подъехал к Хаш Хара хану, конь дал ему совет не привязывать его крепко, не вешать доспехов на вешалку и не заходить в юрту опасных и коварных.³ Когда Эринцэн мэргэна напоили ядом, конь сорвался с привязи, к которой его хозяин все-таки, вопреки его предупреждениям, привязал, растоптал множество войска и побежал домой, чтобы доставить печальную весть и добыть средство

¹ N. Poppe. Zum khalkhamongolischen Heldenepos. Asia Major. Vol. V, стр. 211.

² Поппе, Произведения народной словесности халха-монголов, стр. 39 и сл.

³ Там же, стр. 71.

спасения господина.¹ Впоследствии, когда Эринцэн мэргэн поехал к Хара Хула хану, конь обратил его внимание на приближение опасного черного беркута, которого герой тогда и убил.²

Для халха-монгольских былин, да и не только для них, но и для ойратских и бурят-монгольских эпических произведений, является чрезвычайно характерным то обстоятельство, что конь в них выступает в роли советчика героя, предугадывающего события и предупреждающего своего хозяина. Так напр., конь Баян Боролдзой хана выражает беспокойство перед прибытием мангуса и предупреждает о приближении его.³ Точно также предупреждают лучшего из мужей Дзалудай мэргэна его кони Эдзэн Шарга и Эрхэ Шарга.⁴ В цонгольско-бурятской былине „Батар Чоно Галдан“ конь высказывает свои подозрения насчет жены героя, которая стакнулась с мангусом, и дает герою совет ничего не пить и не есть, если она ему предложит, и не давать ей привязывать коня.

Совершенно то же самое говорится о коне героя вышеназванной хори-бурятской былины „Лодой мэргэн“. Наподобие того, как конь Эринцэн мэргэна помчался за помощью для своего господина, точно также кони героев халха-монгольской былины „Дзалудай мэргэн“ и цонгольско-бурятской былины „Батар Чоно Галдан“ привозят длинноволосую красавицу, которая достает героев из глубокой ямы.⁵ Когда Дзалудай мэргэн встречается со своим сыном, которого он никогда не видел, конь его Эдзэн Шарга наводит его на мысль, что мальчик этот его сын.⁶

Богдо нойон Джагар хан должен был добыть в качестве калыма трех небесных золотисто-соловых коней. С большим трудом добыв их, герой засыпает и отпускает их. Тогда конь его помчался в погоню за конями и пригнал их обратно.⁷ Благодаря своему коню Ягандар выигрывает одно из трех состязаний, устраиваемых женихами царевны.⁸ Наконец, Богдо нойон Джагар хана конь перевозит через кипящее ядовитое море.⁹

Интересно отметить, что и с конем своим герой обращается как с другом, с советником, с равным себе товарищем и постоянно советуется с ним. Бывают, впрочем, случаи когда он не слушается его советов и тогда всегда оказывается, что конь был прав. Интересную клятву дает конь перед сражением. Обращаясь к противнику, он говорит: „Если твой скверный, волчьей масти, пегий конь опередит меня, я дам себе выломать свои четыре слоновьих бивня и переломать шесть прилаженных друг

¹ Там же, стр. 75—76.

² Там же, стр. 87.

³ Там же, стр. 135.

⁴ Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. СХСІ.

⁵ Там же, стр. ССХХVI; ср. Поппе, Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака, стр. 130.

⁶ Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. ССXLV.

⁷ Поппе, Образцы народной словесности халха-монголов, стр. 104.

⁸ Там же, стр. 153.

⁹ Там же, стр. 103.

к другу шейных позвонков! Дам выломать себе все ребра и разбросать их по ближним горам! Дам сломать себе позвоночник и разбросать позвонки по всем кочевьям!¹ Во многих бурят-монгольских былинах конь и герой взаимно дают клятвы: один — догнать противника, другой — метко стрелять.

Заканчивая характеристику коня, мы видим, таким образом, что роль его является одной из главных.

В высшей степени интересный персонаж представляет собою старик табунщик Аксагалдай. Интересен этот образ своей двойственностью: если табунщик Аксагалдай в былине „Эринцэн мэргэн“ выступает в роли старшего брата героя и его спасителя, то, наоборот, в былине „Дзалудай мэргэн“ он, запуганный мангусом, решается на измену своему господину и портит его вооружение. За это он впоследствии несет тяжкое наказание. Мы, вероятно, не ошибемся, если выскажем предположение, что в этом двойственном персонаже отразилась борьба раба со своим поработителем, что в Аксагалдае мы можем видеть раба, который в момент борьбы своего господина с противником восстает против своего владельца. Первоначально Аксагалдай был, вероятно, родовым рабом.

Кроме главных действующих лиц — героя и упомянутых персонажей — жены, сына-помощника, коня и т. д., в разных былинах играют роль различные второстепенные персонажи. Ряд таких второстепенных персонажей тоже выступает в роли помощников героя.

Очень часто упоминаемыми персонажами являются пастухи героя, уведенные в плен мангусом, или пастухи хана, руки дочери которого добивается герой.

Когда Богдо нойон Джагар хан под видом скверненького парнишки едет свататься за Оюн дагини, дочь Ирбистэ хана, он встречает его табунщика, который прогоняет его. Так же поступает с ним пастух быков. Лишь овчар угадывает, что он едет искать руки дочери хана и обходится с ним ласково, угощает его мясом и дает ему на прощанье разные советы. Этот же старик пастух овец соглашается впоследствии скакать на коне героя и выигрывает в его пользу состязание.² Большой теплотой отличается встреча Дзалудай мэргэна с его прежними пастухами, взятыми в плен мангусом. Первым попадает ему навстречу табунщик, который жалуется на мангуса и дает ему коня. Далее, он встречается с пастухом коров, который приветствует его. Насколько тепло встретили героя эти два пастуха, настолько холодно отнесся к нему овчар, даже не ответивший на его приветствие.³

Наконец, в былине „Баян Боролдзой хан“ рассказывается о том, как герой убивает мангуса и едет в его страну за его женами. Встречает он

¹ Поппе, цит. соч., стр. 37.

² Там же, стр. 98—100.

³ Жамцарано и Руднев, цит., соч., стр. ССLIX.

погонщика верблюдов, табунщика и пастуха овец. Все трое угощают его, а последний дает ему еще ряд советов.¹

Независимо от того, являются ли пастухи в прошлом пастухами героя, они, как правило, выступают в роли его помощников и персонажей, расположенных к нему. Иногда роль расположенного к герою старика играет и не пастух. Так напр., когда Ягандар ищет человека, который согласился бы скакать на состязаниях на его коне, ему дают мальчишку-банди какой-то бедняк старик и его престарелая жена.² Наконец, расположенный к герою старик иногда оказывается даже отшельником, как напр., в былине „Мани Бадар дзанги“, где Ашийн Цаган лама сообщает герою о попытке хана похитить его жену-лебедицу.³

Насколько герой встречает у других персонажей сочувственное отношение к себе, настолько мангусу никто не хочет помочь. Так, напр., в былине „Баян Боролдзой хан“ рассказывается о том, как герой победил мангуса и поехал к его двум женам, которые говорят ему, куда пошел мангус.⁴ Точно также указывает путь Эринцэн мэргэну жена Хара Хула хана — Цэцэн Гилатай хатан, от которой герой узнает и об опасном беркуте и о страшных собаках. Интересно, что, сообщая герою все нужные ему сведения, жена Хара Хула хана в то же время горько плачет по своему муже, которого герой собирается убить.⁵

Роль помощника героя иногда играет какое-нибудь благодарное ему животное, как напр., в былине „Баян Боролдзой хан“, в которой большую роль играет лиса, хитростью добывающая зверей, требуемых небожителем Хурмустою. Делает она это из чувства благодарности за то, что герой ее накормил.⁶

Нами была записана одна сказка, представляющая собой близкий вариант эпизода с лисой. Разница заключается лишь в том, что лиса оказала эту услугу из благодарности за то, что была спасена от охотников.⁷

Такая же лиса оказывается помощницей героини сказки *Sonin ceceg*, не объясняящей, однако, поступка лисы, так как героиня ничего хорошего для нее не сделала. В связи с этим укажем, что мотив благодарности животных является весьма распространенным и представляет собою очень существенную составную часть многих сказок вроде сказки *Undesenī Boro хū*, где видную роль играет лиса,⁸ сказки *Tam Burmaэ хān*,

¹ Поппе, цит. соч., стр. 139 и сл.

² Там же, стр. 153; ср. Бамбаев, цит. соч., стр. 63.

³ Поппе, цит. соч., стр. 132.

⁴ Там же, стр. 142.

⁵ Там же, стр. 86—87.

⁶ Там же, стр. 142.

⁷ Там же, стр. 25 и сл.; ср. близкий вариант, записанный Бамбаевым: цит. соч., с тр. 72 и сл.

⁸ Поппе, цит. соч., стр. 25 и сл.

в которой говорится о благодарности дракона, землероек, кузнечиков и муравьев.¹

Наконец, роль помощника героя иногда играет маленькая старушка-шабаганца величиною с палец, живущая в юрте величиною с чашку, как напр., в былине „Дзалудай мэргэн“. Старушка эта оказывается гадательницей птицы гаруды и сообщает герою, как попасть в страну гаруды и какое место на теле гаруды является наиболее уязвимым. Когда герой выполняет все свои задачи и на обратном пути снова заезжает к старушке, она дает ему советы и делает предостережение насчет его свояков, замышляющих недоброе.²

Интересно, что в записанном нами цонгольско-бурятском варианте этой былины шабаганцей является сама птица гаруда, добровольно отдающая герою несколько своих перьев из благодарности за то, что тот спас ее детей от громадного змея, ежедневно пожиравшего одного из них.³ Таким образом, и в этом случае мы имеем дело с благодарным герою животным. Что касается былины „Дзалудай мэргэн“, то в ней отсутствует эпизод спасения птенцов гаруды и кроме того, по ходу ее действия герой убивает гаруду и берет ее крылья, в то время как в цонгольском варианте она добровольно отдает ему свои перья. В результате всех этих изменений первоначального сюжета оказалось необходимым введение нового персонажа — гадательницы-шабаганцы, которая первоначально фактически и является гарудой, в этой былине раздвоившейся на добрую шабаганцу, помощницу героя, и убиваемую им по указаниям шабаганцы гаруду.

Из второстепенных персонажей былин, существенной роли не играющих и на судьбу героя не имеющих влияния, следует в первую очередь упомянуть разных случайных встречных, попадающихся герою, едущему в страну мангуса или за красавицей-царевной, руки которой герой добивается. Так напр., следует упомянуть трех добрых молодых и трех красивых девиц, ведущих разговор насчет того, кто самый красивый на свете мужчина и кто самая прекрасная во всем мире царевна.⁴

Далее, можно указать на богатырей, оживленных Богдо нойон Джагар ханом, кости которых вместе с конскими костями он видит по пути следования за небесными соловыми скакунами, которыми он должен отдать калым своему тестю Ирбистэ хану за царевну Оюн дагини. Оживив этих богатырей, герой едет дальше.⁵

Незначительна также роль богатырей, подчиненных герою былины. Так, напр., в былине „Богдо нойон Джанграй хан“ некоторую роль играют

¹ Поппе, цит. соч., стр. 27 и сл.

² Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. ССХII и сл.

³ Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака, стр. 128—129.

⁴ Напр., в былине „Богдо нойон Джагар хан“: Поппе, Произведения народной словесности халха-монголов, стр. 97.

⁵ Там же, стр. 103.

четыре богатыря героя, которых противник героя Хапхайн ху Хара Сойо захватывает и пытается каленым железом.¹

Незначительную роль играют также небожители. Из них в былинах упоминается только Хурмушта, роль которого сводится лишь к получению от героя калыма за выданную за него замуж дочь. Кроме того, на долю Хурмушты выпадает окончательное уничтожение мангуса, которого он поражает молнией.²

Переходим теперь к противнику героя. Как выше уже было сказано, в роли противника героя в былинах выступает хан или мангус. По поводу противника в образе хана напомним, что выше мы пришли к выводу, что этот образ был создан в период феодальных войн XIV — XVII столетий, в эпоху разложения центральной ханской власти, падения ее авторитета, в период, когда росли и усилились сепаратистские стремления местных феодалов. Далее мы указываем, что образ злодея-хана, отрицательного, враждебного герою персонажа, был создан народной, аратской средой, ибо халха-монгольский улигер бытовал не в ставках нойонов, но в юртах аратов. В конечном счете противник героя является не чем иным, как феодалом, враждебным герою, носящему тоже ряд черт феодала.

В роли противника выступает особенно часто мангус, многоголовое мифическое чудовище. Мангус рисуется с пятнадцатью, двадцатью пятью головами и т. д. Инициатива нападения всегда принадлежит ему. С другой стороны, победителем из борьбы выходит, в конце концов, всегда герой, а мангус погибает. Борьба между героем и мангусом носит все характерные признаки феодальной войны, и целью ее является захват подданных, скота и прочего имущества. Выше уже было сказано, что образ мангуса очень стар и восходит, может быть, еще к доклассовому обществу, но со временем он, если можно так выразиться, феодализовался: первоначально чудовище, злой дух, он со временем приобрел все признаки феодального владельца и по существу не отличается от таких противников героя, как хан Хаш Хара и т. п. Что касается значения имени мангус (халх. *mangas*, бур. Аларск. *māṅgadxai*, письм.-монг. *maṅγus*), то теперь оно иного значения как „злой дух“ не имеет. В „Сокровенном сказании“ слово *maṅγus* засвидетельствовано в значении „большой змей“. В том месте, где рассказывается о том, как мать Чингис хана делала упреки ему и его брату Хасару за убийство брата, ей приписываются такие слова:

*a'ūri'ān darun yadaqu ārsalan metū
amidu jalgisu ke'ekū māṅγus metū
se'ūdertür'ēn dobtulqu šinḡor metū
semi'er jalgiqu čuraqai metū!*³

¹ Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. CXLV.

² Поппе, цит. соч., стр. 142, 144; ср. еще Бамбаев, цит. соч., стр. 74.

³ А. Позднеев. Транскрипция палеографического текста „Юань-чао-ми-ши“, стр. 41; ср. E. Haenisch. Untersuchungen über das Yüan-ch'ao pi-shi, die geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig, 1931, стр. 16.

Палладий переводит это место следующим образом: „Вы, что собаки, пожирающие место; лютые звери, бросающиеся на скалу; львы, кипящие неукротимым гневом; удавы, глотающие добычу живьем; соколы, бросающиеся на тень; большие рыбы, пожирающие молча“.¹

Таким образом, для *тагус* дается здесь значение „удав“ или, как переводит Е. Наенisch, „исполинский змей.“² Возможно, что с образом мангуса-змея слились также воспоминания о племени мангут, враждебном Чингис хану, выступавшем против него в союзе с тайджиутами.³

В заключение о мангусе укажем еще раз, что он выступает в роли противника героя особенно часто. Выше мы высказали уже мнение, что этот образ обязан своим распространением, в значительной части, народной среде, в которой развивался героический эпос.

Кроме главного противника в былинах играют большую роль второстепенные противники героя. Таковым является, напр., в былине „Эринцэн мэргэн“ Хара Хула хан, к которому отправляется герой, посланный к нему за чудесным скакуном своим тестем Хаш Хара ханом, надеявшимся таким путем погубить своего зятя, которого иными средствами он победить не мог. В былине „Лучший из мужей Дзалудай мэргэн“ большую роль играют свояки героя, мужа шести старших дочерей Баджин Дава цэцэн хана, которые должны пригнать похищенных гарудой коней, убить гаруду и принести в качестве доказательства того, что это им удалось, ее крылья. Так как своякам героя это не удастся, а он сам возвращается после успешного выполнения всех поручений, они стараются из зависти убить его. Но подобно тому, как герой в конечном счете всегда выходит победителем из борьбы с главным противником, ему точно также удастся покончить и с второстепенными врагами.

Жена или жены мангуса, привезенные им в качестве военной добычи, всегда помогают герою в его борьбе с противником, примером чего может служить отношение к Баян Боролдой хану обеих жен двадцатипятиголового мангуса Хотогор Хара, угостивших героя и сообщивших ему, куда пошел мангус.⁴ Что же касается, наоборот, исконной, если можно так выразиться, жены мангуса, то таковой является такое же демоническое существо, как и мангус. Обычно эта жена мангуса изображается как женщина высокого роста и белого цвета, одна грудь которой перекинута у нее через плечо, а другая лежит на золе у очага. В руках она держит железную кожемялку. Так описывается, напр., жена пятнадцатиголового мангуса Атагар Хара, противника героя былины „Амар Джаргал хан“.⁵ Бывают и иные описания жены мангуса: так напр., жена мангуса в былине „Агула

Тр. чл. Росс. дух. мисс. в Пекине, т. IV, стр. 39—40.

² Наенisch, цит. соч., стр. 39.

³ Об этом племени см. И. Н. Березин. Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина. Введение. СПб., 1858, стр. 189.

⁴ Поппе, цит. соч., стр. 141.

⁵ Там же, стр. 40.

хан“ изображается величиною с паука.¹ Если демонический противник героя носит название мангуса, то жена последнего носит название шолмо, как напр., Сэнсэн`Дугур шолмо, жена Сальхини Эле Хара мангуса в былине „Энхэ Болот хан“.²

Иногда появляется на сцене мать демонического противника героя, такая же шолмо, как его жена, напр., в былине „Абай Хэлэн Галдзу батар“, являющейся вариантом упомянутой былины „Энхэ Болот“.³

Наконец, среди персонажей былин встречается довольно много таких, которые почти никакой роли не играют, вроде гадателя Хаш Хара хана в былине „Эринцэн мэргэн“, или такого же гадателя в былине „Мани Бадар дзанги“. Некоторые персонажи упоминаются лишь по имени и в действии былины вообще не участвуют, не являясь даже статистами, как напр., сановник Аля Дошкин нойон, „главный из подданных“ Амар Джаргал хана.⁴

¹ Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. ХСІХ.

² Porre, Zum khalkhamongolischen Heldenepos, стр. 192.

³ Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. LXXIX.

⁴ Поппе, Произведения народной словесности халха-монголов, стр. 32.

dajin xānīg balčir baixada
xanğaiᅇ modīg zulžaga baixada
xataᅇ xarīg unaga baixada

galin tūjāg ulairči baixada
gazarin xōbōg šarlaži baixada
manai galbin exinde
maidarin galbin tūxende
dewün-garin üjede
dewāžinᅇ orondo...

И малым был ребенком Даян хан,
 Когда росточком был хангайский лес,
 И Хатан вороной был жеребенком
 малым,

Когда зардел впервые луч огня,
 И пожелтела кромка земляная,
 В начале этой нашей калпы,
 В предначертаньях калпы Майдари,
 Во время будды Дипанкары,
 В Деваджине, стране богов...¹

Таково же начало улигеров „Абай Хэлэн Галдзу батар“² и „Богдо нойон Джанграй хан“³ с тою лишь разницей, что они значительно короче и менее полны. При сравнении с приведенным началом былины „Энхэ Болот хан“ начало этих двух улигеров состоит сплошь из тех же строк, причем многие из строк приведенного отрывка в начале этих двух улигеров просто отсутствуют. Лишь в былине „Абай Хэлэн Галдзу батар“ мы находим две новые строки, которых нет в приведенном отрывке, а именно:

xaisaᅇ xarin unaga baixada
xataᅇ xarin xūxen baixada

„Когда был жеребенком Хайсан вороной,
 И был ребенком Хатан Хара“.

Что касается второго типа начала былин, то от первого типа он отличается, как сказано, большей краткостью, точнее, отсутствием строк с упоминанием о четырех морях, о реках Керулуне и Туле, о горах Кентея, о Далай ламе, Даян хане и т. д.

Образчиком этого типа является начало улигеров „Амар Джаргал хан“ (А)⁴ и „Богдо нойон Джагар хан“ (В).⁵

А
erte urda cagta

nara sara garči
nabči saji urgaži
sara saji mandaxi
šaxin saji delgerči

В
erte urda sain cagta
sain cagin exinde

sara saji mandaxada
šaxin saji delgerxede

¹ Наши переводы, отрывки которых приводятся здесь и дальше, сделаны без соблюдения размера подлинника.

² Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. LXVII и сл.

³ Там же, стр. СХХIII и сл.

⁴ Поппе, цит. соч., стр. 31 и сл.

⁵ Там же, стр. 94.

dēgūn-bārīn ūjede
dewāḷiṅgīn namtarta
manai galbīn exinde
maidarīn galbīn tūxende...

manai galbīn exinde
manḷu xānai tūxende
enel galbīn exinde
ertīn xānai tūxende...

А

„Во время прежнее, давно
 Луна и солнце восходили,
 И только листья вырастали,
 И месяц только что восходил,
 Впервые вера утверждалась,
 В период будды Дипанкара,
 В повествовании о рае Деваджин,
 В начале этой нашей калпы,
 В предначертаньях калпы Май-
 дари...“

В

„Во время прежнее благое,
 В начале времени прекрасна,
 Когда всходила только-что луна,
 Когда впервые вера утверждалась,
 В начале этой нашей калпы,
 В летописях манджуров хана,
 В начале этой нашей калпы,
 В летописях царя былых времен...“

Сокращение отдельных моментов может быть еще бóльшим, и в конце концов от этого вступления ничего не остается. Так напр., начало улигеров „Баян Боролдзой хан“ (А)¹ и „Ягандар“ (В)² состоит всего из трех строк:

А

urda saiṅ cagta
dewāngarīn sūlde
dewāḷiṅgīn tūrūnde...

В

erte urda saiṅ cagta
miṅgan burxanī tūrūnde
erīn saiṅ jagāndar geḷi baiba genē.

А

„В прежнее благое время,
 В конце эпохи Дипанкара,
 В начале самом Деваджин...“

В

„Во время прежнее благое,
 В начале калпы тысяч будд³
 Был лучший из мужей Ягандар мэргэн“.

Наконец, вступление к улигеру „Эринцэн мэргэн“ состоит всего лишь из одной строки: *erte urda negen saiṅ cagta genē* „Однажды, в прежнее благое время, бают...“⁴

Таким образом, мы видим, что путем все большего сокращения в результате утраты одной строки за другой, вступительная часть улигера

¹ Поппе, цит. соч., стр. 134.

² Там же, стр. 144.

³ *Bhadrakalpa*.

⁴ Поппе, цит. соч., стр. 58.

может дойти до одной строки и даже совсем исчезнуть, как мы это видим в улигере „Дзалудай мэргэн“, начинающемся словами:

erīn saiṅ zalū dai mergen
ara xorgolṣi nutagtai

„Лучший из мужей Дзалудай мэргэн
Имел кочевьем Ара Хоргольджи“.¹

Интересно также отметить, что ряд строк вступительной части оказался уже непонятным современным арадам, сильно исказившим их, в результате чего они утратили смысл. Так напр., строка „в начале самом Деваджин“ улигера „Баян Боролдзой хан“ бессмысленна, ибо слово *Деваджин* выражает не временное, но пространственное понятие и является тибетским эквивалентом санскритского наименования рая *Sukhāvati*.

Такой же штампованный характер, как вступительная часть улигера, носит всегда непосредственно следующее за ней описание местожительства и дворца героя. Различные описания его представляют собою тоже лишь разные варианты одного и того же.

В былине „Амар Джаргал хан“ дается следующего рода описание дворца героя:²

ōndōr ṣargal ūlīn
ōbōrtō baigūlsan
eser ṣūgīn sūmetei.
ābīn ūjede baigūlsan
asar ṣūgīn sūmetei.
gadāda dōrbōn ōncōgtōn
gardi šubū debūlsen
dotōdo dōrbōn ōncōgtōn
togos šubū ṣagsāsan.
cadil mōngōn dēbertei
calin mōngōn tūragtai
šīṣir altan bagantai
šūren erdeni tōnotoi
šilen erdeni cōṅxotoi
tīme saixan ōrgōtei jimsanṣi genē.
urda urda xālgandan
ulān lūgīn ṣagsāsan
urda ṣūgīn amītan
ūzexe tustmā gaixamšigtai

„Храмом владел он Эсруа дзу
На склоне южном высокой горы.
Храмом владел он Асури дзу,
Выстроен был он в век их отца.
Птицы гаруды махали крылами
Внешних на всех четырех сторонах.
Птицы павлины расставлены были
В каждом углу, а их было четыре.
Крышу имел он чеканную из серебра.
Гладким серебром обшит был дворец.
Злата червонного были колонны,
Круг дымовой коралла драгого,
Окна же были все из стекла.
Столь прекрасным владел он дворцом.
К южным дверям был приставлен
дракон,
Алый он был, и диву давались при
виде его
Южных стран существа.

¹ Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. CLXXXVI.

² Поппе, цит. соч., стр. 32.

jimsanḻi baina genē.
barūn talin xālganda
bar gardig ḻagsāsan
bar gardin sūlnēs
badmīn tarnig bisalgasan
baga jixe amitan
ūḻexe tusmā gaixamšigtai
jimsanḻi baina.
xoito ḻūgīn xālganda
xonšim bodisadwīg ḻagsāsan
xotol gūrnī amitan
ūḻexe tusmā gaixamšigtai
jimsanḻi baina.
ḻūn talin xālganda
ḻūr gurīg ḻagsāsan
ḻūr gurin sūlende
ḻūrxīn tarnig bisalgasan
ḻūg būrin amitan
ūḻexe tūsmā gaixamšigtai
jimsanḻi baina.

У правых дверей, обращенных на
 запад,
 Тигр стоял, с ним птица гаруда.
 Лотуса тарни там созерцали:
 Были они у них на хвостах.
 Мал и велик, все твари живые
 Диву давались при виде сего.
 Около северной двери Хоншим
 бодисатва.
 Твари живые всего государства
 Диву давались при виде его.
 К левым дверям, на восток
 обращенным,
 Был приставлен гуран, вместе
 с сайгою.
 Таинства-тарни у них на хвостах
 Твари всех стран созерцали.
 Чуду дивились они при виде того“.

Очень близким вариантом этого описания является описание дворца героя былины „Абай Хэлэн Галдзу батар“,¹ совпадающее с приведенным даже в некоторых очень мелких подробностях, как напр., перечисление всех дверей, в которых стояли те или иные существа, на которых были начертаны тарни, т. е. таинственные магические формулы, служившие предметом созерцания всех людей.

Это второе описание имеет также много общего с описанием, данным в былине „Энхэ Болот хан“, напр., упоминание о стоявших во дворце чудовищах, назначение которых было хватать и пожирать шолмосов.²

К общим для почти всех улигеров местам можно отнести также описание сборов героя в путь, в первую очередь описание его оружия и доспехов. Вот в каких выражениях описываются приготовления героя к отъезду в улигере „Амар Джаргал хан“:

„Он положил на коня свой потник,
 Белый и тонкий, который соткали
 Восемь десятков людей, и седло,
 Черное как наковальня, которое
 Сорок людей по частям создавали.
 Младшей сестрицей сделаны были подпруги,

¹ Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. LXVIII и сл.

² Poppe, Zum khalkhamongolischen Heldenepos, стр. 195.

Темного шелка были они,
 Их под брюхом коня затянул он,
 Он их тянул целый месяц и год,
 Так что они совсем растянулись.
 Он их тянул и думал при этом
 Восемь десятков годов, так что пристали они.
 Младшей сестрицей, искусной, умелой,
 Сделаны были подпруги красного шелка.
 Он подтянул их в конских цахах,
 Он их тянул и думал при этом
 Целый месяц и год, так что они растянулись.
 Он их тянул и думал при этом
 Восемь десятков годов, так что пристали они“.

Чтобы не загромождать работу отрывками улигеров, ограничимся указанием лишь наиболее характерных особенностей одежды и вооружения героя.

Седло героя описывается следующим образом: оно черное как наковальня,¹ в других случаях — золотое и величиною с хангайский перевал,² стоимостью в 1000 лан.³ Подхвостный ремень седла стоимостью в сто лан,⁴ кнут — в семьдесят лан.⁵

О луке и стрелах героя говорится, что они изготовлены из рогов семидесяти изюбрей. Лук описывается также как „пестрый и пегий“, изготовленный из рогов 90 изюбрей.⁶ Особенно часто встречается следующее описание лука и стрел:

„Он прицепил свой пестрый пегий лук с стрелами;
 Изготавливая их, не расщепляли дерева Хангая,
 Не вырывали перьев у царя-гаруды,
 Изготавливая их, не расщепляли дерева высока
 И сделали их сплошь из сухожилий серого изюбря“.⁷

Наконец, приведем описание лука и стрел из улигера „Эринцэн мэр-гэн“, даваемое нами в дословном прозаическом переводе:

„Взял он и вертел звонкие белые стрелы, сделанные из сиротливо росшего на южном склоне высокой горы куста кизильника, утратившие свою негибкость в сырой денек и выпрямившие свою кривизну в мокрый

¹ Амар Джаргал хан. См. Поппе, цит. соч., стр. 34.

² Энхэ Болот хан. См. Рорре, цит. соч., стр. 190.

³ Эринцэн мэргэн. См. Поппе, цит. соч., стр. 68.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Рорре, цит. соч., стр. 190.

⁷ Там же.

денек. Взял он и натянул геройский желто-пестрый лук, сделанный таким образом, что на внутренней поверхности его бились коршун и беркут“.¹

Переходим теперь к описанию одежды героя. В качестве примера такого приводим соответствующее место опять-таки из улигера „Эринцэн мэргэн“:

„Он взял и надел свою шелковую шубу с семьюдесятью двумя пуговицами и обул на ноги сапоги из жесткой шагрени с семьюдесятью одним орнаментным завитком. Он опоясался, свернув трижды три шубных отреза шелка и надел черную, с круглой тульей, шапку, сшитую из спинок тридцати соболей“.²

Описание коня героя встречается значительно реже. Из записанных нами улигеров более или менее подробное описание коня дается лишь в улигере „Энхэ Болот хан“:

„Ара Хупчи — так зовут коня.
Ходит он средь множества коней.
Ими полны теневые склоны гор.
У него глаза как чаши,
Ноздри — словно пади скал,
Пасть — как темное ущелье,
Рот величиной с овраг,
Шестьдесят и два клыка.
Тело так длинно, что сутки
Ехать можно по нему.
Уши с сотню четвертей.
С толстым и красивым крупом.
Губы — пламенного серебра,
Зубы — серебро и яшма,
Габала³ ему служила головой.
Небо — полый драгоценный камень,
Между ребер нет щелей,
Кость стегна без сочленений,
На суставах надписи,
В надписях тех были буквы.
Он имел копыта стали драгоценной,
Он имел бока из яшмы дорогой,
Гриву красного маржана,
Хвост имел он из жемчужин,
Грудь как падь Туруйн хундуй,
Брюхо он имел как падь Тухума,

¹ Поппе, цит. соч., стр. 69.

² Там же.

³ Габала — черепная кость, оправленная в серебро, служащая чашей.

Девять знал он языков,
 Всякого ума он преисполнен,
 Твой язык он тоже понимал,
 Войско вражеское мог он задержать,
 Каменное сердце было у него —
 Конь соловый честный и прямой“.

Встречаются в улигерах также описания самого героя. До мельчайших подробностей совпадающее описание героя мы находим в улигерах „Энхе Болот хан“ и „Абай Хэлэн Галдзу“, представляющих собою варианты одного и того же произведения. Приводим оба варианта этого описания¹ и, имея целью показать большие совпадения ряда мест их, сопровождаем их дословным переводом, так как литературно обработанный перевод неизбежно будет страдать мелкими неточностями, в результате которых поставленная нами цель достигнута не будет.

А

garxadān gabaltai
gai udxadān durtai
tōrxōdōn tōbōgtei
tōbōg udxadān durtai.
xagacaraḻi xugacaraḻi bolxo ūgei
xorin dabxar xuixatai
xemxereḻi xamxaraḻi bolxo ūgei
xeden dabxar jasatai.
erxīdēn erdemtei
ere čadal jixetei
n'ūrindān galtai
nūdendēn cogtoi
oroini budan-ijēr tōrsōn
onco šilen galḻū batar.

А

„При появлении своем на свет он имел габалу и любил все, что имеет опасный смысл.

При рождении он причинил беспокойство и любил все, что имело беспокойный смысл.

Он имел кожу на голове в двадцать слоев, которая не могла ни оторваться, ни разорваться.

В

tōrxōdōn tūxetei
tūidxer abxadān durtai
garxadān gaixamšigtai
gabala abxadān durtai.
xagacaraḻi xegzereḻi unaxa ūgei
xorin dabxar jasatai
xaltarči jaltarči unaxa ūgei
xorin dabxar xuixatai...

В

„При рождении он имел предсказание и любил устранять препятствия.

При появлении своем на свет он был удивителен и любил снимать черепа.

Он имел двадцать двойных костей, которые не отделятся и не свалятся.

¹ Знаком А обозначаем улигер „Энхэ Болот хан“, знаком В — улигер „Абай Хэлэн Галдзу батар“. См. Рорре, цит. соч., стр. 189; Жамцарано и Руднев, цит. соч., стр. LXVII.

Он имел сколько-то двойных костей, которые не могли ни сломаться, ни раздробиться.

Он обладал достоинствами в большом пальце, обладал многими мужскими способностями, был с огнем в лице и с блеском в глазах, рожденный туманом вершин — исключительный Шилэн Галдзу батар“.

Он имел головную кожу в двадцать слоев, которая не отделится и не свалится“.

Нас завело бы слишком далеко рассмотрение всех или хотя бы значительного количества мест улигеров, содержащих описания чего-либо. Очень подробный анализ таких мест должен быть, на наш взгляд, предметом частных исследований.

Различные улигеры, имея много общего между собой и с этой стороны, все же совпадают не полностью друг с другом, и описания, напр., дворца или оружия героя тоже отличаются друг от друга, правда, в незначительной степени. Поэтому мы считали бы правильным подвергнуть детальному исследованию описание дворца, оружия, коня и т. д. в специальных статьях: одну посвятить описанию дворца, другую — описанию оружия и т. д. Такой путь оправдывается, на наш взгляд, не только обилием халха-монгольского материала, но необходимостью придать таким исследованиям сравнительный характер — имеем в виду, конечно, сравнительное изучение таких описаний с таковыми бурят-монгольских и ойратских улигеров, а впоследствии также эпических произведений других монгольских, и даже не монгольских, напр., тюркских народов.

Дать подробное изучение всего этого здесь мы не можем, ибо это одно составило бы довольно крупное исследование. Пройти, однако, совсем мимо этих вопросов и не уделить им никакого внимания мы тоже не можем. В виду того, что особенно большое значение для нас имеют вопросы сравнительного изучения улигеров халха-монголов и других монгольских народностей, мы позволим себе здесь остановиться именно на вопросе о том, что общего имеют между собой улигеры разных монгольских народностей в отношении описаний предметов, играющих в них роль. При этом ограничим заранее свое исследование изучением описания дворца героя. С этой целью мы обратимся к рассмотрению описания дворца, каким он изображается в двух наиболее замечательных ойратских эпосах — „Дайни Кюрль“ и „Бум Эрдэни“. Пользуемся при этом переводом Б. Я. Владимирцова.

„А далее“, говорится в первой из названных двух эпосей, „у затона целительного великого моря Мэргэн (Мудрое), на полуденном склоне львиного Кёк Гюйдль хангая, посередине обширной желтой равнины возвышается огромный белый храм-собор, поднимаются тьмы монастыр-

ских храмов. На северо-запад же от них утвердился золотой желтый субурган с восемьюдесятью восемью лестницами, похитивший у солнца его блеск-лучи. Это и был ханский дворец“.¹

Значительно более подробно описывается дворец в эпосе „Бум Эрдэни“, причем интересно отметить в отношении этого описания следующее: в то время как в только-что приведенном описании дворец отождествляется с храмом, здесь говорится о дворце, отдельном от храма или, вернее, от целого монастыря.

„На южном скате черной краевой горы, на северном скате черной закрайной горы, на широкой желтой равнине, на берегу целительного вещего моря возвышается огромный белый храм-собор; на его вершине блистают золотые и серебряные ганджиры. Сверкают крутые крыши хрустальных прекрасных храмов, разносится запах курительных свечей шинкам-гунчиб; сияют крутые крыши прекрасных сандаловых храмов, и разносится благовонный запах курительных свечей замлин-гунчиб. Эти храмы, этот скит-монастырь высоко-могучие воздвигли, а благословили их бодисатвы десяти сторон. Если посмотрит на них чистый человек осмысленно, то покажутся ему градом-городом Майдари бурхана, а коль посмотрит простой человек, да не подумавши, то покажется ему, что на них потрачены труды, которых невозможно совершить, что они произведения искусства, которого невозможно изобрести, чудо, которое невозможно восхвалить, они крепки так, что не обветшают и не обрушатся, они стойки так, что никогда не разрушатся и не упадут. И много, много, говорят, было таких прекрасных храмов!“² Пропуская описание обрядов и служений, совершаемых в этом монастыре, переходим к дальнейшему описанию палат настоятеля и дворца.

„Возвышаются палаты старшего, славного ламы, поднимаются палаты иноков, которых так много, что счет им потеряли. Такова-то утвердилась, говорят, вера! Посреди прекрасного царства-государства, по северной стороне от главного храма, воздвигнут был, говорят, ханский дворец, его семидесятиэтажный золотой желтый терем с восемьюдесятью восемью лесенками, главой своей смыкался с небесными белыми тучами“.³

Много общего с этими описаниями дворца имеют описания его в бурятских эпосах. Что следует особо отметить, это большое сходство их с описаниями дворцов в эпических произведениях западных бурят. Несмотря на довольно глубокие различия в экономике и культуре западных бурят, оседлых или, в прошлом, полуоседлых, земледельцев и скотоводов, и халха-монголов и ойратов, кочевых скотоводов, сходство в описаниях дворца в эпосах этих народностей очень велико. При этом интересно отметить то обстоятельство, что западно-бурятские эпические произведе-

¹ Владимирцов, Монголо-ойратский героический эпос, стр. 105.

² Там же, стр. 57.

³ Там же, стр. 58.

ния в этом отношении обнаруживают особенно большую близость к ойратским эпopeям, что находит свое объяснение в происхождении части западных бурят, напр., аларских, явившихся в ныне обитаемые ими места из северо-западной Монголии.

„Прямо на юго-восточной стороне, на желтой равнине Шамшин, на прекрасной желтой лужайке, у низовьев впадающей реки, у верховьев выходящей пади, на берегу великого черного моря стоял дворец, нижней своей большой стороной покрывавший обширную мать-землю, верхней своей большой стороной прижавшийся к млечному пути, с тридцатью тремя углами, с тремя тысячами окон, с подслушивателями у каждого окна, с дозором у каждой двери. Задние стены его были облицованы золотом, передние стены были облицованы серебром. Он имел бронзово-серебряные полы, порог из чеканного серебра, двери из перламутрового серебра, крыльцо из серебра с подпорками, на котором десять тысяч человек могли толкаться и бегать взапуски. Он имел крыльцо из чистого серебра, на котором тысяча человек могли бросать плеть и бегать взапуски. Он имел черную железную ограду, ребристые ворота из серебра, караул из казаков и солдат, валунную ограду, караул из сынов человеческих. Он имел коновязь из чистого серебра, снабженную тринадцатью ветвями, тринадцать базаров, двадцать пять соборов, дацаны с прекрасными перекладинами, оглашался чтением бурханов трех ликов“.

Это описание дворца, взятое нами из эпopeи „Еремей Богдо хан“,¹ интересно в том отношении, что обнаруживает обилие разных напластований, среди которых особенно обращают на себя внимание базары, соборы и крыльцо, представляющие собою поздние элементы, возникшие уже под русским влиянием.

Как правильно отметил Забанов, описание дворца героя западно-бурятских эпopeй обнаруживает сильное влияние со стороны архитектуры построек сибирских городов.²

Несмотря, однако, на эти новейшие напластования, и в описании дворца в западно-бурятской героической эпopeе можно открыть некоторое сходство с тем, что мы видели выше, а именно, что в основу описания дворца героя легло описание буддийского монастыря, храмы которого являлись в дореволюционной Монголии наиболее многочисленными архитектурными строениями: за исключением каменных или деревянных храмов и монашеских обителей в Монголии после-имперского периода из других построек встречались еще только замки феодалов, но господствующим типом жилища являлась юрта кочевника. Отсюда понятно, почему дворец героя в улигере приобрел все характерные черты монастыря или храма тибетско-китайской архитектуры, ибо иных типов построек, с которыми могло бы быть связано представление о дворце героя, почти не было.

¹ Н. Н. Поппе. Аларский говор. Ч. II. Л., 1931, стр. 111.

² М. Н. Забанов. Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов. Верхнеудинск, 1929, стр. 43.

Какие бы то ни были воспоминания о древних монгольских городах — Каракоруме, Барс Хото и т. п. — в более новые времена уже изгладились из памяти, и поэтому нам кажется сомнительным, чтобы в описании дворца можно было найти какие-нибудь воспоминания о дворцах Каракорума, как склонен допустить это Забанов.¹

Говоря о том, что дворец героя халха-монгольского улигера в отношении своей архитектуры в основном совпадает с буддийским храмом, следует все же отметить, что ему присущи многочисленные признаки также кочевой ставки монгольского феодала. Так напр., узнаем мы из улигера „Энхэ Болот хан“, очень характерной в этом отношении, что дворец имел дымовое отверстие из хрусталя и унины, т. е. кровельные жерди кочевой юрты, из змеиных костей.² Дворец героя улигера „Богдо нойон Джагар хан“ имел унины из красного сандала и дымовой круг из листьев лотуса.³

Все эти атрибуты — унины и дымовой круг — характерны как раз для юрты. Таким образом, если дворец героя халха-монгольского улигера в отношении своей архитектуры представляет собою в основном ни что иное, как храмовую постройку тибетской или китайской архитектуры, то все же следует отметить влияние на его архитектуру кочевой юрты. Дворец представляет собою некое скрещение буддийского храма и юрты.

В связи с этим позволим себе напомнить, что в Монголии существуют кочевые монастыри, хотя и очень немногочисленные. Описание одного такого кочевого монастыря дэрбэтского вана приводит Б. Я. Владимирцов,⁴ сообщающий о храмовых юртах, до известной степени напоминающих дворцы наших эпических героев, на основании чего мы приходим к выводу, что описываемый в халха-монгольском улигере дворец отнюдь не представляет собою исключительно плод фантазии творцов эпоса, но имеет некоторый прототип в живой действительности.

Мы не ставим своей целью изучение материальной культуры по данным улигера и уже указали, что это особый вопрос, разрешение которого представляет собой ряд частных проблем, оставляемых нами для будущего. Для нас совершенно ясно одно: улигеры халха-монголов, как и эпопеи ойратов и бурят-монголов, характеризуются многочисленными напластованиями разных эпох. По мере того, как развивалась материальная культура этих народностей, впитавшая в себя у одних элементы китайской и тибетской культуры, а у других — русской, описания дворца, равно как и одежды и других предметов материальной культуры, в наших эпических произведениях меняются и приобретают все новые признаки и осложняются все новыми деталями. Тем не менее и сейчас мы можем

¹ Цит. соч., стр. 42.

² Poppe, Zum khalkhamongolisahen Heldenepos, стр. 203.

³ Поппе, Образцы народной словесности халха-монголов, стр. 95.

⁴ Поездка к кобдоским дэрбэтам летом 1908 г. Изв. Русск. геогр. общ., т. XLVI, вып. VIII—X, 1910, стр. 329.

вскрыть общую для большинства из них основу, каковой является материальная культура феодального периода, точнее, эпохи манджурского господства, способствовавшего мощному развитию буддизма и расцвету материальной культуры духовного феодализма. И еще одно замечание: для нас не подлежит сомнению, что такие внешние моменты, как описания построек, одежды и т. д., являются наименее устойчивыми и наиболее подверженными новым влияниям, в то время как сюжеты улигеров и основной характер их сравнительно более консервативны. Это, конечно, не значит, что они не развивались и не знали никакого движения вперед: наоборот, выше нами было указано, что героический эпос не стоял на одном месте, но развивался, что на содержании его отражались такие события истории монголов, как феодальные войны минского периода и т. д. Но все же мы повторяем, что, сложившись со стороны содержания в том виде, в каком эпос халха-монголов дошел до нас, в период феодальных войн минской эпохи, он все время впитывал в себя все новые и новые элементы, особенно сильно отразившиеся на таких внешних сторонах, как на описании дворца, одежды и т. д. Это и понятно. Рассказывая о каком-нибудь герое древности, сказитель совершенно невольно изображает внешнюю обстановку, в которой тот совершает свои подвиги, в некотором соответствии с той обстановкой, к которой привык сам сказитель: говоря о дворце героя, сказитель в основу описания кладет свои представления о дворце, сложившиеся под влиянием виденных им в действительности и поразивших его зданий. Сказитель может внести много нового, вымышленного им, но полностью отрешиться от действительности он не может и, оставаясь, так сказать, в плену ее, он волей неволей создает образ, имеющий известный аналог в живой действительности. Отсюда он неизбежно вносит, в частности в описания, новые, субъективные элементы, грубо выражаясь, отсебятину, созданную им как дитятей своего времени. Так постепенно изменяются описания, тем в большей степени, чем быстрее и сильнее изменился за тот или другой период архитектурный стиль, покрой одежды и т. д. Что же касается сюжета, то здесь сказитель менее свободен: единственное, что он может сделать, это прибавить лишнее звено, увеличить количество туров, внести новый эпизод или, наоборот, сократить количество туров, выбросить тот или иной эпизод, с одной стороны, и изобразить противника героя или в виде хана или в виде мангуса, а самого героя превратить из хана или мэргэна в дзанги или в другой еще более демократический персонаж.

Прежде чем закончить настоящую главу, необходимо остановиться еще на одном моменте. Говоря об описаниях дворца, коня, оружия героя и т. д., мы установили известную трафаретность, стандартный характер их. Помимо этих трафаретных мест халха-монгольские былины изобилуют еще рядом почти дословно повторяющихся всюду мест, содержащих трафаретные разговоры разных действующих лиц, мест, рисующих совершенно одинаково различные второстепенные действия героя, как напр., курение

табака и т. п., словом, мест, имеющих второстепенное значение, которые без особых последствий для фабулы могли бы быть исключены из улигера.

Остановимся на некоторых таких „общих местах“.

Одним из наиболее распространенных второстепенных мест является сцена прощания коня героя со своими друзьями-конями, товарищами по табуну, предшествующая всегда описанию сборов героя в путь. Прощальные слова коня и напутствие, даваемое ему со стороны его товарищей, являются стандартными:

oloᠮ adūmin
òbòsnī sorīg idērei
usnī tuᠮgalagīg ūgārai!
xurca tūraiᠯ xurcadxārai
xurtai targāᠮ baigārai!

„Кони мои многочисленные!
Ешьте трав верхушечки,
Пейте водную прозрачность!
Копыта острые вострите,
Будьте тучны и холены!“

На эти слова коня товарищи его отвечают:

dainīg darād
darxaᠮ colo olōd
òstòniᠯ òrlōd
òrgòᠮ colo olōd
bòxòtòniᠯ bulād
bušū tūrgēᠮ bucaᠯi irērei!

„Врага победы,
Дарханство обрети!
Злобных истреби,
Знатность обрети!
Сильных зарой,
Скорей приходи домой!“¹

Выехав из дома, герой обычно не сразу встречается с противником. Этой встрече предшествует часто сцена отдыха героя в пути. Герой въезжает на вершину высокой горы и оттуда обзрывает окрестности „своими пегими глазами величиною с чашу“.² Затем он выкуривает трубку табака.

Курение описывается обычно в следующих выражениях:

gaᠮ bolod xetīg
ganca xojir zurᠵai.
galūᠮ хүᠵᠦᠮ gansa
ganca xojir togšijai.
galzū ulāᠮ tamixīg
negēᠮ xojir šibšīᠮ sūᠵai.
barūᠮ zabiᠵārā gargasaᠮ utāᠮ
barūᠮ urda tebīg bürxeᠵei.
ᠵᠦᠮ zabiᠵārā gargasaᠮ utāᠮ
ᠵᠦᠮ xoito tebīg
ᠵᠦᠮ dende ūgei boltor bürxeᠵei.

„Булатным огнивом
Чиркнул раз и два.
С гусиной шейкой трубку
Он вытряс раз и два.
Табак свирепый, красный
Он чмокнул раз и два.
Сидел, и выпущенный дым
Из рта угла из правого
Великий материк на юго-западе
Закрыл и заволок.
Сидел, и выпущенный дым
Из рта угла из левого
Восточно-северный великий материк
Так заволок, как не бывает и во сне“.

¹ Поппе, цит. соч., стр. 33—34.

² Там же, стр. 146.

За этим описанием иногда следует разговор существ, обитающих в странах, которые заволок этот дым, и в беспокойстве они стараются понять, что случилось. Одни думают, что началась война, другие полагают, что это является зловещим знаменем каких-нибудь других несчастий, но их успокаивают старики, разъясняя, что все обстоит благополучно и что это лишь дым от трубки героя.¹

Описание встречи героя с противником носит всегда трафаретный характер:

<i>šilendēn šiltei</i>	„С жилой в загровке,
<i>šilbindēn cōmōgtei</i>	С мозгом в костях,
<i>nūrindān galtai</i>	С пламенем в лице,
<i>nūdendēn cogtoi</i>	С блеском в глазах,
<i>buzagai xū čil</i>	Парень ты скверный,
<i>xen xūnī ūre bē?</i>	Чей ты потомок?
<i>xete nutag xāna bē?</i>	Где твоя родина дальняя?
<i>xen xānī albata bē?</i>	Подданный хана какого ты?
<i>xereg zorig xende bē?</i>	Дело имеешь к тому ты?“ ²

С такими словами обращается к герою противник. Такой же трафаретный характер носит и ответ героя.

Считая, что приведенных трафаретных мест, общих для почти всех улигеров халха-монголов, достаточно, напомним лишь вскользь сказанное в четвертой главе о том, что совершенно аналогичные им места являются характерными и для улигеров других монгольских народностей.

Так напр., сцена курения табака в бурятских эпосах описывается почти в тех же выражениях, что в халха-монгольских: „Из кисета величиною с рукав он полным-полно набил свою трубку величиною с берцовую кость красным листовым табаком. Он сидел и вращал вдаль пестрыми глазами. Острыми пестрыми глазами он вращал и смотрел вдаль, в ту сторону“.³ А в ойратских эпосах мы встречаем такие же напутствия коней, как вышеприведенные: „Пей чистоту вод, ешь тучность трав, скорей толстей, поправляйся!“⁴

Из всего сказанного в настоящей главе можно сделать тот же самый вывод, который нами уже был сделан.

Выше уже было показано, что халха-монгольский героический эпос имеет чрезвычайно много общего с героическим эпосом ойратов, бурят-монголов и внутренних монголов со стороны содержания.

Ядро эпических произведений как халха-монголов, так и ойратов и бурят и т. д., образует эпизод борьбы героя с противником, борьбы,

¹ Поппе, цит. соч., стр. 35.

² Там же, стр. 36.

³ Аларский говор, ч. II, стр. 113.

⁴ Владимирцов, Монголо-ойратский героический эпос, стр. 85.

носящей характер феодальной войны из-за подданных, скота и пастбищ. Мы пришли тогда к выводу, что героические эпические произведения этих народностей сложились в том виде, в каком они дошли до нас, в феодальный период, точнее, в эпоху феодальных войн, которыми характеризуется история Монголии минского и отчасти манджурского периода, т. е. XIV—XVII столетий. Героический эпос как халха-монгольский, так и других названных монгольских народностей обнаруживает одну и ту же стадию развития. Это со стороны содержания. Но то же самое мы можем сказать и о различных второстепенных моментах, которыми характеризуется эпос монгольских народностей. Это и понятно, ибо героический эпос развивался у всех них в тех же условиях. Нельзя забывать и того, что нынешние монгольские народности — халха-монголы, ойраты, буряты и внутренние монголы впитали в себя также ряд общих этнических элементов, как напр., халхаский элемент в составе бурят-монголов (цонголы, сартулы), ойратский элемент в составе западных бурят (аларцы) и т. д. Как мы увидим дальше, внешняя форма эпических произведений монгольских народностей является столь же единой, как и их содержание.

Глава VIII

ФОРМА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Современный халха-монгольский улигер представляет собою с внешней стороны произведение, в котором стихи чередуются с прозой. В подавляющем количестве записанных до сих пор улигеров мы находим многочисленные вставки в стихотворный текст значительных кусков прозы. Таковы, напр., опубликованные нами улигеры „Амар Джаргал хан“, „Лучший из мужей Эринцэн мэргэн“ и др., а также многие улигеры, записанные Ц. Ж. Жамцарано, как напр., „Богдо ноён Жанграй хан“, „Дзалудай мэргэн“ и т. д. Значительное преобладание у халха-монголов в настоящее время именно этого рода полустихотворных полупрозаических произведений может легко создать впечатление, что улигер по своему происхождению полупрозаическое произведение. Но это не так. Дело в том, что такого рода улигеры являются результатом известного разложения халха-монгольского героического эпоса, развивавшегося как уже было сказано выше, не в ставках феодалов, при которых содержались специалисты-рапсоды, облакавшие улигеры, независимо от того, был ли данный улигер продуктом творчества именно данного рапсода, в высокохудожественную форму, владевшие стихом и являвшиеся в полном смысле этого слова мастерами своего дела, как напр., знаменитый Парчен, имя которого вошло в историю монгольского эпоса благодаря Б. Я. Владимирцову. Мы знаем, что у халха-монголов таких профессионалов-рапсодов не было. Улигеры в Халхе не культивировались при ставках феодалов и были исключительно достоянием аратских масс, среди которых их исполняли сами араты, не специалисты этого дела. Были, конечно, среди аратов высокоодаренные певцы и лица, замечательно владевшие языком, выдающиеся поэты и художники в полном смысле этого слова: вспомним, что рапсоды при ханских ставках у ойратов, как правило были выходцами именно из аратской среды. Поэтому было бы неверно приписывать разложение улигера бездарности той среды, в которой он бытовал в Халхе. Дело не в бездарности — повторяем, многие лучшие рапсоды были именно аратами, — но в том, что эти же самые рапсоды в Халхе давно не имели заказчиков. Если раньше тот или иной рапсод специально приглашался в ставку феодала и существовал исполнением

улигеров, над повышением художественных качеств которых он неустанно работал, которые он тщательно обдумывал и облакал в стройную стихотворную форму, то впоследствии, когда эта требовательная клиентура отпала, и профессия рапсода, исполнителя улигеров, сказителю перестала что бы то ни было давать — будь то материальные блага или нравственное удовлетворение, — всякие стимулы к дальнейшему повышению качеств улигеров отпали. Араты не могли быть клиентурой-профессионала рапсода: причины были отчасти экономического характера, главные же причины этого кроются в наше время в недостаточном интересе к улигерам как к уже отжившему виду устного творчества. Среди халха-монголов в течение последних десятилетий гораздо большей популярностью, чем исполнители улигеров, пользовались рассказчики различных книжных повестей, в частности переводных китайских романов, а в связи с тем, что вообще в Халхе письменность была распространена в значительно большей степени, чем у некоторых соседних монгольских народностей, там пользовались большой популярностью различные литературные произведения, как напр., переводные китайские романы, индийские повести и т. д., совершенно недоступные, напр., западным бурятам, не имевшим до Октябрьской революции письменности. Китайские романы, индийские повести и т. п. были, в силу относительно слабого распространения письменности, мало доступны также ойратам. Наличие среди халха-монголов грамотеев и любителей чтения сильно повлияло на распространение в аратской среде разных устных версий книжных произведений типа *Vikramāditya*, Гэсэр хана и т. д., постепенно вытеснивших старый улигер, вернее, тормозяще повлиявших на его дальнейшее развитие. Если улигер еще не исчез, то он во всяком случае остановился в своем дальнейшем развитии, не только со стороны содержания, но и формы. Со стороны своего содержания улигер не мог развиваться: время для создания новых улигеров, воспевающих битвы героев с чудовищами-мангусами и т. п., прошло. Самый сюжет этих улигеров — борьба героя с враждебным ханом или многоголовым чудовищем-мангусом, — отражающий феодальные войны, не таков, чтобы мог развиваться в той совершенно новой обстановке, которую мы наблюдаем в Монголии в XVIII—XX столетиях. Выше мы видели, что новейшие изменения, которые претерпел улигер, выразились в известной демократизации, в замене героя-мэргэна народным персонажем — дзанги и т. п., но само содержание улигера сохранилось: фактически дело свелось к замене некоторых персонажей другими. Сюжет, как говорится, изжил себя, и улигер мог лишь законсервироваться. Что же касается внешней формы, то выше уже было сказано, что уход со сцены профессионалов-рапсодов решительным образом повлиял снижающим образом на художественную сторону улигера. В общем, с улигером случилось следующее: сперва он исполнялся специалистами-рапсодами, а когда рапсоды сошли со сцены, его носителями стали исключительно широкие аратские массы, в среде которых он законсервировался, подвергшись некоторой дальнейшей демократизации и, наконец,

перестал жить активной жизнью. Единственно что можно о нем сказать, это то, что он еще не забыт окончательно.

Вышесказанное объясняет нам, почему современные халха-монгольские улигеры не несут следов художественной обработки. Улигеры сильно сократились в объеме, и по сравнению с ойратскими или западнобурятскими эпосами, содержащими иногда до двадцати тысяч стихов, халхаские улигеры представляют собой лишь своего рода конспекты, сильные сокращения, в которых сохранены лишь самые основные моменты, а все остальное исчезло. Это уже не те улигеры, которые когда-то исполнялись, это какие-то пересказы, значительные части которых представляют собой краткую прозаическую передачу целых эпизодов, которые раньше занимали многие сотни и тысячи стихов. Доказать это утверждение, что халха-монгольские улигеры сократились, а не представляют собой, наоборот, недоразвитых первичных форм эпоса, нетрудно, ибо мы находим в них ряд таких мест, которые сами по себе мало понятны, так как некоторые предшествующие звенья утрачены. При этом можно заметить, что эти утраченные звенья иногда удается восстановить путем сопоставления нескольких улигеров.

Халха-монгольские улигеры вообще невелики, и если ойратские и бурятские эпосы достигают иногда двадцати тысяч стихов, то известные нам халха-монгольские не превышают и тысячи, что тоже является свидетельством изношенности халхаского эпоса. В связи с этим считаем необходимым сделать одно разъяснение, имея в виду, что настоящая книга может привлечь к себе внимание со стороны более широких кругов читателей, а именно, что из сказанного об упадке халха-монгольского эпоса отнюдь не следует делать выводов относительно халха-монгольского фольклора в целом, относительно художественной литературы халха-монголов и других сторон их культурного развития: речь идет ведь о разложении феодального эпоса, эпоса феодального общества, того общества, которое ныне уже не существует. Из сказанного о разложении феодального эпоса отнюдь не следует, что халха-монгольский фольклор в целом в художественном отношении стоит ниже устного творчества других монгольских народностей, и речь идет здесь лишь о том виде фольклора, который характерен для феодального общества и который обычно у всех народов начинает быстро исчезать после выхода данных народов из феодального состояния. И то, что халха-монгольский героический эпос разложился, является вполне закономерным. К этому состоянию пришел эпос у ряда других народов.

Итак, по форме своей улигеры в значительной своей части — произведения полупрозаические. Тем не менее сохранились некоторые очень небольшие улигеры, представляющие собою сплошь стихотворные произведения, напр., „Агула хан“¹ и „Энхэ Болот хан“.²

¹ Жамцарано в Руднев, цит. соч., стр. LXXXIV и сл.

² Рорре, Zum khalkhamongolischen Heldenepos, стр. 186 и сл.

senseṇ dūgūr šulmīg
coxigsōr bai ād alaži oḡbò genē.
ajṇḡḡḡ ca āṇ bulūg abād
ūšīg zūrḡēren morindō molcog xīgēd
maṇgasīṇ nutag-rū
ail baibal orōd
amitan baibal alād dabxiži jababa
genē.

„И бил он Сэнсэн Дугур Шулму
 И убил. И взял он палицу громовую,
 Из легких с сердцем сделал он коню
 Подвески к сбруе на груди.
 В кочевье мангуса поехал он затем,
 И если были юрты, он входил,
 А если люди были, он их убивал“.¹

Кроме аллитерации начальных слогов строк иногда наблюдается внутренняя аллитерация, т. е. аллитерация начальных слогов полустрок, как напр.:

garxadāṇ gabaltai
gai udxadāṇ durtai
tōrxōdōṇ tōbōḡtei
tōbōḡ udxadāṇ durtai

„На свет явился он с габалой,
 Любил он все, что беды предвещало,
 Родившись, причинял он беспокой-
 ство,
 Любил он все, что трудности таит
 в себе“.²

Таким образом, можно установить, что для стиха улигера характерной является аллитерация начальных слогов двух или нескольких смежных строк, а иногда и полустрок, часто чередующихся с одной или несколькими строками вне аллитерации. Говоря об аллитерации, следует указать, что аллитерируют не обязательно полностью совпадающие слоги: сплсшь да рядом аллитерирующие слоги строк могут содержать разные гласные и согласные. Прежде всего в расчет не идет долгота и краткость гласных, напр.:

zūṇ tō čixitei
zuzāṇ saixan zurātai

Из гласных эквивалентными в аллитерации являются *ō — ū*, *e — i*, напр.:

zūdērēṇ mededeg
zōṇḡōrōṇ tōrsōṇ.³
čini xeled medexe
ceregīṇ xōlīg tasalxa
čio čulūṇ zūrḡetei
cegce šarga moritoi.⁴

¹ Порре, стр. 193.

² Там же, цит. соч., стр. 189.

³ Там же, стр. 188.

⁴ Там же, стр. 190.

Дифтонги аллитерируют с гласными, эквивалентными первому компоненту их, напр., *ai* — *a*, *oi* — *o* и т. д.

Что касается согласных, то аллитерировать могут *c* — *č*, *s* — *š*, *č* — *š*, *ž* — *ž*, *x* — *g*, *t* — *d*. Примеров здесь приводить не будем, так как любой улигер изобилует ими. Попутно укажем, что в отношении аллитерации улигер не отличается от песен и других видов устной поэзии тех же халха-монголов, ойратов и бурят, и сказанное относительно неполного соответствия аллитерирующих слогов со стороны вокализма и консонантизма вполне соответствует тому, что уже было установлено в отношении песенной поэзии.¹ Все же разница между улигером и песней со стороны внешней формы существует: в то время как песни делятся на строфы, чаще всего состоящие из четырех строк, улигер делений на строфы не знает. Песни распадаются на ряд четверостиший, все четыре строки которых аллитерируют друг с другом согласно вышеприведенным правилам: первая строфа содержит четыре строки, начинающиеся, скажем, на слог *ха*, следующая строфа — четыре строки, начинающиеся на слог *са* и т. д., причем согласно сказанному выше, не все четыре строки первой строфы обязательно должны начинаться слогом *ха*, и одна из них может начинаться слогом *га* и т. д. Что же касается улигера, то он на четверостишия или какие-либо иные строфы не делится, и количество взаимно аллитерирующих строк может колебаться от двух до четырех, пяти и больше. В связи с этим следует указать, что деление на строфы песен вовсе не является исключительно формальным моментом, так как каждая строфа представляет собою не только определенное количество строк, начинающихся одинаковыми слогами, но выражает законченную мысль, напр.:

ūlanās ōndōr
ul'ās bainū?
učirsanāsmin il'ūxex
amarag bainū?

„Выше гор бывает тополь?
Есть ли милый друг получше,
Чем судьбою данный мне?“

xadanās ōndōr
xailas bainū?
xanilcasanāsmin il'ūxex
amarag bainū?

„Выше скал бывает вяз ли?
Есть ли милый друг получше,
Чем сдружившийся со мной?“

Как мы видели выше, такого деления на строфы, т. е. на отрезки определенных размеров с законченным внутренним содержанием, улигеры не знают.

Следующим, чрезвычайно важным, моментом является высоко развитый параллелизм, представляющий собой одну из наиболее характерных особенностей халха-монгольского улигера.

¹ А. Повднеев. Образцы народной литературы монгольских племен. СПб., 1880, стр. 326.

Сущность параллелизма заключается в том, что смежные аллитерирующие строки передают каждая в несколько различных выражениях одно и то же или очень близкие понятия. Иногда такие смежные строки передают по-разному одно и то же понятие и представляют собой в таком случае вариации одного и того же. Иногда в параллельных строках сопоставляются два близких друг другу понятия. Приведем несколько примеров. Так, про лягающего коня героя говорится:

dēšēn tēgrīn odo tōlon
aōšōn gazarīn ūndese tōlon bulg'žai.

„Лягал он вверх по счету звезд небесных,
Лягал он вниз по счету корешков земли“.¹

Охота героя на зверей рисуется в таких выражениях:

arīn gōrōsīg
argal xorgol boltol namnaba.
ō'ōrīn gōrōsīg
ōtōg būca boltol namnaba.

„Он так стрелял зверей на склонах северных горы,
Что кизяками делались они.
Он так стрелял зверей на южных склонах гор,
Что становились пылью стойбища они“.²

Смысл приведенных строк один: герой так стрелял, что звери рассыпались в кизяки и мелкую навозную пыль, остающуюся на тех местах, где долго стоит скот.

Такой же параллелизм заключается и в том месте, где говорится о том, как герой убил противника:

dalnai jasāran dalaḡ gurbax obō bosxobo
dabasantai šēsīn dalaī mete asxaba
boditoi sūnesī burxanī orondo zor'ūlba
bodi ūgei sūnesīn tamīn orondo čulūdaba.

„Он семьдесят и три обо поставил из лопаток,
Мочу соленую, как море он разлил,
В страну бурхана он направил душу,
Которой благодать суждена была,
И в адскую страну поверг он душу,
Которой благодать не суждена“.³

¹ Порре, Zum khalkhamongolischen Heldenepos, стр. 190.

² Там же, стр. 191.

³ Там же, стр. 201.

Смысл этого места тот, что герой отправил одну душу своего демонического противника к будде, а другую в ад.

Параллелизм часто соединяется с градацией: если в первом стихе содержится какое-нибудь число, то в следующем мы наблюдаем уже другое, большее число. Примером такой градации являются следующие строки, в которых описывается обилие скота героя:

maṅgūzīṅ golōr dūrseṅ
m'aṅgaṅ šara xalzaṅ xonitoi
tūṅxūzīṅ golōr dūrseṅ
tōmōṅ šara xalzaṅ xonitoi
 „Имел он тысячу овец с плешинной желтой,
 Заполнивших реки Мангудзы дол,
 Имел он тьму овец с плешинной желтой,
 Заполнивших реки Тунхудзы дол“.¹

О количестве вина, приготовленного для пира по случаю одержания победы над врагом, говорится следующее:

<i>arbaṅ xōxūr arza xurāzād</i>	„Мехов десяток ардзы набрали,
<i>xoriṅ xōxūr xorzo xurāgād</i>	Набрали двадцать мехов хордзы
<i>žaraṅ žiliṅ žargal xīgēd</i>	И предался радости на шестьдесят годов
<i>pojaṅ žiliṅ na'ir xīgēd</i>	И пир устроили на восемьдесят лет
<i>ajaxaṅ saixandāṅ oroži</i>	И приобщились радости и блага
<i>atarxaṅ saixandāṅ žargažai.</i>	И наслаждались в счастье и покое“. ²

Очень часто параллельные строки заключают в себе противоречивые данные относительно количества упоминаемых предметов, как это отчасти видно на приведенном примере: шестидесятилетняя радость — восьмидесятилетний пир. Другим еще более ярким примером является следующий:

<i>dalaṅ bugiṅ ebrēr daiṅ duiṅ xiṅseṅ</i>	„Развесистый и пегий лук —
<i>dargai alag num sumāṅ</i>	Составлен был он из рогов
<i>dalaṅ mōrōndēṅ agsaba gene.</i>	Семи десятков оленей —
<i>jireṅ bugiṅ ebrēr indīṅ xiṅseṅ</i>	Себе на плечи нацепил он.
<i>er'eṅ alag num sumāṅ agsaba gene.</i>	И пего-пестрый лук с стрелами —
	Едва хватило на него
	Рогов оленей девяноста —
	Привесил он...“

Все упомянутые особенности аллитерации и параллелизма являются общими как для халха-монгольских улигеров, так и для ойратских и бурят-

¹ Там же, стр. 188.

² Там же, стр. 201—202.

ских эпоей. Попутно отметим, что параллелизм монгольских эпических произведений оказывается полной аналогией к параллелизму, напр., западнофинского устного творчества: особенно обращает на себя внимание параллелизм с переменной чисел, что является чрезвычайно характерным, напр., для Калевалы.

Переходим теперь к размеру стиха улигера.

Вопрос о монгольском стихосложении является довольно трудным. Занимавшийся специально этим вопросом А. М. Позднеев в конце концов не пришел ни к каким выводам и заявил: „Законы меры монгольских стихотворений, если они и существуют, остаются для меня неопределенны“.¹

В настоящее время разрешение этого вопроса не представляет собой всех тех трудностей, которые испытывал Позднеев. Все же и теперь он решается не совсем просто.

Прежде всего следует указать, что основные трудности, стоявшие на пути Позднеева, заключались в неправильном понимании ударения в монгольских языках. Исходя из ложного утверждения, что ударение в монгольских языках приходится на последний слог, Позднеев устанавливает, что в силу этого обстоятельства монгольскому стихосложению могут быть присущи лишь два размера — ямб и анапест. Соответствующий анализ стихов, произведенный Позднеевым, опровергает, однако, этот вывод, ибо в рассмотренных им стихах одна строка состоит из ямбов, другая — анапест, а остальные обнаруживают беспорядочное смешение этих двух размеров, причем некоторые строки вообще, даже в отдельных частях своих, не подходят ни под размер ямба, ни под размер анапеста и представляют собой нечто вроде хорей или пеонов. Отсюда Позднеев пришел к выводу, что тоническое стихосложение языкам монголов совершенно не свойственно, а так как раньше он показал, что и законы метрического и силлабического стихосложения не применимы к монгольским языкам, ему не оставалось ничего другого, как заявить, что „ни один из известных нам способов стихосложения не может быть приложен к стихотворениям монголов“.²

В настоящее время является твердо установленным, что экспираторное, динамическое ударение в халха-монгольском языке, как и в других языках монгольской группы, приходится не на последний, но на первый слог, а на последнем слоге наблюдается лишь музыкальное ударение, причем ударение не стоит ни в какой связи с долготой или краткостью гласного. Отсюда ясно, что ни о ямбическом размере, ни об анапесте в отношении монгольского стихосложения не может быть речи, как вообще о всех тех размерах, в которых первый слог неударенный, типа анапеста, амфибрахия и т. д.

Имея это в виду, теперь можно установить, что монгольское, в частности халха-монгольское, стихосложение является вопреки Позднееву

¹ Позднеев, цит. соч., стр. 323.

² Там же.

тоническим. Лирические песни халха-монголов построены по принципу равноударного тонического стиха, с преобладанием хорей.¹ Встречаются трех-, четырех-, пяти- и семиударные стихи, причем количество слогов в стихе и чередование кратких и долгих слогов для стиха никакого значения не имеют, вследствие чего ни силлабическая, ни метрическая система здесь не применимы — единственное правильное, что установил в свое время Позднеев.²

Наконец, можно установить, что для халха-монгольского стихосложения характерно явление каталектики. И еще следует иметь в виду то обстоятельство, что стихосложение исходит из музыкальной основы. В частности, улигер не говорится, не декламируется, но поется, что отражается на стихе. Халха-монгольское стихосложение неразрывно связано с музыкой. Поэтому, если отвлечься от этого очень важного, решающего обстоятельства, стихосложение не может быть понято до конца.

В качестве примера приведем следующий отрывок из улигера „Энхэ Болот хан“:

<i>xentei xānīg cox'ō baixad</i>	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
<i>xerleṅ tūlīg šalbāg baixad</i>	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
<i>dalai lamīg bandi baixad</i>	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
<i>dcjaṅ xānīg balčir baixad</i>	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
<i>xaṅgaiṅ modīg žulžag baixad</i>	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
<i>xataṅ xarīg unag baixad</i>	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
<i>galīṅ tujāg ulairč baixad</i>	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
<i>gazrīṅ xòbòg šarlaž baixad</i>	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
<i>manai galbīṅ exinde</i>	— ∪ — ∪ — ∪ ∪
<i>maidrīṅ galtīṅ tūxende</i>	— ∪ — ∪ — ∪ ∪
<i>dewen-garīṅ ūjede</i>	— ∪ — ∪ — ∪ ∪
<i>dewāžinḡīṅ orondo</i>	— ∪ — ∪ — ∪ ∪
<i>xād xādīṅ jixel gen</i>	— — ∪ — ∪ —
<i>xamag xādīṅ jixel gen</i>	— ∪ — ∪ — ∪ —
<i>ežed eždīṅ tūrūnīx gen</i>	— ∪ — ∪ — ∪ ∪ —
<i>eṅxe bolod xāṅ gež</i>	— ∪ — ∪ — ∪
<i>negen jixe xāṅ baiba gen.</i>	— ∪ — ∪ — — ∪ —

„Когда хребет Кентейский был грядою,
И были лужей Тула с Керуленом,
Когда Далай лама был банди,
И малым был ребенком Даян хан,

¹ Хорейческим является также и стих улигера, но в наших переводах в большинстве случаев размер подлинника, как было сказано выше, не соблюдается.

² Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 98—99.

Когда росточком был хангайский лес,
 И Хатан вороной был жеребенком малым,
 Когда зардел впервые луч огня,
 И пожелтела кромка земляная,
 В начале этой нашей калпы,
 В предначертаньях калпы Майдари,
 Во время будды Дипанкары,
 В Деваджине, стране богов,
 Был наивысший из всех ханов,
 Всех ханов наивысший был,
 Был самый первый из царей,
 Великий некий хан
 По имени хан Энхэ Болот“.

Как видно, первые восемь стихов представляют собою четырехстопные хорей, а следующие четыре стиха имеют в третьей (заключительной) стопе дактили. Тринадцатый стих представляет собою четырехстопный хорей с неполной первой и последней стопой. В четырнадцатом стихе за первыми тремя стопами (хорей) следует еще одна неполная. За этим стихом следует стих, третья стопа которого представляет собою дактиль, за которым имеется еще одна неполная стопа хорей. Предпоследний стих — трехстопный хорей. В последнем стихе третья стопа неполная, и имеется еще неполная пятая стопа. Относительно неполных стоп следует заметить, что их неполнота в пении компенсируется удлинением соответствующих слогов и превращением их в два слога перерывом голоса: вместо *xād xādīn jixel gen* получается *xa'ād xādīn jixel gen*, т. е. — ∪ | — ∪ | — ∪ | —.

Наконец, для правильного понимания стиха улигера следует иметь в виду, что неударенные редуцированные гласные „проглатываются“, т. е. выпадают, — явление свойственное вообще халха-монгольскому языку. Это наблюдается в тех случаях, когда слог, образуемый таким кратким редуцированным гласным, оказывается лишним и нарушает размер. Таким образом, трудности определения стихосложения оказываются не столь уже непреодолимыми, и мы можем установить, что для улигера характерен как раз четырехстопный хорей, чередующийся с трехстопным и осложненный каталектикой.

То же самое наблюдаем мы и в отношении ойратских и бурятских эпоей.

Ограничимся приведением здесь лишь образчика западно-ойратской эпоеи Аламжи мэргэн.¹

x̄ūnei j̄ūnei hūgā-gūi — ∪ | — ∪ | — ∪ ∪
x̄ūnei j̄ūnei ežlē-gūi — ∪ | — ∪ | — ∪ ∪

¹ Ц. Ж. Жамцарано. Произведения народной словесности бурят. Пгр., 1918, стр. 4—5.

<i>xūlgei jūnei gešxē-gūi</i>	— ∪ — ∪ — ∪ ∪
<i>xūler mō᠋ᠭᠣᠨ dubūndā</i>	— ∪ — ∪ — ∪ —
<i>garžal baibal-dā.</i>	— ∪ — ∪ —
<i>t'isen jāsar xoino-lo</i>	— ∪ — ∪ — ∪ ∪ ∪
<i>oido-xanai garaža</i>	— ∪ — ∪ — ∪ ∪
<i>oido baihar m dīji</i>	— ∪ — ∪ — ∪ ∪
<i>obō sobō unagāža</i>	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
<i>uzūrhān'i otolžo</i>	— ∪ — ∪ — ∪ ∪
<i>ūzūrhēn'i xirbebel.</i>	— ∪ — ∪ — ∪ ∪

„На холм, где не селился человек,
 Которым люди не владели,
 Где не ступали ноги скакуна,
 На холм из бронзы серебристой,
 Взшел он. А затем
 Ступил он в лес.
 Деревья, бывшие в лесу,
 Свалил в огромную он груду,
 Срубив с корня,
 С верхушек он их обтесал“.¹

Сравнение этого отрывка бурятской эпосеи с халха-монгольскими улигерами обнаруживает полное совпадение их со стороны стиха.

Что касается отклонений в стихе улигера в отдельных случаях, то следует еще раз напомнить сказанное выше относительно разложения эпоса. Несмотря на это, все же можно установить, что халха-монгольский улигер отличается очень определенным стихом.

Суммируя сказанное, мы можем указать, что самой главной и постоянной чертой стиха является аллитерация. Размер стиха — хорейческий с каталектикой, обнаруживающий разные отклонения.

Говоря о форме улигера, мы не можем ограничиться лишь вопросом о стихосложении. Необходимо указать еще на одну особенность улигера: каждый улигер, как нам уже известно, имеет небольшое вступление и заключение. Выше уже приводились примеры вступлений к улигерам, содержащих указания на то, где и когда происходило действие улигера.

¹ Перевод этот принадлежит нам. Для сравнения приводим соответствующее место недавно вышедшего в свет стихотворного перевода И. А. Новикова (Аламжи Мерген. Бурятский эпос. Academia, М. — Л., 1936, стр. 8:

„Так он родился-появился	И вот с холма ступает в лес,
На том серебряном холме,	И все растущие деревья
Где не было еще народа,	Он валит грудую одной,
Где не селился род людской;	Их зачищая от верхушки
Еще и лошадь не ступала	И подрубая от корней“.
На бронзовом на том холме.	

Точно также был приведен пример стандартной концовки улигера, в которой говорится об устройстве шестидесятилетнего торжества и восьмидесятилетнего пира по случаю счастливого возвращения героя из похода. Какие-либо другие виды вступления и окончания большинству улигеров халха-монголов неизвестны, но они все же существуют.

Приведенные нами выше вступительные строки не представляют собой вступления рапсода, типа того, какое мы находим, напр., в Калевале:

„Золотой мой друг и братец!	Так давай свои мне руки,
Дорогой товарищ детства!	Пальцы наши вместе сложим,
Мы споем с тобою вместе,	Песни славные споем мы,
Мы с тобой промолвим слово...	И начнем мы с лучших песен“.

Приведенные нами выше начальные строки улигеров представляют собой именно начало самого улигера, т. е. зачины, а не вступления к нему, не запевы. Что же касается вопроса о том, существуют ли у монголов какие-нибудь вступительные слова самого рапсода, которые он должен пропеть перед тем, как начать самый улигер, то на него можно ответить утвердительно.

В настоящее время такие вступительные строфы к эпopeям, не составляющие начало самой эпопеи, т. е. типичные запевы, сохранились у западных бурят. Так напр., к эпопее „Аламжи мэргэн“, изданной Ц. Ж. Жамцарано, имеется следующего рода запев:

šagābartai šagābartai turada belei-ū
šaṇnaxār šaṇnaxār ūligeri tataxa jālai-ū!
šaṇnaža hūhaṇ nōxōšin-dā
dur'ālsarin xelexe jālai!
abdar jūji in'ēže-dā
arbaṇ zebiji hergēxe jālai!
arbaṇ gurbaṇ xānai belei-le
axalxa dēžin xelexe jālai!

„Во дворце, изукрашенном окнами,
 Воспоем, эпоем улигер!
 На усладу друзьям, в поучение —
 На усладу споем улигер!
 Сундуки прочткроем заветные:
 Стрел мы десять должны обновить!
 Изо всех властелинов тринадцати
 Изо всех мы о лучшем споем!“¹

¹ Перевод И. А. Новякова.

Другого рода запев приводится при изданной тем же собирателем эпосе „Гэсэр“.

Что касается запевов к халха-монгольским улигерам, то они редки, но все же существуют. Так напр., типичный запев представляют собою следующие строки:

*xūrči b'denī xeldeg ūliger
xūdū mādū baiži bolno.
xūčid waəgīn xūlsan xūdas
xūdū mādū baiži bolno.
erte cagīn ūligerīgi
o'oa nōxod tānarta
ceəgeldūlejāl*

„Нами хурчи¹ говоримый улигер,
Он ведь может быть неправдой;
Древним ваном переписанный листок,
Он ведь может быть неправдой.
Вам на радость, многие друзья,
Я исполню древний улигер!..“²

В то время как бурятские эпосы отличаются особыми концовками, мы к халха-монгольским улигерам их не имеем. Примером концовки бурят-монгольского улигера являются следующие стихи:

*ūnegeŋ'i ūnegeŋ'i šara.ji ālami
ūldeže šildeže xūseji-dāl
ūligerēi ontoxīn utaiji ālami
xeleže zugālaža xūseji-dāl*

„Будем гнаться и догоним,
Мы желтейшую из лис!
Будем мы вести беседу,
Говорить, и мы закончим
Эту длинную из сказок!“³

Судя, однако, по тому, что концовки улигеров сохранились у бурят-монголов, эпос которых носит в основном тот же характер, что халха-монгольский, нужно думать, что и халха-монгольским улигерам полагались прежде такие же концовки.

Образчиком концовки монгольского улигера является следующая:

*ūliger dūrbe
ūxer xoldobo
ūzūrīn ūnege xazaba
uzūrīn' ogotonō xazaba.*

„Окончена сказка,
Быки удалились,
Отгрызла верхушку лиса,
Коренья ж отгрыз сеноставец...“⁴

Совершенно чужды халха-монгольским улигерам очень характерные для хори-бурятских эпосов особые вставки в тексте, так наз. *tūrjelge*, представляющие собою строки, состоящие из звукоподражательных слогов, лишенных значения. Такие *tūrjelge* часто наблюдаются через строку улигера: строка улигера и *tūrjelge*, опять строка улигера и снова *tūrjelge* и т. д.

Не известны халха-монголам также припевы, подхватываемые слушателями рапсода, которые от времени до времени прерывают повествование сказителя. У западных бурят такие припевы называются *seg daralga*.

¹ Хурчи — музыкант и певец.

² Берлинский, цит. соч., стр. 83.

³ Концовка улигера „Айдурай мэргэн“. См. Ц. Ж. Жамцарано. Произведения народной словесности бурят. Пгр., 1918, стр. 214.

⁴ Поппе, Язык и колхозная поэзия бурят-монголов Селенгинского аймака, стр. 119.

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

I. ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Том I. 1932. 321 стр. Ц. 8 р.	Том II. Вып. 4. 1934. 68 стр. Ц. 2 р.
» II. Вып. 1. 1932. 36 стр. Ц. 2 р.	» III. 1935. 214 стр. Ц. 2 р.
» II. Вып. 2. 1933. 70 стр. Ц. 3 р.	» IV. 1935. 81 стр. Ц. 3 р. 50 к.
» II. Вып. 3. 1933. 54 стр.
Ц. 2 р. 25 к.	» V. 1936. 231 стр. Ц. 10 р.
	» VI. 1937. 175 стр. Ц. 9 р.

II. ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- I. Проблемы литературы Востока. 1932. 126 стр. Ц. 3 р.
- II. Беляев, В. И. Арабские рукописи бухарской коллекции Азиатского музея. 1932. XVII + 52 стр. Ц. 2 р.
- III. Крачковский, И. Ю. Абӯ-л-'Алā'ал-Ма'аррӣ. 1932. VIII + 86 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- IV. Зарубин, И. И. Белуджские сказки. 1932. VIII + 220 стр. Ц. 6 р.
- V. Поппе, Н. Н. Бурят-монгольское языкознание. 1933. 119 стр. Ц. 5 р.
- VI. Новичев, А. Д. Экономика Турции в период мировой войны. 1935. 143 стр. Ц. 3 р.
- VII. Материалы по истории каракалпаков. 1935. 299 стр. Ц. 12 р. (в перепл. 14 р.).
- VIII. Востриков, А. И. и Поппе, Н. Н. Летопись баргузинских бурят. 1935. 75 стр. Ц. 3 р. 50 к.
- IX. Поппе, Н. Н. Летописи хоринских бурят. Вып. 1. 1935. X + 172 стр. Ц. 15 р.
- IX. Казакевич, В. А. Летописи хоринских бурят. Вып. 2. 1935. X + 126 стр. Ц. 12 р.
- X. Бертельс, Е. Э. Персидская поэзия в Бухаре. 1935. 57 стр. Ц. 2 р.
- XI. Невский, Н. А. Материалы по говорам языка Цоу. 1935. 136 стр. Ц. 6 р.
- XII. Поппе, Н. Н. Летописи селенгинских бурят. 1936. IV + 55 стр. Ц. 5 р. 50 к.
- XIII. Петров, А. А. Ван-Би (226—249). Из истории китайской философии. 1936. 136 + 2 стр. + XVIII т. Ц. 8 р.
- XIV. Поппе, Н. Н. Монгольско-тюркский словарь Мукаддимат ал-Адаб. (Печатается).
- XV. Стапов, Л. П. Очерки по истории Шорин. 1936. 260 стр. + 1 карта. Ц. 9 р.
- XVI. Жамцарано, П. Ж. Монгольские летописи XVII века. 1936. 121 стр. Ц. 7 р. 50 к.
- XVII. Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г. 198 стр. + 6 табл. Ц. 10 р.

- XVIII. Тураев, Б. А. Абиссинские хроники XIV—XVI вв. Перевод с эфиопского под редакцией И. Ю. Крачковского. 1936. 188 стр. Ц. 7 р.
- XIX. Библиография печатных работ академика Игнатия Юлиановича Крачковского. (К 30-летию научной деятельности). 1936. 62 стр. Ц. 2 р.
- XX. Думан, Л. И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. 1936. 254 стр. + 1 табл.
- XXI. Поппе, Н. Н. Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник. 1936. 166 стр. 4 ил. + 471 стр.
- XXII. Санжеев, Г. Д. Монгольская повесть о хане Харангуй. 1937. 170 стр.
- XXIII. Кильберг, Х. И. Восстание Араби-паша (антибританское национальное освободительное движение в Египте в 1879—1882 гг.).
- XXIV. Труды первой сессии арабистов 14—17 июня 1935 г. 1937.
- XXV. Баранников, А. П. Легенды о Кришне. Т. I. Лаллу джи лал Прем Сагар. Перевод с хинди. 1937. 4 ил. + 471 стр.
- XXVI. Поппе, Н. Н. Халха-монгольский героический эпос. 1937.

III. БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Вып. 1. 1932. 143 стр. Ц. 6 р. 50 к.	Вып. 7. 1935. 164 стр. Ц. 9 р.
Вып. 2—4. 1934. 201 стр. Ц. 8 р. 50 к.	Вып. 8—9. 1936. 194 стр. Ц. 12 р.
Вып. 5—6. 1935. 144 стр. Ц. 7 р.	Вып. 10. (Печатается).

IV. ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Гюзальян, Л. Т. и Дьяконов, М. М. Рукопись Шах-намэ в ленинградских собраниях (совместно с Государственным Эрмитажем). 1934. XXIV + 123 стр. Ц. 7 р.
- Фердовси (совместно с Государственным Эрмитажем). 1934. 223 стр. Ц. 8 р.
- Бертельс, Е. Э. Абу-л-касим Фирдоуси и его творчество. 1935. 72 стр. Ц. 1 р. 75 к.
- Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сборник статей. 1934. 642 стр.
- Bibliotheca Friedlandiana. Каталог еврейских книг (изданных до 1892 г.) Библиотеки Института Востоковедения Академии Наук СССР. Вып. VIII. Составил И. Г. Бендер под ред. акад. Ш. К. Коковцева. 1936. 657—690 стр. + 4 ил. Ц. 2 р.
- Bibliotheca Buddhica, XXIX. Prajñā pāramitā-ratna-guṇa-saṃcaya-gāthā. Sanscrit and tibetan text edited by E. Obermiller. 1937.
- Bibliotheca Buddhica, XXX. Madhyānta-vibhanga. Discourse on discrimination between the Middle and Extremes ascribed to bodhisattva Maitreya and commented by Vasubandhu and Sthir-mati. Translated from the Sanscrit by Th. Stcherbatsky. 106 + 058 стр. Ц. 8 р.
- Скачков, П. Е. Внутренняя Монголия. 1937. 4 + 262 стр.
- Биснек, А. Г. и Шафрановский, К. И. Библиография библиографии Средней Азии. Отдельный оттиск из «Библиографии Востока», № 8—9 (1935). 1936. 48 стр. Ц. 1 р. 50 к.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
20	2 снизу	приносить его	приносить
125	18 снизу	монгольского	цонгольского

Халхл-монг героич. эпос.

~~13113 27~~
~~13113 27~~

~~Ak~~
~~349~~
~~XXV~~

45